

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

**НИКОЛАЙ I
И КРАКОВСКАЯ
РЕСПУБЛИКА**

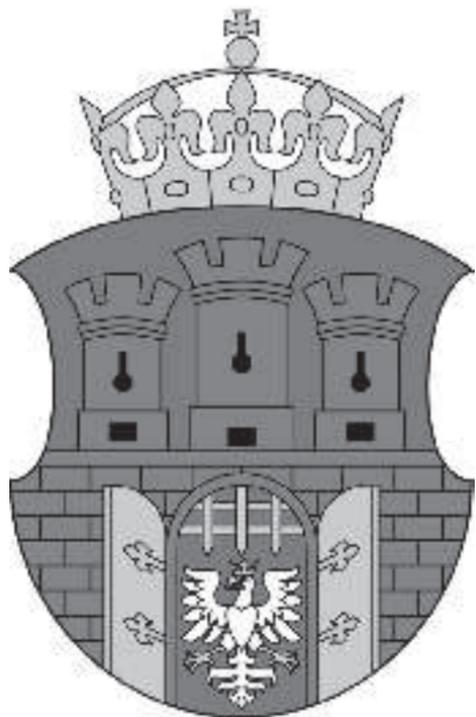
А. Р. Соколов

**Николай I
и Краковская республика**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2016

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 94(47).073.3

ББК 63.3(2)47-6

С 594

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. Г. Афанасьев*

доктор исторических наук, профессор *И. В. Зимин*

Соколов А. Р.

С 594 Николай I и Краковская республика. – СПб.:
Алетейя, 2016. – 300 с.

ISBN 978-5-906860-32-3

УДК 94(47).073.3

ББК 63.3(2)47-6

ISBN 978-5-906860-32-3

9 785906 860323

© А. Р. Соколов, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

ОТ АВТОРА

Толчком, вдохновившим автора на написание этой книги, стало такое вполне заурядное в чисто житейском, но яркое в плане личном событие, как визит в Краков.

Называть этот город одним из красивейших городов мира значит не блистать оригинальностью. Но когда речь идет о профессиональном историке (к каковым я себя причисляю), легко предсказать пробуждение определённого исследовательского азарта, связанного с желанием ближе ознакомиться с прошлым бывшей польской столицы.

Идеологическая сакральность и наследие столичности, пожалуй, в ещё большей степени, нежели великолепие архитектуры, накладывают на Краков особый отпечаток, сближающий его с родным для меня городом — Санкт-Петербургом. Но есть ли у двух этих городов ещё что-либо общее? Есть ли общее прошлое?..

Краков был столицей Польши во времена Средневековья, но в 1610 г. утратил свой статус. В 1703 г. Петр Великий основал Санкт-Петербург, в 1712 г. перенёс на берега Невы столицу российского государства, а в 1918 г. столица снова вернулась в Москву, никогда не терявшую своего почётного названия «первопрестольная».

Именно как столицы Краков и Санкт-Петербург разошлись во времени на столетие с лишним. Краков был колыбелью польской государственности, хранителем народного духа и национальных ценностей. Санкт-Петербург, напротив, воспринимался в России как форпост западной цивилизации и модернизационная альтернатива унаследованному от Москвы традиционному консервативно-патриархальному укладу.

Даже в плане геополитическом два города почти не пересекались, поскольку Краков оказался вне территорий бывшей Речи Посполитой, вошедших в состав Российской империи.

Но что-то же ещё должно было сближать наши города, особенно учитывая, насколько тесно начиная с XVI века пересекались судьбы России и Польши? Этот вопрос не то чтобы мучил, скорее интриговал меня, и я старательно фиксировал встречавшиеся в российских источниках упоминания о Кракове, с тем чтобы выстроить сюжет, который позволил бы на связанном с этим городом локальном материале рассмотреть более глобальные вопросы, касающиеся двухсторонних отношений.

Так сложилось, что само сопоставление двух стран — России и Польши — априори несёт на себе налёт некоей конфронтационности. Это объясняется определённой разницей менталитетов, оставшимися от прошлого обидами, разницей политических культур, утратившими актуальность, но засевшими в памяти территориальными спорами. Однако при сопоставлении Санкт-Петербурга и Кракова этот налёт конфронтационности исчезает или может быть замечен лишь очень пристрастному взгляду.

Во всяком случае, долго вынашиваемая и внезапно родившаяся тема оказалась построена не на сопоставлении двух городов, а на противопоставлении города и человека — Кракова и Николая I.

Такой выбор главных персонажей оправдан тем, что города, как и люди, имеют свои биографии, свою «внешность» и в определённой степени свой характер.

Среди городов Польши Краков, даже утратив свой столичный статус, бесспорно, «король» по происхождению, в отличие от Варшавы, которую скорее можно уподобить демократически выbranному «президенту».

Холодный, дисциплинированный, преисполненный сознания собственного долга и красивый, словно античная статуя, Николай I в определённой степени может считаться персонифицированным воплощением Петербурга; неслучайно памятник ему стоит в одном из самых знаковых мест города, отделяясь от Медного всадника, Петра I, «всего лишь» громадой кафедрального Исаакиевского собора.

Впрочем, эти образы и сравнения, теснившиеся в голове автора и являющиеся продуктом размышлений культурологического характера, возможно, и передают внешнюю суть явлений, но вряд ли способны выразить подлинную глубину исторического процесса. Между реальными людьми, событиями и явлениями и их отражением в нашем сознании всегда существует определённый зазор, размер которого не является величиной постоянной и не может быть вычислен по некоей универсальной формуле. Суживать этот зазор, сводить его к минимуму как раз и должны историки, использующие в качестве инструментария своей работы в первую очередь архивные источники.

Будучи профессиональным архивистом и возглавляя на протяжении ряда лет крупнейший исторический архив Российской Федерации, автор всё же привык строить свои исследования, отталкиваясь от документов, написанных то в сухом канцелярском, то, напротив, в темпераментно-полюемическом стиле, но, во всяком случае, конкретных по своему содержанию. Так что в написанной мною монографии читатель почти не обнаружит культурологических рассуждений на тему противостояния русского императора и польского города, зато найдет материалы, позволяющие наполнить историю этого противостояния «плотью и кровью».

Фактически же в ней идёт речь не о противостоянии личности и города, а о борьбе двух институтов, представлявших две разные государственные системы, два народа. Ведь Николай I боролся не с Краковом как таковым, а с его статусом «Вольного города», с символом польской государственности и гнездом польских революционеров. Боролся, как и положено бороться монарху против республики. Боролся, чтобы потенциальные противники не обзавелись лишним форпостом вблизи границ Российской империи. В общем, ничего личного, одна геополитика.

Автор не склонен оценивать Николая I как персонаж отрицательный, хотя и рассматривает его в контексте событий, казалось бы, подтверждающих закрепившееся за ним клеймо «жандарма Европы». Вот только источники рисуют отнюдь не «жандарма», а лишь человека, убеждённого в правоте монархической идеи

и преисполненного благих побуждений сделать счастливыми не только русских, но и «неблагодарных» поляков; пусть даже против их воли.

В какой-то степени Николай I оказался заложником и жертвой доставшегося ему от предшественников наследства. Да и вообще на новом этапе русско-польского противостояния, начавшемся в 1815 г. и продолжавшемся ровно 100 лет (до оккупации Царства Польского германскими войсками), трудно найти правых и виноватых, поскольку эти события оказались детерминированы тремя разделами Речи Посполитой.

Сложившийся после Венского конгресса геополитический паяс был таков, что попытки интеграции польских земель в состав Российской империи были столь же трудноисполнимы, как и любые попытки, связанные с предоставлением Польше полной или частичной независимости. И разве не интересно разобраться в причинах этой коллизии, трагически преломившей всю историю взаимоотношений двух народов и отзывающейся вплоть до нашего времени эхом Катыни?

Задача показалась мне тем актуальнее, что список работ по истории Царства Польского вообще достаточно скуден и не отражает всей связанной с данным сюжетом проблематики. За последние 5 лет, по моему мнению, вышли лишь две серьёзные работы — «Польша и Россия в первой трети XIX века» (под редакцией С.М. Фалькович; М., 2010 г.) и «Поляки в Петербурге в первой половине XIX века» (М., 2010 г.), причём вторая из них является не исследованием, а публикацией мемуарных источников, хотя и снабжённых фундаментальными научными комментариями. И в обоих случаях история Краковской республики практически не затрагивалась.

Между тем истории Царства Польского и Краковской республики особенно актуальны как примеры выстраивания определённых интеграционных моделей, попыток наведения «мостов» между двумя народами. Правда, попыток непоследовательных, перечёркиваемых силовыми жестами и перегибами русификации.

Представленная вниманию читателей монография не может закрыть все лакуны по сложным вопросам российско-польских отношений. Однако, избрав сравнительно локальную тему и опираясь практически исключительно на российские источники, автор хотел бы максимально объёмно представить позицию исторического деятеля, несправедливо представляемого последовательным противником всего польского, а также исследовать важный, но полузабытый сюжет из прошлого двух народов. Сюжет, актуальность которого, возможно, и не лежит на поверхности, но вполне может проявиться в проблемах и событиях дня сегодняшнего, в нашей современности, которая может преподносить самые неожиданные сюрпризы.

ВСТУПЛЕНИЕ

Личность российского императора Николая I оценивается в Польской историографии исключительно в негативных тонах, что, в сущности, совершенно объяснимо, учитывая роль, сыгранную им в подавлении Ноябрьского восстания и ликвидации автономии Царства Польского.

*Самодержец, властелин половины мира,
Сдвинул брови — мчатся вдаль тысячи кибиток;
Подписал — и слёзы льют матери убитых;
Глянул — хлещет царский кнут, что Хива, что Неман!
Царь, ты всемогущ, как бог, и жесток, как демон!*

Эти строки из поэмы Адама Мицкевича «Редут Ордона» (пер. С. Кирсанова) современный польский автор приводит в качестве «примера изображения российских правителей в культуре польского романтизма, изображения, которое по-прежнему определяет облик династии Романовых в сознании современных поляков. Каждый выносит из школы образ царя-чудовища, земного воплощения дьявола, чуть ли не вурдалака, питающегося кровью бедных и невинных патриотов. Не будет преувеличением, что русский царь (как топос) по сей день остается одним из важнейших отрицательных героев польской культуры»¹.

Многие российские литераторы оценивали Николая I в сходном ключе, что же касается российских историков, то большинство из них исходило из посыла, что его царствование началось

«позором Сенатской площади и закончилось позором Крымской войны», оценивая это правление в целом как неудачное.

В сущности, именно негативный образ Николая I стал основой для формирования со стороны польской общественности априори негативного отношения к любому русскому монарху (за исключением Александра I), будь то либерал Александр II, консерватор Александр III или не проводивший последовательной политической линии последний российский император Николай II.

Ещё раз повторимся, подобное положение вполне объяснимо, поскольку именно личность монарха олицетворяла Россию в растянувшемся на века конфликте между двумя нациями. Позиции сторон оказались в нем диаметрально противоположными. Антагонизм был настолько глубоким, что сама возможность достижения компромисса зачастую даже не рассматривалась.

Однако своеобразная ирония судьбы заключалась в том, что если при жизни Николай I являлся для своих подданных воплощением российского национального начала, то после кончины фигура императора рассматривалась прежде всего как фигура политика-ретрограда, видевшего главный смысл деятельности в борьбе с революцией и прогрессом.

В результате сложилось так, что представитель российской стороны в российско-польском конфликте в глазах своих же соотечественников превратился скорее в персонаж отрицательный, что, разумеется, ставило под вопрос и обоснованность его польской политики.

Объективно же контрреволюционный момент в деятельности Николая I оказался сильно преувеличенным. Что же касается его позиции в польском вопросе, то она трактовалась как последовательно полонофобская, без учёта влияющего на него геополитического контекста.

В польском вопросе император до известной степени оказался заложником оставленного ему предшественником наследства, а после Ноябрьского восстания его действия напоминали игру шахматиста в ситуации цугцванга, когда каждый новый ход обуславливается предыдущим.

Эта детерминированность отчётливо прослеживается при анализе действий императора в краковском вопросе, который, с одной стороны, является составной частью более широкого и масштабного польского вопроса, а с другой — до определённой степени имел самостоятельное значение, в гораздо большей степени, затрагивая интересы не только России, но и Австрии, Пруссии и практически всех держав, заинтересованных в сохранении Венской системы.

Само по себе, что столь необычное государственное образование, ставившее под сомнение территориальную целостность трёх окружавших его великих держав, существовало в посленаполеоновской Европе, можно считать удивительным. Объясняет его только весьма своеобразное переплетение интересов как России, Пруссии и Австрии, совместно участвовавших в ликвидации Речи Посполитой и герцогства Варшавского, так и до определённой степени противостоящих им двух западноевропейских держав — Франции и Великобритании.

С известной долей преувеличения можно говорить о существовании в Европе в период между Венским конгрессом 1815 г. и «весной народов» 1848 г. двух противостоящих друг другу блоков — тройственного русско-пруско-австрийского и двойственного франко-английского союзов.

Факт существования этих союзов не был зафиксирован какими-либо всеобъемлющими и долгосрочными документами, да и сами они оставались весьма зыбкими, что, с другой стороны, делало возможным заключение разного рода тактических альянсов по спорным региональным вопросам.

Так, именно в отношении к Польше в целом и Кракову в частности, считающееся либеральным прусское правительство смыкалось с правительствами английским и французским, а те, в свою очередь, во многих случаях демонстрировали идеологическую близость к Тройственному союзу с очевидно преобладающими в его деятельности охранительно-монархическим началами. Поэтому, говоря о России, Австрии и Пруссии, автор предпочитает использовать не термин «Тройственный союз» (вызывающий, к тому же слишком очевидные аналогии с Тройственным союзом конца XIX — начала XX века), а термин «покровительствующие

державы», характеризующий их международно-правовое положение по отношению к Краковской республике.

Сама по себе проблема Краковской республики как лакмусовая бумажка позволяет выявить все нюансы и оттенки политики великих держав в польском вопросе. Но поскольку в России — стране, позиция которой в польском вопросе была определяющей, — общее направление внешней политики определялось прежде всего монархом, автор решил рассмотреть историю Краковской республики именно через призму отношения к ней российского императора.

Удивительно, но проблема отношения русского правительства и персонально Николая I к Краковской республике выпадала из поля зрения историков, в отличие, например, от тем, связанных с позицией Александра I по польскому вопросу. Эта проблема даже символически не обозначалась в общих трудах, посвящённых царствованию Николая I и принадлежащих таким столпам официальной российской историографии, как Н.Г. Устрялов и Н.К. Шильдер. В единственной написанной российским исследователем работе по Краковской республике 1815–1846 гг. её автор Н. Попов подробно исследует отношение к Вольному городу Кракову прусского и особенно австрийского правительства, но почти не упоминает о правительстве российском, выступающем в роли безмолвного статиста. Здесь, впрочем, следует учитывать, что при написании своей работы² автор по причинам объективного характера не пользовался российскими источниками, доступ к которым был связан с серьёзными трудностями. В любом случае, при чтении его работы у читателя складывается впечатление, что в краковском вопросе Николай I всего лишь следовал в фарватере политики Меттерниха, хотя в известной степени дело обстояло противоположным образом.

Как бы то ни было, действия царя по отношению к Вольному городу Кракову носили рациональный и сугубо прагматичный характер, мотивируясь стремлением к укреплению русско-австрийского альянса. И одновременно факт существования Краковской республики являлся для русского царя постоянным раздражителем, поскольку противоречил линии на интеграцию бывших польских земель в состав Российской империи.

После Ноябрьского восстания 1830 г. линия эта проводилась царём последовательно и при активном участии наместника Царства Польского И.Ф. Паскевича, пользовавшегося безграничным доверием монарха. Поэтому, рассматривая все нюансы и оттенки политики Николая I в отношении «Свободного, независимого и строго нейтрального города Кракова с округой», автор настоящей монографии сосредоточился на определённом круге хранящихся в Российском государственном историческом архиве источников, сгруппированных в личном фонде И.Ф. Паскевича, фондах Министерства Императорского двора и Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с использованием ряда ранее публиковавшихся материалов из архива Министерства иностранных дел Российской империи.

Огромный интерес для характеристики польской эмиграции в целом, и прежде всего той её части, которая осела в Вольном городе Кракове, представляют документы Государственного архива Российской Федерации, а именно фонды Варшавского уголовного суда (1828–1838 гг.), Штаба отдельного корпуса жандармов, канцелярии наместника Царства Польского, Особой канцелярии Министерства внутренних дел и III отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии. В этом же архиве находится и значительный комплекс документов по Большой действующей армии, в задачу которой входило отражение возможного вражеского вторжения на территорию Царства Польского, а также нанесение превентивных ударов по противнику. Именно части Большой действующей армии в 1836 и 1846 гг. проводили операции против Вольного города Кракова, что также нашло отражение в фондах ГАРФ. Однако с основным массивом источников, касающихся военных аспектов краковской проблемы, автор ознакомился в Российском государственном военно-историческом архиве.

Для воспроизведения контекста происходивших событий автор обращался к работе «Rzeczpospolita Krakowska. 1815–1846. Wybór źródeł» (Wrocław, 1950), несколькими общим исследованиям по истории Польши, к трудам российских историков и публицистов XIX века, а также мемуарам российских деятелей, бывших свидетелями и очевидцами происходивших событий.

Подобный подход, хотя и не претендует на всеохватность изучения истории Краковской республики, даёт возможность проследить мотивы, которыми руководствовался Николай I, и оттенки его поведения по отношению к другим великим державам, принимавшим участие в польских событиях.

Особый акцент сделан на материалах, освещающих механизм принятия конкретных решений, связанных с противодействием польской эмиграции, а также реакцией на события 1836 и 1846 гг.

Книга выстроена по хронологическому принципу, с периодизацией, основанной на изменении концептуальных подходов в политике России по отношению к Краковской республике и польскому вопросу в целом.

Автор надеется, что написанная им книга позволит по-новому взглянуть на проблемные эпизоды общего прошлого и добавит несколько колоритных штрихов в сложную картину дипломатических игр великих держав на развалинах уничтоженного Польского государства.

ГЛАВА I

ДИТЯ «ТАНЦУЮЩЕГО КОНГРЕССА»

Венский конгресс, проходивший в столице Австрийской империи в сентябре 1814 — июне 1815 гг., подвел черту под эпохой наполеоновских войн, заложив принципы и основы новой системы международных отношений, практически в неприкосновенном виде просуществовавшей в Европе до Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.

С лёгкой руки принца Шарля де Линя, конгресс этот получил название «танцующего», поскольку сопровождался многочисленными светскими мероприятиями.

Краковская республика стала своеобразным внебрачным дитём «танцующего конгресса» — ведь сам факт её появления противоречил общему легитимистскому настрою этого международного форума. Правда, с одной стороны, легитимизм в трактовке главных его участников (Александра I, К. Меттерниха, Ш.М. Талейрана) предполагал восстановление той международной системы, которая существовала в Европе до Великой французской революции. Однако существовала и обратная сторона медали, когда польская проблематика выносилась за скобки легитимистской идеи, поскольку затрагивала территориальные интересы трёх из пяти главных его участников (России, Австрии и Пруссии). Формально подобный «антилегитимистский» по сути подход именно в польском вопросе обосновывался той верностью, которую демонстрировали поляки по отношению к Наполеону, а также тем фактом, что ликвидация Речи Посполитой вполне соответствовала основным принципам контрреволюционной идеологии.

Лукавство подобной аргументации было достаточно очевидным, что, в свою очередь, создавало своеобразную ситуацию, когда представители той или иной великой державы (прежде всего не участвовавших в разделе Великобритании и Франции), могли попытаться выступить в роли благодетелей поляков, исходя из собственных своекорыстных интересов.

Впрочем, нельзя отрицать, что некоторые политики могли примеривать роль «благодетелей», исходя и из мотивов идеалистических. К их числу относился и русский царь Александр I. В Вену он отправился с твёрдым намерением осуществить свою польскую идею, которую так старательно культивировал в императоре его друг юности, князь Адам Чарторыйский.

«Теперь меня более всего занимает Польша, — говорил император полякам, находясь в Пулавах в гостях у семейства Чарторыйских. — Еду на конгресс работать для неё, но надо двигать дело постепенно. У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг — это я. Если бы я хотел присоединить Галицию, пришлось бы сражаться. Пруссия соглашается восстановить Польшу, если ей отдадут часть Велико-Польши. А я хочу отдать польским провинциям около 12 миллионов жителей. Составьте себе хорошую конституцию и сильную армию, и тогда посмотрим»¹.

Александр ошибался — в Вене его польский план снискал себе огромное количество оппонентов, едва не рассорив представителей победоносной коалиции и не приведя к новой войне. Цель Священного союза была достигнута в Париже. Наполеоновская армия разбита, Бонапарт сослан на остров Эльба. Теперь начиналось опасное представление — делёж добычи и сфер влияния.

В сущности, единственным союзником царя в польском вопросе оставался прусский король, руководствовавшийся, разумеется, отнюдь не альтруистическими и полонофильскими мотивами. Ещё в Париже Александр I сделал Фридриху Вильгельму III весьма выгодное предложение: отказаться от своих польских земель в обмен на значительную часть Саксонского королевства. Александр I находил это вполне возможным, поскольку саксонский король (и, кстати, формальный правитель созданного Наполеоном герцогства Варшавского) Фридрих Август I, вследствие своей преданности

Наполеону, находился в плену у союзников и считался предателем, потерявшем право на корону.

«Я буду благодарить Бога, если мне удастся освободиться от моих польских подданных!» — говаривал прусский король, уже тогда убедившийся в непрочности доставшихся ему от предшественников чужих земель. Стремясь распространить своё главенствующее влияние на всю Германию, Фридрих Вильгельм III признавал, что польский элемент будет скорее мешать ему в достижении этой цели.

Итак, два члена Священного союза полюбовно решили польский вопрос и считали, что «священный» долг третьего сотоварища — Австрии — заключался в том, чтобы принять подобное решение с честью и достоинством, тем более что на долю австрийцев также причиталось немало.

Вот краткое извлечение из инструкции, составленной Александром I русским уполномоченным для ведения переговоров на конгрессе:

«1). Австрии: Тироль, Зальцбург, Иннфиртель (Вайнфиртель), побережье Адриатического моря и часть Италии до рек По и Тесина.

2). Пруссии: Саксония и Познань, до черты от Торна (Торунь) до Калиша и по течению Просны.

3). России: вся остальная часть Герцогства Варшавского»².

Но на первом же заседании Венского конгресса 10 (22) сентября 1814 г. планы императора Александра I были поставлены под сомнение как со стороны австрийского канцлера Меттерниха, так и со стороны представителя Англии лорда Роберта Каслри. Вот что писал об этом заседании уполномоченный России на Венском конгрессе граф Карл Васильевич Нессельроде императору Александру I:

«Государь. Сразу же по прибытии канцлера Гарденберга (глава внешнеполитического ведомства Пруссии. — А. С.) я постарался открыть обмен мнениями по всем вопросам, непосредственно затрагивающим интересы Вашего Императорского Величества. Поскольку от них должны в той или иной степени зависеть все прочие

соглашения, я решил, что трудно будет хоть сколько-нибудь продвинуть дело, пока трём дворам не будет подробно сообщено о видах вашего Императорского Величества. Итак, мы собрались 19-го вечера. Я открыл заседание, объяснив, что содержащиеся в записке канцлера К.А. Гарденберга мысли о будущих приобретениях России весьма мало отвечают тому, на что она вправе рассчитывать, учитывая великие услуги, оказанные ею делу освобождения Европы; что поскольку Варшавское герцогство было завоевано Россией и только ею ещё до заключения союза с другими державами, то естественно её стремление найти в обладании этой страной компенсацию за свои жертвы...

Князь Меттерних ответил на эти заявления следующими замечаниями. «Я не могу, сказал он, согласиться с мнением, что Варшавское герцогство было завоевано без содействия союзных держав и что, следовательно, эту страну можно исключить из числа тех, участь которых должна быть решена с общего согласия. Австрия была фактически союзницей России, когда войска последней вступили в герцогство...

Мы отнюдь не противимся стремлению России к территориальным приобретениям, мы считаем справедливым, чтобы она была вознаграждена за принесённые ею жертвы...

Но соглашаясь, таким образом, на приобретение Россией более 3 ман новых подданных, Австрия не считает необоснованным своё желание сохранить за собой два стратегических пункта, совершенно необходимых для обороны оставшейся у неё части Польши. Передача Кракова России означает, что её армии окажутся в десяти переходах от Вены, а сохранение в её руках Замостья значит, что они могут в три перехода дойти до Лемберга, и тогда восточную Галицию уже нельзя будет удержать; обладание ею оказалось бы до крайности непрочным, коль скоро размещенная там армия будет сразу же отрезана, как только русские войска двинутся от Кракова за Вислу»... »³

Действительно, Краков и его предместья располагались на важных стратегических и торговых путях, и обладание ими обеспечивало контроль над краем, служащим водоразделом между бассейнами Вислы и Одера. Кроме того, а возможно и более того, Краков

являлся как бы воплощением польской национальной идеи; городом, в истории которого отразилась и вся история Польши. Это наглядно отражено в древней пословице: «Один Краков — целая Польша» — так говорили еще в XV веке, когда Краков принадлежал к Ганзейскому союзу и имел до 80 тысяч жителей. Для польского национального движения Краков был своего рода Меккой. А поскольку русский император намеревался на присоединённых землях дать полякам конституционное правление, то для Австрии подобное соседство становилось особенно опасным.

Сознавая всё это, канцлер Меттерних перешёл от территориальных претензий к политическим и решительно выступил против намерений русского императора восстановить Польшу. Перспектива полного охлаждения в отношениях между Петербургом и Венной выглядела очевидной, а в отношении стратегического сотрудничества двух империй Нессельроде делал неутешительный вывод:

«Тогда уже... мы должны будем считать Галицию потерянной для нас, и этот вопрос, таким образом, ещё важнее, чем территориальный. В нем заключены все семена раздора, от которых было так хорошо избавить Европу, он совершенно не совместим с существующими договорами»⁴.

Негативная позиция Меттерниха по отношению к идее возрождения польской государственности была поддержана представителем английского правительства лордом Каслри. Британский министр иностранных дел рассматривал польские проекты Александра I как своего рода тактический приём, призванный способствовать усилению русского влияния в Европе, что для озабоченного поддержанием европейского равновесия «коварного Альбиона» было совершенно неприемлемо.

Нессельроде в своем послании передает витиевато изложенное мнение Каслри:

«Он заявил, что, может быть, ни в одной стране восстановление независимой Польши не нашло бы столько сторонников, как в Англии, и поэтому, поддержав это дело, министерство не только не

действовало бы вопреки общественному мнению, но, напротив, польстило бы ему; однако подобное решение потребовало таких больших жертв от тех самых держав, которые больше всех способствовали достижению коалицией её великих успехов, что он никогда не осмелился бы предложить им это. При нынешнем положении Европы единственным средством предупредить новые столкновения является сохранение существовавшей до сих пор системы раздела; ему кажется, что ни одна держава не может желать сохранения этой системы больше, чем Россия, ибо именно она владеет большей частью старой Польши. Пруссия и Австрия являются её партнёрами в этом деле, и, следовательно, для России было бы выгодно по возможности заинтересовать их, не отвергая их справедливые требования»⁵.

Впоследствии лорд Каслри представил Александру I меморандум, в котором более развёрнуто и аргументированно изложил позицию английского правительства по поводу польского вопроса. В частности, английский министр напоминал русскому императору, что, по условиям прежних договоров, подписанных союзниками в Калише, Рейхенбахе и Теплице, территорию герцогства Варшавского следовало разделить между Россией, Пруссией и Австрией. Присоединение же всего герцогства с населяющими его четырьмя миллионами жителей к одной из трёх великих держав, исходя из «завоёванного» права было бы, по мнению Каслри, «вероломством».

Канцлер Пруссии Гарденберг тоже добавил к общему хору недовольства свою тревожную арию по вопросу восстановления Польши и «высказал затем несколько замечаний о том, какую пользу извлекла бы Пруссия из сохранения за нею Торна, ибо этот город совершенно немецкий и сами жители просили о присоединении к прусским владениям»⁶.

Город-крепость Торн (Торунь) имела примерно такое же стратегическое значение, как и Краков, но только располагалась на северо-востоке бывших польских земель, там, где должна была пройти новая граница России с Пруссией. И несомненно, что для «союзников» новая демаркационная линия Торн — Калиш — Ченстохова — Краков, которую пытался выстроить русский

император, выглядела настолько угрожающе, что они пытались любой ценой помешать осуществлению этого плана.

Главным итогом заседания, на котором присутствовал Нессельроде, стало чётко наметившееся противостояние по польскому вопросу, причём в этом вопросе Англия поддерживала Австрию против России и Пруссии. И было очевидно, что при обострении конфликта Англия целиком займет сторону Австрии. Пруссия, во всяком случае до тех пор, пока ей была обещана Саксония, держалась России. Но не следовало сбрасывать со счетов и Францию, которой как никакой другой европейской стране было выгодно обострение отношений между «союзниками».

Заранее и с достаточно высокой долей уверенности можно было предвидеть, чью сторону займёт Франция, начини «союзники» мериться силами. Возможность подобного сценария прорабатывалась главой французской дипломатии, о чём свидетельствует инструкция, составленная прибывшим в Вену французским представителем, министром иностранных дел Франции Талейраном: «Но восстановить Польшу с тем, чтобы всецело отдать её России и увеличить народонаселение последней в Европе до 44 миллионов, и границы её распространить до Одера, это значит создать для Европы опасность столь великую и столь близкую, что хотя следует всё сделать для сохранения мира, но если исполнение такого плана может быть остановлено только силою оружия, не должно колебаться ни минуты для объявления войны»⁷.

Нужно отдать должное умению французского министра неуклонно следовать своим собственным наставлениям. Вскоре после его появления на конгрессе Россия и Пруссия оказались в меньшинстве, против тройцы Англия, Австрия, Франция. Мало того, русско-прусская дуэт также не отличался монолитностью: на Пруссию оказывали активное давление и Англия, и особенно Австрия. Австрийский канцлер Меттерних, весьма искушённый в дипломатических интригах, предложил своему коллеге, прусскому канцлеру Гарденбергу, тайную сделку: если Пруссия поддержит Австрию и Англию в польском вопросе, то Австрия согласится на присоединение к Пруссии Саксонии.

Вместе с тем Меттерних созвал комиссию по германским делам и предложил ей проект конфедерации, по которому управление Германией делилось между Австрией и Пруссией, что, естественно, выглядело как дополнительное средство привлечь прусского короля на австрийскую сторону. И хотя эта интрига австрийского канцлера не удалась, Александр I, узнав о происках Меттерниха, лично отправился к Фридриху Вильгельму III и, напомнив ему о священных взаимных обязательствах, данных ещё в 1805 г. в Потсдаме у гроба Фридриха II Великого, добился подтверждения договорённостей в отношении Польши и Саксонии. Таким образом, стало очевидным, что русскому императору предстоял очень нелёгкий выбор: либо пойти на территориальные уступки, либо отказаться от идеи восстановления Польши, либо развязать новую войну с недавними союзниками (Австрией и Англией) и одним бывшим противником (Францией).

Поначалу Александр I весьма жёстко реагировал на предложения оппонентов смягчить свои требования. В разговоре с Талейраном он заявил: «Впрочем, у меня в герцогстве Варшавском 200 000 ч., пусть попробуют прогнать меня из него. Я отдал Пруссии Саксонию, и Австрия согласна на это»⁸.

Английскому представителю Каслри император предъявил более увесистые доводы: «Я дам необходимое Пруссии, но не уступлю ни одной деревни Австрии. Я завоевал герцогство, и у меня есть 480 тысяч человек для того, чтобы его удержать»⁹.

Чтобы не быть голословным, Александр I приказал назначенному союзниками временному генерал-губернатору Саксонии генерал-лейтенанту князю Н.Г. Репнину-Волконскому вывести русские войска за пределы королевства и объявить о присоединении Саксонии к Пруссии, что и было исполнено 27 октября (8 ноября) 1814 г. Оставляя Саксонию, князь Репнин-Волконский держал речь перед собранием высших чинов королевства: «Вас ожидает счастливая будущность. Саксония останется Саксонией; её пределы будут нерушимы. Либеральная конституция обеспечит ваше политическое существование и благоденствие каждого. Саксония, под могуществом и отеческим покровительством Фридриха-

Вильгельма и его преемников, не будет подвержена, как прежде, каждый полувек, бедствиям войны»¹⁰.

Для придания весомости своим польским претензиям Александр I отправил 7 (19) ноября 1814 г. в Варшаву младшего брата, цесаревича Константина Павловича, который собрал армию в 70 тысяч человек и обратился к жителям бывшего герцогства Варшавского с воззванием. В нём было сказано следующее: «Вы ознаменовали себя великими подвигами в борьбе, нередко вам чуждой. Теперь, когда вы обратите все свои усилия к защите отечества, вы будете непобедимы. Беспредельная преданность императору, который желает одного блага вашему отечеству, любовь к его августейшей особе, повиновение, дисциплина, согласие — вот средства, могущие обеспечить благоденствие вашей страны, состоящей под мощной защитой императора. Таким путём вы достигнете той счастливой доли, которую другие могут вам обещать, но которую он один может вам доставить. Его могущество и его добродетели в том ручаются»¹¹.

Эти два неожиданных демарша, исполненных русским императором, произвели сильный переполох в венском «дипломатическом танцзале».

Посыпались ноты протеста со стороны Австрии, Англии и Франции. Особенно всполошились мелкие германские государства, и 7 декабря 1814 г. появилась официальная нота германских монархов, в которой отрицалось право Пруссии насильно захватывать в свои руки Саксонию. И хотя этот протест сам по себе не имел никакой действенной силы, но сам факт говорил об общей расстановке сил, складывающейся на конгрессе. И перевес этих сил склонялся против России и Пруссии.

Тем не менее Александр I стоял на своём:

«Чистота моих намерений составляет мою силу; стрелы подозрения не достигнут меня, милорд, — отвечал он на очередные претензии английского представителя. — И если я твёрдо держусь порядка вещей, который намерен я восстановить в Польше, то я поступаю так лишь потому, что я ношу в моей совести глубокое убеждение, что мои действия клонятся не к моей личной выгоде, а к пользе выгоды

всеобщей... Эта нравственная политика будет, быть может, оценена по достоинству народами, приемлющими всё бескорыстное и благодетельное, каковую бы тень ни пытались набросить на него»¹².

В конечном итоге и этот виток взаимных упреков, угроз и обвинений не закончился чем-либо определённым. Оказавшись практически в патовой ситуации, стороны стали пересматривать свои требования.

Еще 2 ноября 1814 г. австрийский канцлер Меттерних направил прусскому канцлеру Гарденбергу ноту, в которой предлагал прусскому королю обратиться к русскому самодержцу с меморандумом насчёт устройства будущей судьбы герцогства Варшавского. Суть этого меморандума и его новизна заключались в намеках на то, что Австрия готова пойти на уступки в политическом устройстве герцогства в обмен на уступки территориальные. «Австрия готова согласиться на расширение русских границ до правого берега Вислы; Россия удержит Варшаву с уездом, Пруссия — Торн, Висла должна остаться свободною, для владельцев обоих берегов». И за такие уступки «Австрия, постоянно далекая от вмешательства во внутренние дела своих соседей, предоставит императору всероссийскому попечение дать своим польским провинциям такую форму управления, какую он сочтёт полезною и приличною. Австрия будет согласна и на то, чтоб император всероссийский назвал свои новые владения, порознь и вместе со старыми польскими провинциями, королевством польским, северным или восточным; но в таком случае его императорское величество (австрийское) предоставляет себе право соединить свои польские провинции под названием королевства польского южного; такое же право должно быть предоставлено и его величеству прусскому»¹³.

Прусская сторона согласилась с австрийской на политические уступки в польском вопросе. Интересны доводы, приведённые канцлером Ганденбергом в пользу этого решения:

«Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мы должны уступить насчет политического вопроса, потому что я здесь вижу гораздо большие выгоды, чем опасности для спокойствия Европы

вообще, и для соседей России в особенности. Сила России скорее ослабнет, чем увеличится от этого нового Польского королевства, под скипетром одного с нею государя находящегося. Собственная Россия потеряет области очень значительные и плодоносные. Соединённые с герцогством Варшавским, они получают конституцию совершенно отличную и гораздо более либеральную, чем конституция империи. Поляки будут пользоваться привилегиями, каких нет у русских. Скоро дух двух наций станет в совершенной оппозиции; зависть между ними помешает единству, родятся всякого рода затруднения, император русский и вместе король польский будет гораздо менее страшен, чем государь империи Российской, присоединяющий к России большую часть Польши, которую у него не оспаривают как провинцию... Одним словом, в моём уме образовалось самое глубокое убеждение, что, препятствуя императору восстанавливать королевство Польское под своим скипетром, мы работаем против нашего собственного интереса»¹⁴.

Подобное «глубокое убеждение» по политическому аспекту польского вопроса обнаружилось не только у соперников императора Александра I, но у его соратников.

Барон Г.Ф.К. Штейн, доверенное лицо императора по делам Германии, как только Александр I прибыл в Вену, подал ему «Записку», в которой, в частности, высказался по поводу польского вопроса: «Пусть дадут полякам, принадлежащим России, такие политические учреждения, которые обеспечили бы им участие в самоуправлении, охранили бы их от угнетений, поддержали бы общественное мнение и дали бы пищу их деятельности. Учреждение земских областных чинов во всякой из польских провинций послужило бы к обеспечению полякам личной свободы, собственности, участие во внутреннем управлении, и подало бы средство к развитию в народе нравственных и умственных сил...». Далее Штейн отмечал, что поляки оказались в нынешнем положении благодаря собственным усилиям, своим «трёхвековым безначалием и продажностью своих магнатов, прекративших политическое существование Польши». Завершал барон свою отповедь словами: «Все начала, входящие в характер свободной нации: чистота

нравов, уважение к человечеству, холодный рассудок, просвещение; все учреждения, долженствующие лежать в основе конституции: среднее сословие, городские и общинные учреждения, им неизвестны. Всё заставляет опасаться, чтобы свобода, к которой эта нация вовсе не приготовлена, не сделалась бедствием для неё самой, для её соседей и для державы, с коюю она должна остаться неразрывною»¹⁵.

При первой личной встрече Александр I не преминул высказать Штейну упрёк, что тот не поддерживает его в либеральных начинаниях, на что барон парировал: «Мне кажется, что каждое соображение должно обсуждаться в отношении предмета, к которому предполагается применить его. Опасаюсь, чтобы Польша не сделалась для вас источником неприятностей; ей недостает среднего сословия, охраняющего во всякой образованной стране понятия, нравы и имущества; вместо среднего сословия там видим невежественную буйную шляхту и жидов; подобный же недостаток в среднем сословии затрудняет ваши преобразования и в России»¹⁶.

Эти опасения разделяли и другие иностранцы, состоявшие на русской службе. Александр I, чувствуя слабый интеллектуальный и волевой потенциал своего дипломатического корпуса на конгрессе, вызвал в Вену русского посла в Париже корсиканца К.А. Поццо ди Борго, и посла в Италии, грека И. Каподострию. Им было предложено высказать своё откровенное мнение по польскому вопросу. Поццо ди Борго составил целый «мемуар», содержание которого очень огорчило Александра I.

«Поццо высказывался одинаково решительно и против образования особого Польского королевства, и против дарования ему либеральной конституции. Подобно Штейну, он указывал на те опасности, которые проистекут из таких актов для Австрии и Пруссии, для России и для самой Польши. При постоянном стремлении поляков привлечь к себе своих земляков, остающихся под властью соседних держав, существование особого Польского королевства, польского сейма и войска вызовет сильное волнение в польских областях Австрии и Пруссии и принудит эти государства тесно соединиться друг с другом. К их союзу примкнет вся остальная Европа,

и России придётся вступить в неравную борьбу. Но ещё опаснее будут последствия для самой России... Император Всероссийский и король Польский — титулы несовместимые; никакой государь не может соединить их в своей особе, не возбуждая недовольство одного из двух или обоих народов... Если русские с сознанием своего действительного могущества будут осуждены на положение страдательное, тогда как поляки, не довольствуясь представленною им свободою, будут стремиться к приобретению ещё больших прав, то из всего этого произтекут самые печальные последствия...». Опираясь на эти доводы, Поццо настоятельно советовал Александру «низвести Польский вопрос на степень простого вопроса о границах, обозначить в договорах новое приобретение как собственность России, ограничить введение новых учреждений пределами вновь приобретаемой территории; назначить в Варшаву особого наместника, который, однако же, подобно ирландскому вице-королю, подчинён был центральному министерству; выбрать подчинённых ему чиновников, преимущественно из поляков, но назначить и некоторых русских; прокламировать предполагаемые реформы в форме обыкновенного императорского указа...»¹⁷.

Граф Каподострия вторил тому же, что советовали Штейн и Поццо ди Борго: «... как у поляков нет среднего сословия, то считаю их неспособными к свободным уставам, и если Государь соизволит ввести такие учреждения в Польше, то возбудит тем опасения своих соседей».

Против конституционной автономии Польши выступили и многие русские государственные деятели того времени, такие как Н.М. Карамзин, Н.Н. Новосильцев и В.П. Кочубей. Даже такой угодливый царедворец, как граф А.А. Аракчеев, и тот выказывал точку зрения, противоположную царской. Александр I, по-видимому, был озадачен и смущён этим единодушным противодействием. Но отказаться от своих либеральных устремлений в отношении Польши он не мог, поскольку это шло вразрез с его нравственными убеждениями. Немалую роль в проявленном упорстве сыграло и уязвлённое самолюбие самодержца. Имидж освободителя Европы, самого просвещённого монарха всех времен и народов,

не позволяя Александру I так просто уступить притязаниям со стороны европейских правителей, которые, как он не без основания считал, были ему слишком многим обязаны.

Возможно, единственными союзниками Александра в польском вопросе оставались его друг юности, князь А. Чарторыйский, и бывший наставник, ставший видным деятелем Швейцарской конфедерации, Ф.Ц. Лагарп. Из письма Чарторыйского к отцу видно, в каком затруднительном положении оказался русский самодержец: «Император продолжает держаться своего намерения; его твёрдость и непоколебимость относительно Польши служат для меня предметом удивления и уважения. Все кабинеты против него; никто не говорит нам доброго слова, не помогает нам искренно. Здешние русские тоже страшно негодуют и не извиняют императора; этот хор из своих и чужих старается перекричать один другого. На меня тоже падает их гнев как на защитника этого дела и воображаемого советника императора. Но, несмотря на все эти бури, я всё-таки надеюсь, что дело кончится хорошо для Польши»¹⁸.

Бывший наставник Александра I Лагарп, поддерживая императора в политическом вопросе, советовал ему пойти на территориальные уступки:

«...если возрождение Польши как королевства вызывает удивление, смешанное со страхом, то последний порождается главным образом предложенной демаркационной линией, конечными пунктами которой были бы Торн и Краков... и я спросил себя, такое ли уж большое значение имеют эти спорные пункты, чтобы из-за обладания ими стоило вести столь долгий спор?

У России очень удобная граница в Азии с персами и турками и в Европе с турками и шведами. Не зная местных условий, я не могу судить, является ли столь же удобной граница со стороны Пруссии и Австрии; мне кажется, что нет. Но этот недостаток, по-видимому, искупается: 1) тем, что наступательные возможности Пруссии весьма незначительные; 2) тем, что Австрии в силу географического своего положения довольно трудно использовать свои крупные ресурсы для нападения на Россию; 3) тем, что силы одной русской Польши, если

её внутреннее устройство будет удовлетворять её благоразумных граждан и обеспечит России прочную гарантию, было бы достаточно, чтобы дать отпор нападениям с этих двух направлений, если бы собственно Россия имела меньше возможностей для выступления; 4) тем, что теперь Россия может направить все свои силы на этот слабый участок границы, и её побоятся вызвать на столкновение, когда развитие этих сил явится простым результатом упорядочения её внутреннего управления.

При таком положении мне трудно поверить, чтобы вопросы о Торне и Кракове имели для вас, Государь, такое значение, чтобы из-за них стоило затягивать переговоры...

И наконец, главный, с моей точки зрения, довод: России нужен мир. Ей нужен тот единственный лекарь, который может излечить её раны, а этот лекарь не может уделить ей всё своё внимание, как ему хотелось бы и как диктует ему долг, пока его отвлекают посторонние заботы и тревоги. Государь! Отказываясь от Торна и Кракова и рассматривая этот отказ как способ ускорения столь желанного установления всеобщего мира, Вы не теряете ничего: это — жертва, принесённая ради мира, поданный Европе благотворный пример и, наконец, для России — новое свидетельство того, что отныне все ваши помыслы будут направлены на её внутреннее благодеяние»¹⁹.

Итак, Лагарп советовал Александру I отказаться от Кракова и Торна, чтобы как можно скорее заняться конституционным устройством сначала в восстановленной Польше, а затем и во всей Российской империи. К нему присоединился и Штейн. В повторном разговоре с Александром I он вновь высказался по польскому вопросу: «Вопросы, о которых идёт теперь речь, не имеют особого значения ни для России, ни для Австрии. Краков не настолько важен, чтобы можно было вести из-за него войну при теперешних обстоятельствах. Россия может обойтись и без него. — Очистить Краков, — возразил император, — было бы для меня бесславно, раз я его занял. — Если Ваше Величество, имея в своем распоряжении 400 000 человек, пожертвуете ради спокойствия Европы Краковом, то все усмотрят в этом поступке доказательство вашего

благородства, а не слабости. Теперешнее натянутое положение всеобщего вооружения и переговоров не может продолжаться долго»²⁰.

В конце концов Александр I решился пойти на уступки. В ответ на предложенный Гарденбергом проект соглашений, разработанный совместно с австрийским и английским представителями и выдвигающий следующие условия: Пруссия получает Торн и линию Варты, Австрия — удел Замоиский и Краков с границей по реке Нида, за что Австрия и Пруссия соглашаются на политические виды русского императора относительно Польши, — Александр I выдвинул контрпроект: Торн и Краков сделать вольными городами под покровительством трёх держав, а все земли герцогства Варшавского оставить за Россией. Пруссии должны были отойти вся Саксония, а Майнц превращался в крепость общегерманского подчинения.

Когда Ганденберг передал предложение русского императора австрийскому канцлеру Меттерниху, тот отверг этот план. «Независимое существование этих городов будет одинаково угрожать спокойствию трёх соседних держав. Находясь вне всякого прямого влияния, они превратились бы в очаг недовольств, козней и мятежей»²¹.

Австрия продолжала настаивать на проведении границ по рекам Варта и Нида, которую она находила безопасной с военной точки зрения. Присоединение же Саксонии к Пруссии Австрия объявила невозможным. Англия и Франция поддержали её в этом вопросе. Оказавшись в водовороте дипломатических интриг, Александр I стал терять терпение. По обыкновению со всеми вежливый и приветливый, он начал срывать на откровенные грубости. Особенно у него испортились отношения с австрийским канцлером Меттернихом. Талейран писал королю Людовику XVIII: «Император Александр имел с г. Меттернихом разговор, в коем, как утверждают, он обращался с этим министром с таким высокомерием и резкостью выражений, какие могли бы показаться чрезвычайными даже в отношении одного из его слуг. Меттерних сказал ему относительно Польши, что если речь идет о создании таковой, то они (австрийцы) сами могли бы сделать это; император не только назвал это

замечание неуместным и неприличным, но даже увлекся до того, что сказал, что он, Меттерних, единственный человек в Австрии, который позволял бы себе столь мятежный тон... дело зашло так далеко, что Меттерних заявил ему, что будет просить своего государя назначить на конгресс вместо себя другого министра»²².

Неизвестно наверняка, обращался ли Меттерних к своему императору с такой просьбой, но то, что Александр I сам пытался убедить императора Франца I отстранить Меттерниха от ведения дипломатических дел, не подлежит сомнению. Однако австрийский император настолько верил в гений своего канцлера, что отклонил просьбу царя. В конце концов дело дошло просто до курьёза, когда разгневанный очередной интригой Меттерниха Александр I намеревался требовать, через императора Франца I, удовлетворения на дуэли. Впрочем, Меттерних изящно уклонился от поединка, сославшись на то, что его неправильно поняли.

Подозревая, что Нессельроде подпал под влияние этого хитрого интригана Меттерниха, русский император отстранил его от всякого участия в серьёзных переговорах. Представлять интересы страны царь поручил А.К. Разумовскому и И. Каподострии.

По предложению России была составлена особая комиссия из представителей четырёх великих держав — России, Пруссии, Австрии и Англии, и на втором заседании граф Разумовский представил проект шестого раздела польских земель: Россия уступала Австрии соляные копи Велички, ранее входившие в герцогство Варшавское, и Тарнопольский округ, приобретённый ею по Венскому миру 1809 г., а также подгорный район Кракова; Пруссии полностью отходила Саксония, а саксонский король вознаграждался землями по левому берегу Рейна с 700 тысячами жителей; Краков и Торн должны были быть объявлены вольными и нейтральными городами под покровительством трёх соседних держав; России отходили земли бывшего герцогства Варшавского, за исключением Гнезно и Познани.

Существует записка, составленная, судя по всему, Чарторыйским, определяющая основные принципы, которых следовало держаться русским представителям на заседаниях комиссии четырёх держав при обсуждении вопросов, касающихся Кракова и Торна:

«В проекте конвенции об этих двух вольных и нейтральных городах изложено всё, что можно было сказать на этот счет. К проекту приложена конституция, которую надлежит дать этим городам.

Ради основания этих двух государств император пошёл на территориальные жертвы, и ему угодно рассматривать оба города как государства, созданные им самим. Поэтому он живо заинтересован в их упрочении и процветании. Предлагаемые основные положения их конституции имеют целью обеспечить им эти выгоды, упрочив в то же время их спокойствие и предоставив им свободу в таком объёме, какой был бы совместим с поддержанием порядка и с интересами соседних держав. Особое внимание было уделено так же средствам для развития просвещения. Таким образом, нет никаких оснований не принять эти положения.

Из существа принципов, долженствующих лежать в основе положений, о которых идёт речь в настоящей инструкции, очевидно, что на оба вольных города — Краков и Торн — должны распространяться все те выгоды, какие будут представлены другим польским провинциям, входящим в состав трех государств, т. е. выгоды, проистекающие из свободы торговли и судоходства, из свободы сношений, из прав, предоставляемых лицам двойного подданства, амнистии и т. д.

В остальном уполномоченному надлежит постоянно следить за тем, чтобы не допустить принятия каких-либо статей, могущих впоследствии подать повод для притеснений и нарушений прав, грозящих обычно малым странам, находящимся в окружении больших государств.

Помимо района Тарнополя император уступил Австрии также половину соляных копий Велички — объект первостепенной важности для жителей герцогства. Поэтому он имеет все основания надеяться, что австрийский двор согласится поставлять ежегодно по умеренной цене, о которой можно будет условиться заранее, определённое количество соли правительству той части герцогства, которая остаётся за Россией, а также согласится на все меры, имеющие целью защитить поляков от установления монополии на этот продукт первой необходимости и гарантировать им впредь беспрепятственную покупку его по справедливым и умеренным ценам»²³.

Представитель Пруссии канцлер Гарденберг начал поддерживать выдвинутый Разумовским план, но, видя, что представители Англии, Австрии и Франции не проявляют желаний идти на соглашение, заявил в горячности, что Пруссия будет отстаивать с оружием в руках занятую ею Саксонию. Этот неофициальный ультиматум вызвал взрыв бурных эмоций у противоположной стороны, а лорд Каслри пригрозил, что Англия не подчинится ничьим угрозам и что против оружия она будет действовать также оружием. После таких бурных объяснений заседание было прервано.

В тот же вечер лорд Каслри встретился с Талейраном и объявил, что не потерпит, чтобы Россия при поддержке Пруссии диктовала свои условия всей Европе. Французский министр быстро сообразил, что настал его час и все прежние его старания вбить клин между бывшими союзниками наконец окажутся вознаграждёнными. Не мешкая, он тут же набросал проект союзной конвенции между Англией, Францией и Австрией. Каслри взял документ и отправился к Меттерниху. На следующий день, 3 января 1815 г., все три дипломата, переработав проект в официальный договор, скрепили его своими подписями.

Основную цель данного трактата союзники определили как противодействие непомерным требованиям России и Пруссии. Для достижения этой цели каждая из трёх держав обязывалась держать наготове 150-тысячное войско, которое должно было выступать не позднее шести недель после первого требования партнёров.

Это была блестящая дипломатическая победа главы французского внешнеполитического ведомства, который прибыл на конгресс в качестве представителя побеждённой страны и поначалу не имел практически никакого влияния на ход событий. Теперь же, воспользовавшись несогласием бывших союзников, он развалил Священный союз и создал на его руинах новый альянс, выгодный для Франции. Вот с каким неприкрытым ликованием доносил Талейран Людовику XVIII о своей удаче: «Отныне, Государь, коалиция разрушена и разрушена навсегда. Франция не только не изолирована более в Европе, но Ваше Величество располагает

теперь такую союзной системой, которую не могли бы доставить и 50 лет переговоров. Франция идёт теперь в согласии с двумя великими державами, с тремя второстепенными государствами, а в скором времени вокруг неё должны соединиться все державы... Она является истинною главою и душою союза, основанного для защиты принципов, впервые провозглашённых ею»²⁴.

О факте рождении нового союза его участники решили не распространяться. Но между тем это не помешало им привлекать в свои ряды, на правах младших партнёров, новые государства. Постепенно щупальца тайного заговора расплозились по всей Европе. О своём желании защищать принципы «легитимизма» заявили короли Баварский, Ганноверский, Нидерландский и Сардинский.

В русском дипломатическом корпусе о сложившейся ситуации ничего не знали и продолжали пытаться вести переговоры, утыкаясь в стену. Правда, граф Кападострия, заподозрив неладное, использовал все свои дипломатические ресурсы и получил косвенные подтверждения существования тайного договора, направленного против России и Пруссии. Он доложил об этом Александру I, но император даже и слышать не хотел о подобных предположениях, считая возможность подобных альянсов совершенно не согласующейся с нравственным кодексом, которому следуют коронованные особы и настоящие джентльмены.

Все тайное тем не менее становится явным, и очень скоро Александру I без посторонних доказательств стало ясно, что тайный политический сговор существует. Причиной тому послужила та необыкновенная самоуверенность, с которой противоборствующие державы начали вести себя на конгрессе, фактически не давая переговорам сдвинуться с места. Впрочем, в отстаивании собственной позиции они тоже не преуспели. Единственное, в чем участники Венского конгресса добились полного и безусловного успеха, так это в различных увеселительных мероприятиях, организуемых главным образом за счёт казны Габсбургской империи. В высшем свете шутили: «Русский император за всех любит, король Дании за всех пьёт, король Вюртемберга за всех ест, король Пруссии за всех думает, король Баварии за всех говорит, король Австрии за всех платит».

Конечно, австрийский император и его хитроумный канцлер могли утешаться тем, что деньги потрачены не напрасно и обозначившийся англо-австро-французский альянс позволит Вене солировать на европейской арене. Однако мечты об этом были иллюзией, а на горизонте безудержного веселья уже сгустились грозные тучи новых кровавых бед.

Исходя из возможного пессимистичного сценария, противники России наращивали военные приготовления. Австрия собирала большие армии в Богемии и в районе Тешена. Англичане усиливали свои войска в Нидерландах, французское правительство, несмотря на полное разорение, поставило под ружье 75 тысяч человек. В венских салонах уже открыто заговорили о новой войне, теперь уже между бывшими союзниками.

Конечно, воинственные приготовления оппонентов не могли остаться незамеченными русским императором, и, как ни трудно ему было признать своё дипломатическое поражение, он всё же предпочёл не усиливать нажим, а придерживаться миролюбивой тактики. Александр I сделал свой ответный ход, обратившись к предавшим его союзникам с официальным заявлением и призвав их вступить с ним в «новое соглашение, основанное на принципах христианской любви и евангельского бескорыстия». А чтобы им легче было согласиться на столь неопределённое предложение, русский император заверил, что со своей стороны готов на многие уступки.

К счастью этот «проповеднический» призыв царя совпал с приближающимся открытием английского парламента, куда приглашали лорда Каслри, чтобы он дал объяснения по поводу своего поведения в Вене. И лорд почувствовал, что только «принципы христианской любви и евангельского бескорыстия» помогут ему вернуться в Лондон хоть с каким-нибудь позитивным достижением, кроме угрозы новой войны. Отказавшись от роли закулисного интригана, Каслри с жаром стал выступать в ипостаси благородного арбитра, урегулирующего территориальные споры.

Под давлением его непобедимого упорства Австрия и Франция вынуждены были согласиться на раздел Саксонии, по которому Пруссии отходила половина саксонской территории с городами

Торгау, Виттенбергом, Бауценом и Циттау, а за королем Саксонским оставались Дрезден и Лейпциг.

Тем не менее строптивый король Прусский твердо заявил: «Без Лейпцига я не могу возвратиться в Берлин!» Австрия и Франция уцепились за эту неуступчивость как за предлог, с помощью которого снова застопорили процесс переговоров. И опять Александр I проявил благородство, он предложил Фридриху Вильгельму IV вместо Лейпцига город Торн со всем его округом, который, по первоначальным требованиям, вместе с Краковом должен был быть объявлен вольным городом. Прусский король был вынужден согласиться. Таким образом, польско-саксонский узел оказался разрушен. В результате почти полугодичных дипломатических «плясок» Россия получила новые территории площадью 2100 кв. миль с населением около 3 миллионов душ, тогда как Австрия приобрела 2330 кв. миль с 10 миллионами душ, а Пруссия 2217 кв. миль с более чем 5 миллионами жителей.

С точки зрения простой арифметики, принципы «христианской любви и евангельского бескорыстия», которыми старался руководствоваться русский император, принесли ему гораздо меньше выгод, нежели принципиальное отсутствие всяких принципов, которое практиковалось австрийским канцлером Меттернихом.

К счастью, дальнейшие события предоставили возможность русскому императору воочию убедиться в уязвимости его собственных «принципов» перед тактическими приемами оппонентов. И предоставил ему эту возможность не кто иной, как сам Наполеон, который в начале марта 1815 г. покинул остров Эльба и высадился на южном побережье Франции. Уже к концу месяца Бонапарт был в Париже и вступил в королевский дворец, который в полной панике оставил Людовик XVIII.

Среди царившего во дворце беспорядка Наполеон обнаружил секретный договор, которым так гордился Талейран. Естественно, Бонапарт не отказал себе в удовольствии порадовать своего достойного противника.

В скором времени Александр I получил из Парижа секретный пакет. Царь тут же пригласил к себе Меттерниха и дал канцеру возможность внимательно изучить содержание собственноручно

подписанного им документа. Пока австриец мысленно подбирал оправдания своего коварства и просчитывал возможные последствия, Александр I заявил: «Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Теперь нам предстоят другие дела. Наполеон возвратился, и поэтому наш союз должен быть крепче, нежели когда-либо»²⁵.

Затем договор был брошен в камин, где и превратился в прах вместе с теми широкими возможностями для русской дипломатии, которые открывались с его оглаской.

Общая угроза заставила европейских государей забыть об оставшихся разногласиях, возникших при дележе земель, и сплотиться для новой борьбы против «узурпатора» и «грозы Европы».

Достигнутые договорённости в спешном порядке стали закрепляться соответствующими правовыми актами.

21 апреля (3 мая) 1815 г. между Россией, Австрией и Пруссией был подписан и договор о Кракове, его округе и конституции.

Вот как сам Александр оценивал итоги дипломатической борьбы вокруг города Кракова и очерчивал его будущность в своей прокламации к полякам от 13 (25) мая 1815 г.: «Чтобы устранить затруднения, которые возникли по поводу города Кракова, мы приняли мысль объявить город нейтральным и свободным. Этот край, поставленный под покровительство трёх держав-освободительниц и дружественно расположенных, будет пользоваться счастьем и спокойствием, посвящая себя единственно наукам, искусствам, торговле и промышленности. Он будет как бы памятником великодушной политики, установившей такую свободу именно в том месте, где покоится прах ваших лучших королей и где соединены самые благородные воспоминания польского отечества»²⁶.

О завершении Венского конгресса российский император оповестил своих подданных специальным Манифестом²⁷.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что появление на карте Европы новой политической единицы, каковой стал в 1815 г. Вольный город Краков, явилось результатом напряжённой внутренней борьбы одного человека — императора Александра I, пытавшегося совместить свои личные философские, религиозные, нравственные устремления с интересами государственными, в основе которых априори лежат начала исключительно эгоистические.

Итоговый результат этой внутренней борьбы оказался неожиданным для самого российского самодержца, а главное, привёл к появлению новой проблемы, серьёзно осложнившей внутренние отношения держав, участвовавших в разделе Речи Посполитой. Если образование имеющего широкую автономию в рамках Российской империи Царства Польского до определённой степени совпадало с общим легитимистским настроем конгресса, поскольку здесь имела место попытка частичного возрождения древней государственности, то появление на карте Европы Вольного города Кракова этому настрою прямо противоречило.

Во-первых, никогда ранее в своей истории Краков не существовал в виде самостоятельного государства. Во-вторых, приданная Краковской республике внешняя оболочка Вольного города опиралась на германскую или, точнее, ганзейскую традицию.

Вычленение классического польского города Кракова из общего польского контекста неизбежно должно было поставить его в экономическую зависимость, прежде всего от Австрии. А это, в свою очередь, должно было способствовать как максимум — постепенной германизации города, как минимум — обособлению интересов жителей Кракова от интересов польского освободительного движения. Успешное завершение подобного процесса могло бы ослабить сторонников возрождения Речи Посполитой, поскольку в польском национальном сознании Краков воспринимался как важнейший культурный и политический центр единого государства.

Однако ирония истории заключалась в том, что в своих действиях по отношению к Кракову Александр I не руководствовался столь дальними да и вообще какими-либо логическими расчётами.

Город выступал исключительно в качестве разменной монеты при производившемся великими державами дележе добычи. И получив шанс, вырвать этот «кусочек» из хищных лап Меттерниха, царь воспользовался этой возможностью для того, чтобы доставить неприятность австрийскому канцлеру.

Тем не менее то, что экономически Вольный город Краков будет зависеть прежде всего от Австрии, представлялось достаточно очевидным, объясняясь и географическим положением, и

структурой экономики на прилегающих землях. Потенциально в роли экономического соперника Австрии в борьбе за Краков могла бы выступить Пруссия, однако её правительство в период Венского конгресса фактически следовало в фарватере российской политики, получив самую внушительную добычу, включавшую, кстати, и Торн, который в случае расхождений между Александром I и Фридрихом Вильгельмом IV также мог бы получить статус Вольного города.

Вообще сложившаяся вокруг Кракова коллизия могла восприниматься Меттернихом как своего рода наглядный урок на тему дружбы с Россией. «Хороший мальчик» Фридрих Вильгельм IV получает Торн, а «плохие австрийские мальчики» теряют почти верную добычу в виде Кракова. Идя ещё дальше, можно предположить, что именно этот наглядный урок толкнул Меттерниха к более тесному сближению с Россией, облечённому в форму Священного союза. Однако здесь мы уже вступаем в зону предположений.

В любом случае, искусственно вычлененный из польских земель Краков продолжал оставаться для Австрии желанным призом.

Относительно же Александра I имеет смысл ещё раз подчеркнуть, что образование Краковской республики лежало вполне в русле проводимой русским императором политики, заигрывания с польским национальным движением и, наряду с созданием Царства Польского, могло расцениваться как один из первых шагов в сторону возрождения Речи Посполитой. Ещё один, уже чисто внешний момент был связан с типичным для Александра I стремлением очаровать европейское общественное мнение — прежде всего тех великих держав, где общественное мнение действительно влияло на политику, т. е. Великобритании и Франции.

Таким образом, с одной стороны, Краковская республика действительно могла стать опорой польского национального движения, а с другой — её импровизированное создание в конкретной исторической обстановке 1815 г. вполне соответствовало интересам России.

Именно к таким выводам можно прийти при изучении «Дополнительного трактата относительно Кракова, области его и

Конституции между дворами российским, австрийским и прусским заключенного», который хранится в Российском государственном историческом архиве²⁸.

Текст договора составлен на русском и французском языках, причём очевидно, что идентичный французский текст был вручён также представителям Австрии и Пруссии.

Договор предваряется пространной преамбулой, в стилистике которой отчётливо просматривается стилистика будущего Священного союза:

«Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы.

Его Величество Император Всероссийский, Его Величество Император Австрийский и Его Величество Король Прусский, желая приблизить последствия взаимных своих трактатов, касающихся до нейтралитета, свободы и независимости города Кракова и его области, избрали для исполнения своих в рассуждении сего предмета благотворных намерений, а именно: Его Величество Император Всероссийский графа Андрея Разумовского, своего Действительного тайного советника, орденов Святого Андрея, Святого Александра Невского, Святого Владимира Большого креста первой степени кавалера и своего первого полномочного на конгрессе; Его Величество Император Австрийский Климента Венцеслава Лотария князя Меттерниха-Виннебург-Оксенгазуена, орденов Золотого Руна, Королевско-Венгерского Святого Стефана большого Креста, Святого Андрея, Святого Александра Невского и Святой Анны первого класса, Почетного Легиона большого Креста, ордена Слона, Верховного ордена Благовещения, Пресвятые Богородицы, Чёрного Орла, Красного Орла, Шведского Серафимов, Тосканского святого Иосифа, Святого Губерта, Вюртембергского Золотого Орла, Баденского Верности, Святого Иоанна Иерусалимского и многих других кавалера, канцлера военного ордена Марии Терезии, куратора Академии изящных художеств, камергера, Действительного тайного советника Его Величества Императора Австрийского короля Венгерского, своего министра государственного, конфиденциального и иностранных дел, своего полномочного на конгрессе, и Его Величество Король Прусский князя Гарденберга, своего государственного канцлера,

ордена Большого Чёрного Орла, Красного Орла, Святого Иоанна Иерусалимского и Прусского Железного Креста, Российских Святого Андрея, Святого Александра Невского и Святой Анны первого класса, Королевско-Венгерского Святого Стефана большого Креста, Почетного Легиона большого Орла, Испанского Святого Карла, Верховного ордена Благовещения Пресвятой Богородицы, Шведского Серафимов, Датского Слона, Вюртембергского Золотого Орла и многих других кавалера, своего первого полномочного на Конгрессе, которые по размене надлежащих полномочий своих постановили, заключили и подписали следующие статьи:

Статья 1.

Город Краков с областью его будет навсегда почитаем городом вольным, независимым и совершенно нейтральным под покровительством трёх высоких договаривающихся сторон.

Статья 2.

Область вольного города Кракова будет иметь границы, на левом берегу Вислы, порубежную черту, которая начинается от селения Волицы в самом месте Устья протока, впадающего подле сего селения в Вислу, пройдёт вверх по сему протоку чрез Кло, Косцельники, до Чулице, таким образом, что сии селения заключатся в округе вольного города Кракова. Оттуда, идя вдоль по границам тех селений, будет продолжаться оная чрез Дзекановице, Гарлице, Томашов, Карниовице, кои также в пределах Краковских останутся, до пункта, где начинается межа, отделяющая уезд Кржшовицкий, от уезда Алкушского; оттуда порубежная черта простираться будет по сей меже, между обоими помянутыми уездами, и кончится на границах Силезии прусской... »²⁹.

Следующие три статьи посвящены урегулированию границ между Австрией и Краковской республикой, а также особым правам Австрии, что изначально ставило эту державу в краковском вопросе в преимущественное положение.

Вопросы правового статуса определяются в *статье 6* того же трактата:

«*Статья 6.*

Помянутые три Двора обязуются уважать и повелеть во всякое время уважать нейтралитет вольного города Кракова и его области;

никакое вооружённое войско не будет туда введено под каким бы то предлогом ни было.

Напротив того, само по себе разумеется и именно постановляется, чтобы в вольном городе Кракове и области его не давать никакого убежища и покровительства переметчикам, беглецам или преследуемым законами людям, принадлежащим к областям той или другой из трёх договаривающихся держав, и чтобы по требованию, которое о том учинено быть может надлежащими начальствами, такие люди были задержаны и немедленно выданы, под исправным конвоем, той страже, которой поручено будет принимать их на границе»³⁰.

Забегая вперёд, отметим, что впоследствии именно этот наско-ро очерченный пункт потребует более глубокой проработки и заключения дополнительных соглашений.

Статья 7 была посвящена Конституции Краковской республики. В ней говорилось, что

«Реченные три Двора, утвердившие Конституцию, по коей надлежит управлять вольным городом Краковом и областью его и которая приложена к сим статьям как часть, к оным принадлежащая, принимают сию Конституцию под общее своё ручательство, обязуясь сверх того назначить каждый по комиссару, который прибудет в Краков, чтобы там заняться делами обще со Временным и местным комитетами составленным из особ, преимущественно выбираемыми между публичными чиновниками или такими, коих честность давно уже известна. На сей конец каждая из трёх Держав изберёт кандидата в одном каком из трёх сословий, или дворянского, или духовного, или из среднего состояния. Председательство в сем Комитете будет занимаемо понедельно и по очереди одним из Комиссаров трех дворов. Жребий решит первое председательство, и президент будет пользоваться всеми правами и принадлежностями, с сим качеством сопряженными. Комитет сей займётся изложением помянутых Конституционных оснований и приведёт их в исполнение; на него также возлагается учинить первые выборы чиновников, разумеется, тех, кои не были бы избраны для Сената высокими договаривающимися сторонами, на сей раз предоставившими себе выбор некоторых

известных особо, он равномерно займётся приведением в действие и деятельность нового правления вольного города Кракова и области его; ведомству сего Комитета непосредственно подлежит теперешнее управление, и он уполномочен делать в том всякие перемены, какие общая польза могла бы потребовать до окончания сего временного состояния»³¹.

Статьи 8–12 касались приграничных и таможенных вопросов. Интерес представляет *статья 13*, поскольку, помимо финансовых вопросов, в ней, хотя и косвенно, затрагивается вопрос правовой преемственности Краковской республики по отношению если не к Речи Посполитой, то к герцогству Варшавскому.

«*Статья 13.*

Всё, что в вольном городе Кракове и в области его окажется бывшей народною собственностью герцогства Варшавского, будет и впредь как таковая принадлежать вольному городу Кракову. Собственность сия составит единый из источников его финансов, и доходы с оной употреблены будут на содержание Академии, на прочие учебные заведения и главнейше на усовершенствование средств публичного воспитания. Доходы с застав и мостов по самому их качеству определяются на содержание мостов и публичных дорог как в вольном городе Кракове, так и в области его. Правление будет отвечать за сию часть публичной службы, толь необходимой для сообщения и торговли»³².

При этом *статьёй 14-й* Краковская республика освобождалась от необходимости отвечать по государственным обязательствам герцогства Варшавского³³.

Определённое беспокойство державам Тройственного альянса в дальнейшем доставила *статья 15-я*: «Подтверждаются Краковской Академии привилегии и собственность зданий и библиотеки, от неё зависящих, а также и имущества, коими она владеет и которые состоят в поместьях или капиталах, под залог ею отданных. Жителям сопредельных польских областей дозволяется приезжать в сию Академию и в оной обучаться, коль скоро будет она

обустроена сообразно настроениям каждого из трёх высоких дворов»³⁴. Естественно, в Кракове повторилась та же история, что и в Вильне, когда университетская среда стала рассадником патриотических настроений, что уже в самом ближайшем времени заставило пересмотреть вопрос о привилегиях Краковской Академии.

Сходными по духу положениями начиналась и *статья 16-я*, касающаяся, впрочем, уже не университетской среды, а польского духовенства: «Епископство Краковское и капитул сего вольного города, также всё духовенство мирское и иноческое останутся на прежнем основании. Капиталы, церковные оклады, недвижимое имение, доходы или сборы, составляющие их собственность, будут для них соблюдены». Зато во второй части этой статьи предусматривательно закладывалась правовая основа, дающая, хотя бы и косвенную, возможность влиять на внутренние дела краковского епископства: «Однако предоставляется Сенату предлагать в собраниях декабрьских способ распределения, отличный от того, какой мог бы существовать, если бы доказано было, что настоящее употребление доходов совсем не было бы сообразно нам прениями учредителей, а особливо в том, что касается до общенародного просвещения и несчастного положения нижнего духовенства при всякой чинимой перемене должно наблюдать те же обряды, как и при постановлении какого-либо закона государственного»³⁵.

Ещё более эта возможность расширялась *статьей 17-й*, причём если Австрия оговаривала свои особые экономические интересы, то Россия в данном случае постаралась обеспечить себе статус своего рода политического арбитра, имеющего возможность вмешиваться в дела духовные. «Поелику духовный суд Епископства Краковского не должен простираться на земли Австрийские и Прусские, то избрание Епископа Краковского предоставлено непосредственно Его Величеству Императору Всероссийскому, который на сей раз учинит первое избрание по своему произволу. Впоследствии капитул и Сенат будут иметь право представлять каждый двух кандидатов, между коими Его реченное Величество изберет нового Епископа»³⁶.

И наконец, *статьи 18-я и 19-я* касались процедурных вопросов.

«*Статья 18.*

Экземпляров сих вышеписанных статей, а также и Конституции, составляющей главную часть оных, будет торжественно положена общею Комиссией, в седьмой статье означенной, в Архиве вольного города Кракова как непременный знак благотворных начал, тремя высокими державами принятых в пользу вольного города Кракова и области его.

Статья 19. Сей трактат будет ратификован, и ратификации онаго имеют быть разменены в течение шести дней. Во уверение чего взаимные полномочные сей трактат подписали и к оному гербов своих печати приложили.

Вена 21 апреля (3 мая) 1815 года

Граф Разумовский

Князь Меттерних

Князь Гарденберг»³⁷.

В одном архивном деле с трактатом находится и Конституция Вольного города Кракова. Не занимаясь её специальным анализом, хотелось бы лишь высказать мысль, что характер этого документа во многом определялся именно стремлением не допустить преобладания в Кракове одной из великих держав. По причинам географического и экономического характера главным претендентом на роль гегемона была Австрия, Пруссия же демонстрировала в данном вопросе наименьшую заинтересованность. Исходя из этого, можно предположить, что достаточно демократичный характер Краковской конституции объяснялся именно позицией русского правительства, которое в борьбе с габсбургским влиянием могло потенциально рассматривать возможность сотрудничества с польскими патриотическими элементами.

Так или иначе, дело было сделано. На карте Европы появилось новое, пускай и полунезависимое государство, которому ещё предстояло не только определить своё место в системе международных отношений, но и создать механизмы, по которым оно должно было функционировать.

ГЛАВА 2

МЕЖДУ ТРЕМЯ ДЕРЖАВАМИ

С самого начала процесс создания государственных и законодательных структур Краковской республики проходил под плотным контролем трёх великих держав.

Вскоре после завершения Венского конгресса, в сентябре 1815 г., в объявленный «вольным» город прибыли комиссары так называемых «покровительствующих держав», чьи полномочия предоставляли им достаточно широкие возможности для вмешательства во внутренние дела Кракова. Этими уполномоченными были граф Иосиф Сьюртс-Спорк от Австрии, барон Вильгельм Рейбниц от Пруссии и Игнатий Миончинский от России.

При себе они имели инструкцию, формально разработанную от имени правительств всех трёх покровительствующих держав, но фактически, видимо, являющуюся плодом творчества российского Министерства иностранных дел, находившегося в этот период под постоянным и непосредственным контролем самого Александра I. Текст инструкции имеет смысл привести полностью, поскольку уже в этом наказе комиссарам обозначены позиции, отталкиваясь от которых, можно было при необходимости свернуть весь краковский проект, уничтожив независимость Вольного города. Итак:

«Инструкция комиссарам России, Австрии и Пруссии по созданию управления в вольном городе Кракове.

Вена, 28 апреля (10 мая) 1815 г.

По принятому Венским конгрессом постановлению Краков со значительной прилегающей территорией объявлен свободным,

независимым, нейтральным городом под покровительством России, Австрии и Пруссии.

Вышеназванные державы заключили 3 мая договор, заверенная копия коего прилагается к настоящей инструкции. Он содержит основы конституции, которую предполагается дать новой республике.

Статьёй 7 этого договора высокие договаривающиеся стороны оставили за собой право ввести в действие конституцию и осуществить общую организацию нового государства через назначенных для сего комиссаров. По назначении каждой стороной своего комиссара последние взаимно проверят полномочия, которыми каждый из них будет снабжён своим правительством.

В своих действиях комиссарам надлежит руководствоваться текстом договора и прилагаемыми к нему основами конституции. В этих двух документах содержатся основные правила, которые они должны соблюдать в своей деятельности. В случаях, не предусмотренных этими документами, им надлежит сообразовываться со следующими инструкциями.

Статья первая

Высокие договаривающиеся стороны желают, чтобы режим либеральной и гарантирующей взаимные права граждан конституции обеспечил республике Краков и прилегающей территории все блага, вытекающие из процветания общества. Для достижения этой цели они решили, что переход жителей от нынешнего состояния к тому, которое им уготовано, будет осуществляться под их наблюдением и через уполномоченных. Они надеются таким путем предотвратить всякого рода недовольства и, насколько это возможно, обезвредить пагубное влияние страстей, которые, особенно при основании небольших государств, порождают междоусобную борьбу среди граждан и таким образом сеют семена зла, могущего впоследствии привести это государство к гибели.

Комиссары непременно должны иметь в виду это обстоятельство и проникнуться его важностью; действуя продуманно и осторожно, они будут устранять всё, что могло бы возбудить вражду, привести к созданию мятежных партий внутри республики или к образованию по соседству с ней партий, которые захотели бы вмешаться во внутренние дела города. Действия комиссии должны полностью

исключить любое постороннее вмешательство, с тем чтобы правительство Кракова никогда не могло ни следовать внушениям извне, ни стать при определенных обстоятельствах центром, объединяющим вокруг себя недовольных из других польских областей. Высокие договаривающиеся стороны могли бы оставаться безучастными к такому нарушению порядка. В подобном случае они вынуждены были бы, к своему прискорбию, принять с общего согласия меры, противоречащие независимости правительства Кракова.

Статья вторая

Первым актом комиссаров должно быть назначение своих заместителей, о чём говорится в статье 7. Желательно, чтобы комиссары избрали лиц, во всех отношениях достойных этой чести.

Статья третья

Комиссары и заместитель образуют единую организационную коллегия; заместители должны участвовать во всех мероприятиях, осуществляемых комиссарами; однако, как правило, они будут обладать лишь правом совещательного голоса.

При наличии единодушия между комиссарами все вопросы решаются ими между собой. Если же мнения разделятся, три заместителя получают право решающего голоса, и в этом случае вопрос будет решаться большинством голосов.

Статья четвертая

После того как будет создана организационная коллегия, надлежит приступить к организации республики, начав с избрания членов сената и выработки положения об этом органе. Три великие державы оставили за собой право выбора первого состава сенаторов, и каждый комиссар получит отдельную инструкцию, где будут перечислены лица, названные его государем.

Статья пятая

После образования правительства комиссары перейдут к созданию нижестоящих органов в том порядке, какой они сочтут целесообразным в соответствии с местными условиями.

Статья шестая

Сенат сразу же после его формирования возглавит администрацию, и все созданные впоследствии органы будут подчиняться ему;

однако в период работы комиссии сенат будет действовать под руководством комиссаров.

Статья седьмая

Как только сенат начнет свою деятельность, организационная комиссия проведёт совместно с этим органом обсуждение конституции, развив в соответствии с потребностями и условиями республики основные положения, одобренные тремя высокими державами. Само собой разумеется, в конституцию нельзя включать ничего, что противоречило бы основам, установленным договаривающимися державами, и ни один из принятых ими принципов не может быть опущен.

Статья восьмая

Все вопросы, касающиеся развития этих положений, и могущие возникнуть при их обсуждении споры будут решаться большинством голосов организационной комиссии совместно с сенатом. Вопрос же о том, противоречит ли то или иное выдвинутое предложение утвержденным основам, будет решаться исключительно организационной комиссией в соответствии с тем, что было сказано в статье 3.

Статья девятая

Конституция не должна предписывать республике Кракова какой-либо из существующих в Европе кодексов. Статья 12 гласит, что свод законов должен быть разработан представителями нации. Так как важность этой работы не допускает спешки, необходимо незамедлительно созвать первую ассамблею представителей.

Комиссары должны внушить этой ассамблее сознание большой важности порученной ей первой работы и совместно с ней наметить основные положения законодательства.

В первую очередь следует позаботиться о том, чтобы судебные процессы не были длительными, чтобы были закрыты пути крючкотворству адвокатов, число которых должно быть ограничено и определяться потребностями частных лиц, и, наконец, чтобы ввести такую форму исполнения судебных постановлений, которая была бы свободна от недостатков существовавшей до настоящего времени системы.

Статья десятая

Организационная комиссия должна позаботиться о способах упрощения делопроизводства во всех отраслях управления, с тем чтобы можно было поручить его небольшому числу чиновников, чьё

жалованье соответствовало бы услугам, которых государство вправе ожидать от их усердия. Многие должности, не требующие глубоких профессиональных познаний, являющихся достоянием немногих лиц, можно доверять простым гражданам, которые, будучи в состоянии выполнять эти обязанности наряду с их обычными занятиями, почтут доверие своих сограждан достаточной наградой за свои труды. За исполнение должностей такого рода не будет выплачиваться жалованья, однако следует возмещать сопряжённые с ними расходы или потери времени. Комиссии особенно рекомендуется упростить всё, что относится к ведению счетов и финансам, а также ввести строгую экономию при назначении жалованья, чтобы должности не стали предметом вожделения и незаконных происков. Поскольку последнее соображение имеет исключительную важность для малых государств, его надлежит рассматривать как один из принципов, которые всегда следует иметь в виду.

Статья одиннадцатая

В силу причин, указанных в статье 1 настоящей инструкции, право первого назначения на все административные и судебные должности предоставляется исключительно комиссарам. Будучи свободными от какой-либо личной заинтересованности, которая могла бы повлиять на их решение, они должны собрать на месте все сведения, необходимые им для того, чтобы иметь возможность действовать согласно духу возложенной на них миссии.

Статья двенадцатая

Поскольку Краков не нуждается в войсках для защиты своих границ и может довольствоваться милицией, которой будет поручено поддержание порядка на территории республики, и поскольку на него к тому же не возложено никакой части долгов герцогства Варшавского, государственных доходов будет вполне достаточно для покрытия общественных потребностей. Комиссары должны проследить за тем, чтобы статьи этих доходов были надлежащим образом определены и чтобы была составлена подробная роспись доходов и расходов. Статья 13 предписывает, чтобы превышение доходов над расходами было употреблено на финансирование просветительных учреждений, и в частности академии; невозможно представить себе более полезного применения для этих сумм.

Одной из важнейших областей народного просвещения является также подготовка в семинариях молодых церковнослужителей. Краковская семинария заслуживает в этом отношении внимания комиссаров, которые к тому же не должны забывать, что согласно духу статей относительно имущества духовенства при его новом распределении следует увеличить средства на содержание и финансирование вышеуказанного института, дабы он лучше соответствовал просвещённым взглядам государей.

Статья тринадцатая

В некоторых местностях Польши приходским священникам платят очень мало, среди них много таких, которые из-за недостатка предметов первой жизненной необходимости впали в нищету и занимают в обществе гораздо более низкое положение, чем им подобает. В то же время именно эти люди призваны прививать народу начатки культуры, от них исходит начало всякого образования. Таким образом, моральное благополучие государства в большой степени зависит от обеспечения этим весьма полезным людям лучшего достатка. Вследствие этого комиссарам самым настоятельным образом предписывается позаботиться о улучшении их участи.

С другой стороны, некоторым священнослужителям удалось захватить по нескольку богатых приходов, которыми они управляют через скудно оплачиваемых и зачастую невежественных монахов. Впоследствии этим злоупотреблениям будет положен конец, и уже сейчас надлежит запретить впредь объединять два прихода в руках одного священника. Что же касается лиц, владеющих ныне несколькими приходами, то правительству надлежит проследить за тем, чтобы они в соответствии с положениями канонического права учредили в местностях, в которых не проживают сами, викариев, в достаточной мере обеспеченных и утверждённых по всем каноническим правилам (*ut habeat vicarium Canonica institutum*).

Отношениям, которые должны существовать между священниками и их паствой, особенно вредят два обстоятельства. Первое — жестокость, с которой священники иногда взимают сборы за особые церковные службы, а также произвол, царящий при определении величины этих сборов; второе — десятина, взимаемая натурой и

особенно зерном (*decima manipularis*) и наносящая такой большой ущерб сельскому хозяйству.

Нужно ввести плату за церковные службы по особой таксе, которую следует установить совместно с церковным советом, и свести десятину к ежегодным взносам деньгами или съестными припасами, руководствуясь духом постановлений на этот счёт, содержащихся в ордонансе Льва X и нескольких архиепископских соборов, состоявшихся в Польше. Комиссии надлежит определить основы этого мероприятия, а развитие и применение их на практике предоставить краковскому правительству.

Статья четырнадцатая

Крепостное право было отменено во всех частях Варшавского герцогства. Повсюду крестьянин свободно располагает своими силами и возможностями. Его отношения с землевладельцем определяются по молчаливому согласию или оговариваются специально. По отношению к земле, предоставляемой ему для обработки, его следует считать арендатором, выплачивающим арендную плату либо деньгами, либо продуктами, либо личным трудом. Как землевладелец, так и арендатор могут расторгнуть контракт и заключить новое соглашение. Этот порядок был специально закреплён конституцией. Он должен поднять социальную культуру землевладельцев, которую до сих пор тщетно пытались повысить.

Статья 11 договора предписывает, чтобы специально назначенная комиссия определила положение крестьян, обрабатывающих государственные или церковные земли. Комиссарам надлежит озаботиться созывом этой комиссии и дать ей наказ действовать таким образом, чтобы в пределах возможного сделать крестьян, работающих на этих землях, владельцами обрабатываемых ими участков, возложив на них соответствующие обязанности, которые обеспечили бы прогресс сельского хозяйства страны.

Там, где подобное решение вопроса совершенно невозможно, следует обеспечить крестьянам посредством особых и справедливых соглашений временное пользование землей, следя за тем, чтобы ни отдельная община, ни частное лицо никогда не могли быть поставлены в более тяжёлые условия, чем те, в которых они сейчас находятся,

и, наоборот, чтобы эти соглашения давали возможность землевладельцу постепенно поднимать своё благосостояние.

Само собой разумеется, что никакое новое постановление, равно как и ни одно из ныне действующих постановлений, не может нанести ущерба личной свободе.

Статья пятнадцатая

Статья 2 конституции ставит последователей всех разрешённых исповеданию религий под защиту закона. К этой категории относятся главным образом лица, исповедующие иудейскую религию.

Недопустимо, чтобы эта часть населения, коль скоро и она несёт все тяготы, падающие на христиан, облагалась большими налогами и несла более тяжёлые повинности, чем христиане. Ещё более недопустимо, чтобы с них продолжали взимать особые сборы за право следовать своим религиозным обычаям и отправлять религиозные обряды (например, налог на кошерные продукты). Ущемления такого рода лишь отдаляют время, когда эта многочисленная группа населения сможет достичь более высокой социальной культуры. Принимая принципы, столь благоприятные для евреев, очень важно, однако, лишить их всякой возможности низводить низшие слои народа до скотского состояния неумеренным потреблением крепких напитков.

Находящимся в республике евреям надлежит проявлять терпимость, и они должны пользоваться полной защитой закона. Решение вопроса о допуске иностранных евреев, а также определение сроков и условий предоставления права на жительство евреям, находящимся в настоящее время на территории республики, передаются полностью на усмотрение краковского правительства.

Статья шестнадцатая

Согласно статье 9 договора комиссары составят специальный тариф, определяющий точное соотношение всех денежных единиц австрийской, русской и прусской монархий; этот тариф будет опубликован и послужит основой для определения текущего курса этих денежных единиц.

Статья семнадцатая

Учреждая почтовую администрацию, комиссары не должны забывать о правах, которые их соответствующие правительства

сохранили за собой в силу статьи 12 договора и относительно которых каждый из них получит особые указания.

О том, что касается почтовых сборов, комиссарам надлежит по-любовно договориться с республикой, придерживаясь (насколько это позволят местные различия) таксы, установленной в настоящее время в герцогстве Варшавском.

Статья восемнадцатая

В период работы комиссаров специальная комиссия уточнит границы Краковской республики, описанные в статье 2 договора. Эта специальная комиссия подчиняется комиссарам, которые должны контролировать её работу.

Статья девятнадцатая

Протоколы о главных мероприятиях комиссаров будут составляться на французском языке. Все решения должны быть в достаточной степени мотивированы. Протоколы будут составляться в четырёх экземплярах, один из которых останется в архивах республики. Каждый комиссар вручит один экземпляр протокола своему государю.

Статья двадцатая

Однако свод законов и основных положений должен быть опубликован только на польском языке.

Статья двадцать первая

Под наблюдением комиссии будет сделан перевод конституции на польский и латинский языки; представителям нации и сенату надлежит заверить их подлинность. Этот акт должен быть скреплён подписями комиссаров.

Статья двадцать вторая

Комиссарам не требуется ожидать на месте ни окончательной редакции кодекса, ни результатов специальной комиссии, о которой говорится в статье 14 настоящей инструкции. Их миссия будет считаться законченной, когда политическая машина государства будет в основном организована и пущена в ход. Предполагается, что для этого вполне достаточно шести месяцев.

Обязанности, возложенные на комиссаров, ясно изложены в статье 1 настоящей инструкции; им поручается наблюдать за становлением республики, содействовать ему и помогать в развитии её организации, устраняя путём своего вмешательства всё, что могло

бы противоречить отеческим видам высоких договаривающихся сторон. Таким образом они дадут возможность свободно развиваться этой организации во всех случаях, когда это развитие будет идти в соответствии с установленными принципами, после чего им достаточно будет лишь наблюдать за её деятельностью. Им надлежит употреблять свою власть и брать дело в свои руки лишь в тех случаях, когда, по их мнению, ускорение и успешное завершение вверенных им работ того потребуют»¹.

Руководствуясь этим документом, комиссары начали свою деятельность с того, что издали обращение к жителям Кракова и Краковской области. Представители покровительствующих держав оповещали, что открывают свою деятельность по устройству временного правительства и смешанной комиссии для разработки конституции.

Сама конституция была обнародована 6 (18) октября 1815 г.

В соответствии с её статьями, жителям Вольного города Кракова разрешалось сформировать своё правительство на довольно либеральных и даже демократических началах.

В полном соответствии с идеями французских просветителей все вопросы внутреннего управления республики передавались в руки трёх ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной.

Органом законодательной власти являлась палата представителей, или сейм. Сейм осуществлял полный контроль над исполнением законов всеми отраслями управления, назначал сенаторов и чиновников, ему принадлежало право обвинять и предавать их суду, а также исключительное право на составление бюджета.

Вся полнота исполнительной власти принадлежала сенату, который управлял администрацией, полицией и военными. Кроме того, сенат был единственным органом, который имел право выступать с законодательными инициативами.

Судебную власть представляли несменяемые чиновники, выносившие по административным и уголовным делам решения, которые считались окончательными.

Конституция гарантировала публичность сеймовых и судебных прений, введение института присяжных при рассмотрении уголовных дел и свободу печати.

Такое политическое устройство, хотя и выглядело слишком демократично на монархической карте Европы, но в то же время вполне соответствовало тем либеральным деформациям, которым подвергся европейский мир за годы революционных потрясений. Восстановленная французская монархия теперь ограничивалась конституционной хартией, а Швейцария была признана республикой. К тому же в Германский союз входило четыре вольных города — Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек, но они пользовались теми же правами, что и остальные члены союза и не нуждались ни в чьём покровительстве.

На венгерских землях империи Габсбургов также существовали подобные вольные города, например Сомбор. Пользуясь полной автономией в делах внутреннего самоуправления, такие города отправляли своих депутатов на государственные сеймы и пользовались особым покровительством своего короля и императора.

В отличие от этих вольных, город Краков, формально обладая аналогичным статусом, находился под покровительством сразу трёх монархов, которые даровали ему конституцию и при этом осуществляли контроль за внутренним устройством через своих комиссаров.

Поэтому ни особое политическое устройство, представлявшее собой нечто среднее между вольными городами Германского союза и свободными австрийскими городами, ни внутренние противоречия краковской общины не сыграли определяющей роли в дальнейшей судьбе Кракова. С самого начала и до трагического финала судьба города оказалась в полной зависимости от воли покровительствующих ему держав, интересы которых постоянно менялись в зависимости от изменений текущей политической ситуации. Если же учесть, что и в России, и в Австрии, и в Пруссии существовали абсолютные монархии, становится очевидным: судьба Кракова зависела от воли отдельных лиц — Александра I, Франца I, Фридриха Вильгельма III, их будущих преемников, а также министров и фаворитов, имеющих возможность влиять на государственную политику.

В любом случае при формальном равенстве трёх покровительствовавших Кракову держав Австрия, по причинам географического характера, изначально пользовалась некоторыми преимущественными правами, что нашло отражение и в трактате 1815 г., где особенно тщательно прописывалась именно линия австрийско-краковской границы.

Особая заинтересованность Вены имела вполне рациональное объяснение. После венских соглашений, определивших раздел территории герцогства Варшавского между тремя державами, Россия установила контроль над обоими берегами Вислы, в то время как Австрия лишь на отдельных участках имела выходы к правому берегу этой реки и открытые границы с Российской империей на протяжении более тысячи километров.

В случае военных действий подобная конфигурация границы ставила Австрию в крайне невыгодное стратегическое положение. Российские войска за несколько переходов могли пересечь Царство Польское и вторгнуться в австрийскую Силезию. Австрийцам же для равноценного контрудара пришлось бы предпринимать тяжёлую военную операцию по занятию берега Вислы или Буга, выбивая противника с удобных для выстраивания обороны позиций.

Именно осознание этой печальной реальности заставляло австрийских представителей ожесточённо сопротивляться попыткам включения Кракова в состав русской Польши, которые, впрочем, носили скорее демонстративный характер, используя в качестве средства давления на Вену.

Правда, в отличие от своего преемника, Александр I не слишком злоупотреблял такими приёмами, согласившись, например, на условия, по которым русско-польские войска не могли базироваться ближе чем в 25 километрах от Кракова. Отчасти такая покладистость объяснялась его «джентльменскими» взглядами на отношения между европейскими монархами, отчасти — общей нормализацией отношений между Петербургом и Веной, сблизившихся на базе идей Священного союза.

Однако сближение это всё ещё было весьма хрупким и ненадёжным, так что Меттерниху приходилось считаться и с другими реалиями.

В краковском вопросе, помимо аспекта военно-стратегического, имелся ещё и аспект экономический. Существование полусамостоятельной Краковской республики, исходя из законов конкуренции, не только ослабляло австрийскую Галицию, но и угрожало торговле самой Австрии, которая была лишена другого выхода к Балтийскому морю, кроме как по реке Висле.

Естественно, что Австрия пыталась использовать любой удобный случай, чтобы укреплять и усиливать своё влияние на внутренние дела Кракова и в то же время всякими средствами подрывать влияние России.

Россия, со своей стороны, боролась за сохранение собственного влияния в регионе, чтобы иметь дополнительные рычаги давления на Австрию. Пруссия же имела возможность манипулировать своим сотрудничеством с той или другой стороной для достижения собственных целей.

Вот в таком выгодном положении оказался Вольный город Краков в силу тех политических привилегий, которыми его наделил Венский конгресс.

Итак, первой заботой покровительствующих держав стало создание смешанной комиссии, которая должна была составить подробнейший устав города Кракова, определяющий все формы его внутренней жизни и удовлетворяющий все три покровительствующие стороны.

В комиссию, кроме присланных комиссаров, были включены несколько местных жителей, известные русским, австрийским и прусским дипломатом. Одним из них был профессор гомилетики Краковского университета Викентий Иосиф Ланцуцкий.

Комиссия работала в течение трёх лет и составила обширный устав Краковской республики, который затрагивал такие важные вопросы, как взаимодействие всех трёх ветвей власти, вопросы свободной торговли, устройство университета.

Однако уже на этом первоначальном этапе между сеймовыми партиями и комиссией возникли конфликты из-за некоторых отступлений, которые позволила себе комиссия относительно договоров 3 мая 1815 г. и конституции.

Первое отступление касалось некоторого ограничения законодательной власти. Так, параграф 124 запрещал палате народных представителей вносить какие-либо изменения в представленные сенатом законопроекты, оставляя за ней право только принять их либо отвергнуть. Параграфы 127, 128 и 129 лишали палату права утверждать те предложения, которые не исходили из инициатив сената. Параграф № 134 блокировал возможность палаты контролировать ежегодные расходы администрации, оставляя за ней лишь право отслеживать исполнение бюджета.

Внесённые комиссарами коррективы ослабляли значение сейма, поскольку этот орган уже не мог контролировать деятельность сената по собственному усмотрению, а только лишь руководствуясь пожеланиями самого сената.

Нетрудно было предположить, что сотрудничество сената и сейма, базирующееся не на чётких законодательных нормах, а исключительно на доброй воле представителей двух этих органов, относится к разряду утопий.

Столь пессимистичный прогноз начал сбываться, когда разгорелась дискуссия о доходах и расходах Вольного города.

Первоначально все вопросы, связанные с государственными доходами, комиссия отнесла к категории финансовых законов, включив их из юрисдикции сейма, поскольку по конституции финансовые законы подготавливались сенатом. Однако за сеймом оставалось право проверять расходную часть бюджета.

Парадокс ситуации заключался в том, что в случаях, например, когда сейм находил возможным снизить расходы, он одновременно не имел права голоса в вопросах изменений доходной части бюджета.

В результате сейм не мог реализовать своё конституционное право определять государственные доходы в соответствии с потребностями республики и средствами налогоплательщиков. И конечно же, депутаты не собирались мириться с подобным положением.

Впрочем, когда конфликт интересов стал очевидным, первыми топор войны отрыли именно сенаторы, обратившиеся к комиссии покровительствующих держав с вопросом, следует ли считать

бюджет, утверждённый комиссией в первый год существования республики, постоянным государственным законом, а следовательно, не относящимся к компетенции палаты представителей?

Вопрос поставил комиссию в тупик. В конце концов дело было разрешено при помощи Александра I, который, ссылаясь на конституцию, признал за собранием представителей право устанавливать равновесие между доходами, расходами и нуждами государства.

Однако решение, принятое высокопоставленным арбитром, конфликт не ликвидировало, а, напротив, привело к его эскалации, поскольку сенат вознамерился отвоевать утраченные позиции.

В итоге комиссия представителей покровительствующих держав приняла постановление, ослабившее значение сейма в делах управления и фактически перечеркнувшее решение русского монарха. Во-первых, финансовый комитет сейма получал право обсуждать только те статьи расхода, которые были представлены сенатом, но лишался права инициировать введение новых статей.

Во-вторых, первый государственный бюджет, составленный комиссией, было решено считать постоянным законом, который не может подвергнуться изменениям иначе, как по инициативе сената и с согласия сейма.

Понимая, что депутаты сейма с подобным положением не смирятся, паны-сенаторы попытались оградить своё положение особым статусом. Параграфы 139 и 157 толковали конституционное право членов сейма обвинять должностных лиц: 139-й параграф признавал право отдавать обвиняемого чиновника под суд, но только при условии, что это обвинение поддерживали две трети голосов сейма, а вот 157-й параграф позволял чиновнику, против которого было выдвинуто обвинение, и которое не нашло поддержку двух третей голосов, преследовать инициатора обвинения как клеветника.

Подобная комбинация практически нивелировала возможность наказывать чиновников за их злоупотребления, поскольку если обвинение не поддерживалось подавляющим большинством голосов, то оно автоматически, то есть без всякого расследования, признавалось клеветническим.

Все эти искажения конституционных прав собрания представителей в пользу сената впоследствии стали причинами многих споров и конфликтов, которые априори были выгодны Австрии. Вена же в краковском вопросе опиралась именно на представителей консервативного крыла сената, комплектовавшегося в основном представителями старинных шляхетских родов, которые и в мыслях не могли примириться с малейшей юридической зависимостью сената от народных представителей.

В то же время эти антироссийские, в сущности, мероприятия как минимум не блокировались российским представителем смешанной комиссии Миончинским — потомком одного из древнейших родов Польши и, надо полагать, также консерватором по убеждениям.

Увлечённость комиссаров покровительствующих держав регулированием спора между сенатом и сеймом отвлекла их от вопросов экономического характера, что стало большим упущением.

Венский договор запрещал Кракову устраивать собственные таможи. Между тем город располагался на судоходной реке, что позволяло превратить его в крупный торговый узел, связывающий рынки северной и восточной Европы. Однако для начала следовало составить точный перечень перевозимых товаров, что комиссией так и не было сделано.

В результате такой важный для города вопрос оказался отдан на волю пограничных властей, решавших его по собственному усмотрению и произволу.

Больше всех от подобного положения выигрывала Австрия, представители которой, по-видимому, и способствовали складыванию подобной системы. Таким образом, Вена получила в свои руки весьма эффективный рычаг давления на Краковскую республику. И не преминула им воспользоваться.

Смешанная комиссия ещё не закончила своей работы, когда австрийская сторона уже ограничила до размеров, необходимых для внутреннего потребления, беспошлинный ввоз соли через Подгорье — «порто-франко» для товаров первой необходимости из Галиции. Ну а такие продукты, как топливо, скот, овощи, овёс и т. д., и вовсе не были признаны предметами первой необходимости,

а следовательно, облагались всей тяжестью установленных законом налогов.

Если российская сторона оказала серьёзное влияние на устройство внутренней политической жизни города, австрийская — на дела свободной торговли, то на долю Пруссии досталась реформа устава Краковского университета. Прусский комиссар барон фон Рейбниц состоял в тесной дружбе с ректором университета, что, возможно, и послужило главной причиной его участия в преобразованиях прославленного учебного заведения.

Результатом этой дружбы и стал новый устав, который освобождал всякую университетскую жизнь не только из-под власти, но и от любого влияния правительства Вольного города Кракова.

Составление преподавательских планов было отдано на откуп профессорскому составу, что выглядело абсолютно логичным с точки зрения повышения уровня преподавания, но неизбежно приводило к сложностям политического характера. Трудно было ожидать, что преподавательская кафедра не станет использоваться для озвучивания взглядов, противоречащих интересам держав, участвовавших в польских разделах.

Ректор университета получил исключительное судебское право как над преподавателями и студентами университета, так и над учениками всех краковских школ, нарушившими закон, независимо от мест и обстоятельств случившихся нарушений. Бюджет университета, который обеспечивал его членам весьма приличное содержание, был утверждён единожды и мог изменяться только с согласия трёх держав.

Здесь следует отметить, что совокупный доход от университетского имущества, находившегося во всех бывших польских землях, составлял сумму, превышавшую 8 миллионов золотых.

Таким образом, университетские иерархи получили статус независимого правительства, а Вольный город Краков обзавёлся государством в государстве, со своим законодательством, бюджетом и судебским корпусом.

Причина столь парадоксального, с точки зрения интересов покровительствующих держав, решения кроется в очевидном господстве всё той же шляхетской идеологии, преобладавшей в сенате,

доброжелательное отношению которого к университету также имело серьёзное значение при проведении этих преобразований.

Если в конституционных правах народных представителей сенаторы видели притеснение своих исконных привилегий, то в университетской иерархии они узнавали идеологически близкую им шляхетскую организацию, восстановление которой воспринималось как признак реконструкции канувшей в Лету Речи Посполитой.

Впрочем, именно предоставление университету слишком широких прав, обеспечивающих ему привилегированное положение, привело к последствиям, явно нежелательным для сторонников польской независимости.

Вместо сотрудничества, базирующегося на равноправии партнёров, сенат, сейм и университет оказались сразу же поставлены в неравноценное положение, а потому были настроены по отношению друг к другу скорее конфронтационно. Как следствие, отсутствие единой политики ослабило Вольный город Краков перед лицом покровительствующих держав, постепенно запустивших обратный процесс по ограничению политических прав республики.

При этом новый и, в общем, прогрессивный устав не закреплял ряд важных привилегий, что вскоре привело ко многим негативным последствиям. Так, в нём фактически игнорировалось право университета принимать на учёбу польскую молодежь из других земель бывшей Речи Посполитой. Этим обстоятельством не замедлила воспользоваться австрийская сторона и обязала родителей таких учащихся выплачивать налог в 100 дукатов. Сенат попытался опротестовать подобное постановление, но австрийская сторона попросту проигнорировала высказанные в её адрес протесты. Впоследствии примеру австрийцев последовали и остальные державы-попечители.

Но ещё более серьёзным упущением в работе организационной комиссии были оставшиеся неразъяснёнными вопросы, касающиеся имущества университета, находящегося в других землях польских разделов.

Каждая сторона толковала пункты трёхстороннего договора от 3 мая 1815 г. по-своему.

Австрия настаивала на том, что университет имел право претендовать только на то имущество, которое находилось в его ведении на момент проведения Венского конгресса, а поскольку Краков ещё по Шёнбруннскому договору 1809 г. между Австрией и Францией был отделён от Галиции в пользу герцогства Варшавского, то и имущество, оставшееся в Галиции, следовало считать отчуждённым.

Россия же считала, что статьи Венского договора подразумевают лишь то имущество, которое находится на территории Краковской республики.

Пруссия, первоначально признавшая права университета на имущество, оказавшееся на прусской территории, впоследствии отказалась выплачивать денежный дар города Данцига (современный Гданьск), ссылаясь на то, что Венский договор сохраняет за университетом только то имущество, которое обеспечено ипотекой, а добровольный дар города Данцига никогда таковым не являлся.

Комиссия не смогла нивелировать все эти разногласия и дать однозначное толкование имущественных прав университета, что и привело в скором времени к возникновению споров между правительством республики и державами-покровителями.

Тем не менее, несмотря на очевидные недоработки, комиссия после трёхлетней работы закрыла свою деятельность.

11 октября 1818 г. при полном собрании официальных лиц Вольного города Кракова, представлявших все три ветви власти, в присутствии духовных иерархов, при огромном скоплении горожан и иностранных гостей состоялась торжественная передача всех разработанных Уставов краковскому сенату.

На этом торжестве с поздравительными речами выступили все три представителя покровительствующих держав.

Игнатий Миончинский особо выделил выдающуюся роль Александра I в деле возникновения Краковской республики, заверил, что и в дальнейшем государь император намерен сохранять к ней свои благосклонные чувства, опустив, разумеется, неполиткорректные подробности, связанные со взаимными интригами Берлина, Вены и Петербурга.

Барон фон Рейбниц с большим пафосом рассуждал об общеевропейской борьбе народов за свободу, о священном чувстве патриотизма и о тех требованиях, каковые связаны с высоким званием краковского гражданина. Требования, впрочем, оказывались не слишком обременительными. Барон призывал всех жителей Краковской республики «направлять свои силы к открытию полезных изобретений и к улучшению существовавших уже сельскохозяйственных, промышленных и торговых предприятий»; а поощрять их к тому заботливою рукою и чутким сердцем должна была прекрасная половина краковского населения. Подобный пассаж, вероятно, должен был своей изящностью понравиться сильной половине краковского населения, но, в общем, после патетических рассуждений о свободе он звучал несколько странно, если не сказать комично. «Вы должны утвердиться в гражданских доблестях, — напутствовал прусский комиссар, — в духе согласия и соперничать любовью к родине с соседними народами, особенно с вашими соплеменниками, которые, перейдя под управление Александра Благословенного, имеют покрыть имя Польши новым блеском перед потомством»². Последний пассаж выглядел своего рода реверансом в сторону Петербурга, свидетельствуя о крепости русско-прусского альянса.

Речь графа Сюрта-Спорка оказалась, пожалуй, наиболее конкретной и весьма обстоятельной. Начал он с того, что возвестил об освобождении крестьянства от оков, наложенных на него шляхтой. Теперь землепашец мог по своему усмотрению устраивать свою судьбу на равных правах с остальными обывателями. Для просвещения крестьянства комиссия устроила сельские школы. Была отменена хлебная десятина, своеобразный налог, который взимался с крестьян в пользу духовенства. Звучало всё красиво и патетично, хотя в этом гимне труженикам-земледельцам уже можно было разглядеть признаки той хитроумной тактики, благодаря которой австрийская бюрократия смогла манипулировать крестьянами, настраивая их против шляхты.

Далее австрийский комиссар переключился на изменения, которые ожидают «народ Моисеева исповедания». Евреи освобождались от налога на религиозные обряды и допускались на

общих правах к участию в общественных делах города. Им разрешалось обзаводиться земельными участками и усадьбами, для того чтобы обогащаться общепользными трудами, а не «лихоимством и барышничеством». Ещё более радужные послабления ожидали «отрасль Израиля» в обозримом будущем. Комиссары наделили сенат особыми полномочиями, которые позволяли по истечении 12 лет предоставить евреям право приобретать недвижимость и строить свои дома на самых людных улицах города, пользоваться политическими правами и иметь возможность занимать должности в местном самоуправлении. Встречные условия были скромными: евреям следовало признать верховенство законов Вольного города и перестать выделяться из среды краковского общества «восточным покровом и разительным цветом своей одежды».

Далее граф говорил о тех выгодных условиях, которые подготовлены покровительствующими державами, для развития и процветания торговли Вольного города Кракова, и о том, что достижение этого процветания целиком и полностью зависит от жителей и властей самого города.

Не обошёл господин Сьюэрт-Спорк вниманием и вопрос свободы печати, которая теперь закреплялась законодательством Краковской республики, провозглашая, что, «придав наукам и искусствам смелый полёт, эта свобода... превратит эту республику в пристань, доступную для всякого рода мнений».

Также было отмечено и улучшение положения духовенства, выражающееся в солидной материальной поддержке, дабы удалить «пастырей от хлопотливых забот о своём содержании» и дать возможность им целиком и полностью отдаться заботам о духовном воспитании своей паствы.

Не обошёл оратор своим вниманием и преобразования в судебной системе, которая могла теперь обеспечить торжество справедливости для всех граждан республики. К достоинствам этой системы граф отнёс открытость всех судебных заседаний и участие в них присяжных заседателей.

Подводя итоги всего сказанного, граф Сьюэртс-Спорк заключил, что милостью трёх держав-покровителей Краковской

республике созданы все условия для спокойного и обеспеченного существования.

Так оптимистично смотрели на свою работу и на будущность Кракова сами члены организационной комиссии. Речи трёх комиссаров были опубликованы в местной печати на польском языке, а сами они покинули город, уступив своё место резидентам от трёх покровительствующих держав. Именно под бдительным оком этих резидентов Краковская республика отправлялась в самостоятельное плавание.

К тому времени, когда организационная комиссия сложила свои полномочия, главной фигурой в политической жизни республики стал Станислав Водзицкий — шляхтич, бывший префект департамента Кракова, избранный в Вольном городе на пост председателя сената, хотя избрание это примерно наполовину было обеспечено покровительствующими державами.

Именно вокруг фигуры Водзицкого объединилось большинство консервативных землевладельцев и аристократов, слабо связанных с краковским мещанством и надеющихся на быстрое включение города в Польское королевство. Впоследствии это общество бессменно доминировало в сенате, а его председатель, несомненно, тесно сотрудничал с правительствами покровительствующих держав, выступая как их союзник в борьбе с местными либеральными и демократическими движениями.

Консерваторам противостояли либералы, имеющие поддержку в университетской среде и у буржуазии. Руководил ими ректор университета Валенты Литвинский. Либералы провозглашали лозунг расширения суверенитета Вольного города и критиковали власть за гарантированную конституцией, но не использованную возможность создания представительств при дворах государств-попечителей. Другой любимой его темой было отстаивание перед лицом держав-попечительниц экономических привилегий Вольного города Кракова. Либералы пользовались симпатиями значительной части собрания представителей и негласно поддерживались Пруссией, которая получала значительную прибыль от торговли с Краковом.

До 1827 г. господство партии Водзицкого в администрации и сенате было бесспорным, что позволяло консерваторам

успешно руководить администрацией и финансами Краковской республики.

Однако со временем противоречия и недоработки, таящиеся в городских уставах, дали о себе знать, приведя к нескольким конфликтам среди высших структур управления.

Первое серьёзное столкновение между сенатом и сеймом произошло, как уже упоминалось, ещё в 1817 г., в связи с изменениями, которые сейм попытался внести в бюджетную политику. Сенат признал эти изменения незаконными, и Водзицкий обратился к Александру I. Царь утвердил изменения в бюджете, запрещая, однако, на будущее сейму повторение подобных действий.

Случай этот был показательным не только в плане характеристики существовавших в Вольном городе внутренних противоречий, но и как образец противоречий внешнеполитических, поскольку на роль арбитра приглашался глава одной из покровительствующих держав, что дискредитировало и дискриминировало лидеров двух других держав-покровительниц.

В дальнейшем подобная ограничивающая суверенитет государства практика стала восприниматься как универсальный рецепт при решении внутренних споров между ветвями власти.

В 1820 г. незначительный на вид случай привел к серьёзному кризису в отношениях между сенатом и университетом. Поводом для конфликта послужил арест двух студентов, обвинённых в воровстве. Ректор университета не преминул воспользоваться этой ситуацией, чтобы выступить против главы правительства. Литвинский, ссылаясь на своё исключительное судебное право над всеми учениками краковских школ, заявил о противоправности действий полиции. Студенты, подстрекаемые ректором, вышли на улицы с требованиями освободить своих товарищей. Воспользовавшись полной пассивностью полиции, они силой вызволили узников из заключения. Не успокоившись на достигнутом, студенты ночью напали на дом полицейского начальника, выбили окна и переломали мебель. Когда сенат попытался вмешаться в конфликт, выяснилось, что у него нет никаких рычагов воздействия на дебоширов. Ни одна из краковских школ не подпадала под юрисдикцию правительства.

Чтобы исключить в дальнейшем повторение таких инцидентов, явно опасных для общественного спокойствия, требовались коренные изменения недавно принятых Уставов. Единственно законный путь заключался в соглашении между сенатом и сеймом. Но сенат снова усмотрел в подобном сотрудничестве признаки ущемления собственной власти и расширения полномочий палаты представителей. Так что, когда годом позже была раскрыта первая тайная организация студенческой молодежи («Белый орел»), Водзицкий предпочёл прибегнуть к чрезвычайным мерам и обратиться напрямую к правительствам держав-попечительниц. Непосредственным результатом его действий стало ограничение автономии университета и власти ректора, который до этого по степени своего политического влияния мог конкурировать с председателем сената.

Случившееся негативно отразилось и на репутации всего университета.

Так, в 1822 г. правительство Царства Польского издало указ, запрещающий польской молодёжи проходить обучение за границей и поступать на государственную службу, если образование получено не в Варшавском университете. Аналогичные по сути указы были изданы правительствами Австрии и Пруссии, которые запретили молодёжи Галиции и Познанского княжества обучаться не только в университете, но и в краковских школах.

Но покровительствующие державы не успокоились на достигнутом. В 1826 г. университету был дан новый устав, по которому независимость этого учебного заведения от местных властей восстанавливалась в полной мере, согласно тексту прежнего устава. Если бы не одно «но» ... В качестве высшей власти над существующей в университете иерархической системой был поставлен попечитель, назначаемый одной из покровительствующих держав. Таким попечителем стал генерал-адъютант императора Николая I граф Залусский. В результате, отстояв внутреннюю независимость, университет внешне фактически оказался включён в систему учебных заведений Царства Польского. Правда, указ, запрещающий уроженцам польских земель обучаться в нём, оставался в силе.

Эти события сильно подорвали казавшиеся незыблемыми позиции возглавляемого Водзицким консервативного правительства.

К тому же сенату никак не удавалось разрешить спор вокруг имущества Краковского университета, оставшегося в поделённых между державами-попечительницами польских землях.

13 марта 1827 г. сенат отослал на имя Николая I ходатайство, в котором просил официального признания прав университета, обещанного ещё Александром I, и восстановления прав на всё находящееся в Царстве Польском имущество. Послание заканчивалось следующими словами: «... благоволите, государь, обратить внимание на то, что правительство вольного города Кракова, употребляя уже более половины своих доходов на народное просвещение, не в состоянии жертвовать на него более; а между тем и эти средства слишком скромны, чтобы поднять образовательные учреждения сего края до высоты их назначения и дать им возможность соперничать с другими университетами, которые развиваются быстро, сообразно с успехами наук и искусств в наше время. Кроме того, новый порядок, введённый в этот университет, согласно воле вашего императорского королевского величества и ваших высоких союзников, назначением главного куратора, вызвал необходимость в новых расходах и в новых фондах, которые, если будут отнесены на действительные доходы страны, уменьшат ту часть их, в которой крайне нуждаются другие учреждения, имеющие не менее важное значение для общественного блага. Наконец, благодеяние, если получит таковое краковский университет, падёт отчасти на жителей польского королевства, которые получают дозволение посылать сюда своих детей для высшего образования, и таким образом акт великодушия вашего и справедливости к сему учреждению, которое польские короли, ваши предшественники, всегда удостаивали своего особенного покровительства, принесёт благие плоды одинаково для всех заинтересованных в этом деле, для благосостояния и процветания самого университета, для тех, кто непосредственно находится под вашею высокою державою, а ровно и для тех, кто имеет честь состоять под вашим милостивым покровительством»³.

Такие же ходатайства были направлены австрийскому и прусскому правительствам. И хотя дело об урегулировании имущественных претензий Краковской республики и её университета уже обсуждалось в особой комиссии, созданной в Вене, было

очевидно, что именно нежелание сената решать внутренние споры конституционным путём через палату представителей и его постоянные апелляции к державам-покровителям приводили в конечном итоге к новым политическим и даже экономическим затруднениям. Всё это постепенно увеличивало число недовольных правительством.

Лично для Водзицкого ситуация осложнялась тем, что на выборах председателя в 1824 г. он выиграл лишь с незначительным большинством. К следующим же выборам ситуация изменилась. Сохраняя за собой большинство в сенате, Водзицкий за три прошедших между выборами года потерял расположение как руководителей университета, так и представителей судебного ведомства.

Не в лучшую сторону изменилось положение консервативной партии и в собрании народных представителей: несмотря на продолжавшиеся в течение девяти лет пере выборы практически одних и тех же депутатов, состав сейма всё-таки изменился. Во-первых, новые депутаты, проходившие в сейм, в большинстве случаев являлись сторонниками оппозиционной либеральной партии. Во-вторых, многие из бывших сторонников Водзицкого перешли на сторону его противников.

В результате на выборах в 1827 г. сейм избрал, хотя и с перевесом всего в один голос, своим президентом Юзефа Никоровича, председателя апелляционного суда, кандидата от буржуазии.

Подобный итог выборов привел к тому, что политическое напряжение в Краковской республике достигло своего пика. Консерваторы во главе с Флорианом Страшевским и Яном Мершевским не признали нового председателя и покинули заседание под демонстративно надуманным предлогом отсутствия высшего образования у части депутатов. В результате дальнейшая деятельность собрания, лишившегося кворума, оказалась парализована.

Затем сторонники Водзицкого обратились к иностранным резидентам с протестным актом. Резидентами на тот момент были: от России — Заржецкий, от Австрии — барон фон Эшнер, от Пруссии — Дарэ. Они приняли протест и, обеспокоенные ситуацией, призвали новоизбранного президента Юзефа Никоровича

воздержаться от вступления в должность до получения разъяснений от держав-покровительниц.

В Петербург, Вену и Берлин, разумеется, были направлены протесты. Но Водзицкий и его сторонники не стали сидеть сложа руки в ожидании, пока покровительствующие державы разберутся в сложившейся ситуации. Они продолжали предоставлять резидентам дискредитирующие сейм материалы. Так, ими была подготовлена нота, в которой отмечалось, что в числе краковских чиновников, особенно среди оказавшихся в сейме представителей судебного ведомства, есть и те, кто начинал свою служебную карьеру ещё во времена герцогства Варшавского, а следовательно, мог быть заподозрен в пронаполеоновских симпатиях. Из этого обстоятельства сенаторы делали вывод, что их оппонентов следует рассматривать как лиц со смешанным гражданством, а значит, и постановления последнего сейма следует признать недействительными.

Удар был изошрённый и сильный, но, к чести сената, не все его члены подписались под этими, явно надуманными, обвинениями. Правда, на стороне чести оказалось абсолютное меньшинство — всего трое сенаторов не сочли возможным отказать людям, которые на протяжении девяти лет служили Краковской республике, в их гражданских правах.

Но верные своему служебному долгу резиденты и этот протест партии Водзицкого донесли до своих самодержцев.

Ответ не замедлил себя ждать: 25 февраля 1828 г. резиденты передали собранию, что покровительствующие державы настаивают на проведении новых выборов президента, а все постановления последнего сейма объявляют незаконными. Водзицкому предписывалось оставаться в должности до окончательного распоряжения покровительствующих держав.

Окончательное решение в форме ноты было вручено президенту Водзицкому 19 марта того же года. В ней, в частности, говорилось: «...уже в прежние годы высокие покровительствующие дворы и само правительство сей республики признавали необходимость введения различных распоряжений, согласных с обстоятельствами и требовавшихся для утверждения законного порядка в этом государстве. Ныне совершившиеся события указали самым

положительным образом на необходимость мер решительных, чтобы утвердить в республике конституционный порядок, на котором основывается все её политическое существование. Покровительствующие дворы признали за благо, в интересах самой страны, образовать комитет из вашего сиятельства, их уполномоченных и тех из господ сенаторов, которые остались верными конституции, дабы определить наиболее приличные средства для восстановления правительства в его законной силе. Согласно таковой воле высоких дворов, нижеподписавшиеся имеют честь пригласить ваше сиятельство назначить трёх из господ сенаторов, которых вы считаете способными к участию в этом деле, и известить о времени и месте, где этот комитет, состав которого должен отвечать благу республики, откроет свои занятия, долженствующие привести в исполнение благодетельные виды трёх высоких покровительствующих дворов»⁴.

Партия Водзицкого праздновала полную победу. Прежний сенат был полностью восстановлен в своих правах. Сформированный Водзицким комитет, получивший название «Эпурационный», начал пересмотр всех постановлений и назначений, утвержденных не только последним, но и предшествующим сеймом. В результате своих мест лишились три сенатора, председатели обоих судов, несколько советников и три профессора университета, поскольку их пребывание на должностях было сочтено комитетом «несообразным с благом республики».

Правда, на своих местах оставались ещё некоторые чиновники из числа противников Водзицкого, в назначении которых комитет не нашёл никаких конституционных нарушений. Но Водзицкого это не остановило. Сразу же после закрытия деятельности Эпурационного комитета сенат возбудил вопрос о подданстве неугодных чиновников на основании того, что эти лица владели землями в Царстве Польском.

Через русского резидента вопрос был поставлен перед Николаем I. 31 октября 1828 г. Заржецкий озвучил ответ самодержца, в котором говорилось, что «император всероссийский и король польский считает прежних подданных варшавского герцогства, поселившихся в Кракове, но владеющих также именными

в польском королевстве, смешанными подданными, а потому те из них, которые находятся на службе краковской республики, должны представить увольнение от правительства польского королевства, а в противном случае должны быть уволены из службы»⁵.

Сенат незамедлительно удалил со службы неугодных чиновников и уведомил об этом австрийского и прусского резидентов. Но двум другим державам-попечительницам не понравилось подобное «сепаратное» сотрудничество краковского правительства с одной из покровительствующей сторон. 4 февраля 1829 г. Лоренц, а 20 марта Дарэ, заявили о несогласии императора австрийского и короля прусского с подобными неконституционными действиями сената, пообещав поставить этот вопрос перед русским императором.

И всё же, несмотря на существующие проблемы, партия Водзицкого, цепко державшая в своих руках исполнительную власть со времен основания Краковской республики, не только сохранила свои позиции, но и значительно их усилила. Действуя через резидентов, с которыми Водзицкий тесно контактировал на протяжении своего президентства, ему удалось склонить в нужную сторону покровительствующие державы и с их помощью практически разгромить оппозицию, удалив её представителей со всех ответственных постов.

Утвердившись в своих прежних правах, краковское правительство под председательством Водзицкого вновь обратилось к решению важных для Краковской республики имущественных вопросов и, благодаря произошедшим за последние годы изменениям в имущественных отношениях между покровительствующими державами, вполне успешно отстаивало интересы Вольного города и его университета.

29 апреля 1828 г. Россия и Австрия подписали третью конвенцию об удовлетворении взаимных имущественных претензий. По этой конвенции все претензии Краковской республики в отношении университетского имущества в западной Галиции принимала на себя российская сторона. Правительство Царства Польского обязывалось отчитаться перед Австрией о способе удовлетворения претензий Краковского университета.

Сенат Вольного города Кракова, в свою очередь, обратился к правительству Царства Польского с просьбой уплатить долгожданные долги, но наткнулся на выстроенную из отговорок стену. Дело дошло до суда, по которому варшавский суд первой инстанции постановил, что имущество Ягеллонской академии, находившееся в землях Царства Польского, признавалось национальной собственностью ещё до того, как между Россией и Австрией была подписана третья конвенция. Следовательно, претензии на него Краковской республики признавались неправомерными. Краковское правительство обратилось за поддержкой и к австрийскому и прусскому дворам, но те предпочли отстраниться. Тогда дело через попечителя университета, графа Залусского, попытались представить непосредственно императору Николаю I, но царь как раз в это время был занят осадой турецкой крепости Варна.

В конечном итоге для рассмотрения этого вопроса в Варшаве была создана особая комиссия под председательством Н.Н. Новосильцева, занимавшего при правительстве Царства Польского должность императорского комиссара⁶.

Из Кракова в Варшаву отбыли сенаторы Лентовский и главный секретарь Мерошевский, чтобы представлять перед комиссией интересы краковского правительства. И, скорее всего, дело вскоре уладилось бы, если бы не общая предгрозовая обстановка, когда и без того не отличающейся эффективностью администрации великого князя Константина Павловича было попросту некогда заняться не имеющим отношения к делам Царства Польского вопросом.

В Секретном архиве III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии хранится значительное число документов, рисующих предреволюционное брожение в Царстве Польском в пятилетие, предшествовавшее восстанию.

Вот, например, мнение, высказанное в докладной записке «О высказываниях и духе варшавской публики, состоящего при цесаревиче (Константине Павловиче. — А. С.)» генерал-майора графа Нессельроде:

«... Войско (армия Царства Польского. — А. С.) разделяет народное мнение и ненавидит Новосильцева и его партию. Новосильцев

со своей стороны, чтобы удержаться в силе, представляет Правительству Польшу и Литву в таком виде, что они завтра же готовы к бунту. Между тем между поляками распространяются слухи, что император Николай ненавидит Польшу и поляков, что он вопреки Конституции не хочет короноваться из презрения к польскому народу и что один Цесаревич удерживает Государя от намерений разделить Царство Польское на губернии и раздать имения своим вельможам. Всё это есть действие одной и той же партии.

Когда император Александр по случаю несогласий на сейме сказал известному польскому писателю и патриоту Немцевичу: „Теперь недоволен Поляками“, — Немцевич отвечал: „Государь, Поляки добрые были, но они не могут вести себя порядочно, потому что имеют пьяную няньку...“ — эти слова относились к г. Новосильцеву...

Поляки удивляются, что Государь, ознаменовавший своё краткое царствование столикими благоденствиями для России, ничего не сделал для Польши. Чтобы одним ударом заставить себя обожать, быть воспеваему, превозносиму с энтузиазмом, стоит только удалить причины ужаса и угнетения:

Освободить Литву от военного положения и по-прежнему подвергнуть Русскому Правительству.

Новосильцева вызвать из Польши, чтоб он не был ни куратором в Вильне, ни министром в Варшаве.

Отдалить от должности нескольких ненавистных лиц: ректора Пеликана, прокурора Ботвинку, гродненского губернатора Бобятинского и Байкова, кратур Новосильцева и проч.

Облегчить цензуру и не позволять сажать в тюрьму за всякую безделицу, по одному подозрению и не выгонять за город без суда и следствия, по одним доносам.

Установить высший надзор, который бы всё знал и видел, но никого не женировал»⁷.

Но вот гроза разразилась, и с ноября 1830 г. правительство Вольного города Кракова оказалось поставлено в крайне затруднительное положение. С одной стороны, события 1828 г., когда сенат учинил политическую расправу над оппозицией, подорвали доверие населения к партии президента Водзицкого. И сенат опасался,

что при возникновении какого-либо общественного волнения консерваторы не смогут повлиять на ситуацию. С другой стороны, обстановка требовала принятия соответствующих моменту мер, но таких, которые не скомпрометировали бы сенат перед резидентами трёх покровительствующих держав.

Лишь к началу декабря правительство вышло из состояния окаменения и решилось обратиться к населению с воззванием о создании городской гвардии. Естественно, такое решение было согласовано с резидентами покровительствующих держав и вполне отвечало интересам самого сената. Во-первых, эта мера предвосхищала назревающую в краковском обществе инициативу и позволила бы обеспечить сенату руководящую роль. Во-вторых, это могло отвлечь обывателей от воспоминаний о недавней неприглядной деятельности президента Водзицкого и его сторонников, чего консерваторы особенно желали, поскольку подходил очередной срок выборов в сенат. А на фоне происходящих в польском королевстве событий результат этих выборов трудно было предугадать.

Но как партия Водзицкого ни пыталась удержать свои позиции, вскоре стало очевидным, что её время заканчивается. Первая осечка произошла при определении кандидатуры начальника гвардии. Сенат объявил о назначении на этот пост своего сторонника, Иосифа Галлера. Но население выразило недовольство, и в городе даже прошла стихийная манифестация. Толпа собралась возле здания, где проходили заседания сената, и потребовала назначить на этот пост графа Иосифа Водзицкого — двоюродного брата президента Станислава Водзицкого. И сенату пришлось подчиниться требованиям улицы. Это ещё раз подтверждало, что в новых обстоятельствах правительству уже не удастся игнорировать мнение оппозиции.

Новым начальником была сформирована городская гвардия, состоявшая из шести отделов — четырёх городских, одного академического и одного еврейского. Во главе гвардии встал особый совет, состоявший из начальников отделов. Вскоре был опубликован устав гвардии. Но главный вопрос так и оставался открытым — против кого должна была действовать вооруженная гвардия Вольного города? Сенат не давал на этот счёт никаких разъяснений,

поскольку и сам не понимал, как следует относиться к польскому восстанию.

Инициативу взял в свои руки совет гвардии и сопровождал в Варшаву своего представителя Антония Лебровского, чтобы тот напрямую связался с Адамом Чарторыйским и выяснил, каким председатель Административного совета королевства видит поведение Краковской республики в свете происходящих событий.

Когда Лебровский прибыл в Варшаву, там уже была провозглашена диктатура, созван сейм, а Чарторыйский председательствовал во временном правительстве.

Проведя консультации со всеми тремя органами новой власти, Лебровский получил их единодушное решение — Краковской республике следует держаться нейтралитета, как того требуют венские договоры, и соблюдать прежний внутренний порядок. Такое решение было продиктовано следующими соображениями: во-первых, вооружённое восстание в Кракове не принесёт никакой пользы польскому восстанию, а только вызовет неудовольствие Австрии и Пруссии; во-вторых, оно лишит мятежников потенциального укрытия на случай поражения и вероятного плацдарма для возрождения польского национального движения.

Лебровский передал волю временного правительства совету краковской городской гвардии. Совет поручил своим начальникам отделов довести решение до сведения своих подчинённых. Особенное внимание было уделено академическому отделу. Профессор Сапальский провёл переговоры со студентами университета и заручился их обещаниями не только не устраивать никаких политических манифестаций, но и самим пресекать любые попытки устроить нечто подобное. В свою очередь, студенты выказали желание снарядить отряд добровольцев для участия в польском восстании. Совет удовлетворил желание воинствующей молодёжи, правда, отказался снабдить их оружием и снаряжением. Тогда университет сам изыскал средства, и 25 декабря отряд университетских волонтеров был отправлен в объятые огнём Царство Польское.

Во всём этом сенат не принимал никакого участия. Поставленное в прямую зависимость от резидентов покровительствующих

держав, правительство лишь проинформировало резидентов об организации гвардии и теперь выжидало.

К немалому удивлению сената, резиденты одобрили решение создать гвардию и порекомендовали для усиления деятельности правительства, которого требовали обстоятельства, восстановить в членстве исключённых в 1828 г. сенаторов.

Как бы ни нервировала партию Водзицкого необходимость вернуть в свои ряды опальных сенаторов, выбора не оставалось. Утратив поддержку общественного мнения, сенат не мог пойти против резидентов, которые таким способом решили загладить неудовольствие общества, вызванное отменой последних сеймовых постановлений.

С другой стороны, поддавшись воле резидентов, партия Водзицкого окончательно ослабила свои позиции в правительстве. Внутренние разногласия окончательно парализовали деятельность сената как высшей исполнительной власти, и постепенно его полномочия перешли к совету городской гвардии. И вскоре совету представился случай проявить себя.

17 декабря в Кракове появился отряд из 12 вооружённых повстанцев под предводительством братьев Малиновских. Они пришли к начальнику штаба городской гвардии Мцшешевскому и объявили, что являются делегатами Варшавского патриотического общества. Разряженный в вышитый золотом мундир камер-юнкеров времён Речи Посполитой, Яков Малиновский изложил цель своего визита: Варшавское патриотическое общество считает моральным долгом свободного города Кракова присоединиться к польской революции. Патриотическое общество считает неправильным выступление академической молодёжи из Кракова в Варшаву, поскольку сил это повстанцам не прибавит, а местную революционную силу ослабит. Далее Малиновский объявил, что уже организовал общее собрание студентов университета и попросил сопроводить его к князю Генриху Любомирскому.

Князю Любомирскому Малиновский предложил возглавить временное правительство Кракова. Но князь, сославшись на своё австрийское подданство, отказался в пользу какого-нибудь краковского гражданина.

Вечером того же дня состоялось заседание академической молодёжи, на котором также присутствовали представители совета гвардии. Малиновский сначала нарисовал ошеломляющую картину размаха революционного движения в Царстве Польском и ослепительные перспективы его поддержки со стороны Франции и государств Германского союза. По его словам, два французских генерала — Эксельман с 60-тысячным войском и Жерар с 40 тысячами — уже переправились через Рейн, один — под Майнцем, другой — под Базелем, и готовы сражаться бок о бок со 100-тысячной польской армией против захватчиков. На содержание этой 200-тысячной армады в банке имеется 200 миллионов. Так что в Варшаве даже считают такие силы чрезмерными.

Далее он указал на причины, которые должны послужить основанием для поднятия восстания в Кракове, — это политические репрессии 1828 и 1829 гг., и даже указал жертву репрессий, присутствующего на заседании уволенного профессора.

Закончил свою речь Малиновский восклицанием: «...возможно ли, чтобы пример молодёжи польского королевства не нашёл в здешних студентах подражателей? Или же они утратили способность отмщать за оскорбления, нанесённые им самим и профессорам их? Согласовалось ли бы это с их обязанностями и шляхетским образом мыслей?»⁸.

В ответ студенты попросили Малиновского подтвердить документально свои полномочия, поскольку до этого они получили прямо противоположные указания от временного правительства Царства Польского.

Заседание завершилось скандалом. На следующий день эмиссары были приглашены на приём к главе городской гвардии Иосифу Водзицкому, который показал им письменное решение за подписями диктатора, маршала сейма и Адама Чарторыйского о соблюдении Краковской республикой нейтралитета по отношению к происходящим в Царстве Польском событиям.

Малиновский вынужден был признать неправомочность своих требований. На что начальник гвардии предложил патриотам перекусить перед дорогой и распорядился подать к крыльцу почтовую бричку.

Малиновский и вся его команда были практически «выдворены» за пределы Краковской республики.

Забываясь о сохранении политического нейтралитета, краковское правительство, однако же, никак не препятствовало частным лицам разными способами участвовать в польском восстании. Так, через территорию Краковской республики из Галиции в Царство Польское доставлялись боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Чтобы прекратить эти поставки, Австрии пришлось разместить в Подгорье военный гарнизон. И наконец, когда восстание было подавлено русскими войсками и разбитые повстанцы стали покидать Царство Польское, часть войск, которыми командовал генерал Рожинский, перешла на территорию Краковской республики. Преследовавшие их русские войска под командованием генералов Красовского и Ридигера 15 (27) сентября 1831 г. заняли Краков. Австрия заявила на это решительный протест, ссылаясь на договоры 1815 г., и была поддержана Пруссией. Россия уступила требованиям, и 12 (24) ноября того же года русские войска покинули территорию Краковской республики, оставив, однако, военные гарнизоны в приграничных областях. Правда, по венским договорённостям, эти области должны были оставаться своего рода демилитаризованной зоной, но Россия посчитала свои действия своего рода ответом на чрезмерное австрийское военное присутствие в Подгорье⁹.

Но это были уже нюансы. Подавление польского восстания 1830–1831 гг. создало принципиально новую политическую реальность. Всем трём правительствам держав-попечительниц стало очевидно, что назрела необходимость пересмотра политики по отношению к Краковской республике и выработки по отношению к Вольному городу совместной стратегии.

Фактическим архитектором этой новой системы стал Николай I — человек, появившийся на авансцене польской политики под вежливые аплодисменты и во вполне импозантном костюме конституционного монарха. Удалился же он с неё осыпаясь проклятиями, как тиран и душитель свободы. Однако, чтобы понять, насколько столь резкие определения соответствуют действительности, не мешает внимательней взглянуть в личность этого практически идеального самодержавного монарха.

ГЛАВА 3

ЦАРЬ И ЕГО САТРАП

Великий князь Николай Павлович, будущий российский император, родился 25 июня (16 июля) 1796 г. в Царском Селе и стал последним внуком, порадовавшим своим появлением Екатерину II.

В письме М. Гримму она сообщала: «Сегодня в три часа утра мамаша (то есть Мария Фёдоровна) родила большущего мальчишка, которого назвали Николаем. Голос у него — бас, и кричит он удивительно, длиною он аршин без двух вершков, а руки у него немного меньше моих. В жизни моей первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья его окажутся карликами перед этим колоссом»¹.

В этих четырёх фразах можно усмотреть интересные наблюдения и даже пророчества. Прежде всего насчёт больших рук, которые, уже взойдя на престол, он в геополитическом смысле протягивал и к Балканам, и к Германии, и к Кавказу, и к Средней Азии, и к Дальнему Востоку.

Именно Николаю I приписывают ставшую хрестоматийной фразу: «Где раз поднят русский флаг, там он опускаться не должен». Правда, сказана она была в 1850 г., в связи с несанкционированным свыше отторжением у китайцев территорий в Приамурье. Российская империя находилась тогда на пике своего военного могущества, совсем недавно была подавлена Венгерская революция, и царь Николай выступил в роли арбитра при разборе внутригерманских конфликтов, заработав от обиженных пруссаков прозвище «жандарма Европы». Современные историки

склонны трактовать фразу насчёт русского флага как своеобразное кредо всего николаевского царствования и свидетельство непомерных имперских амбиций этого монарха. Однако такой подход грешит излишней прямолинейностью. Торжествующий Николай I 1850 года очень сильно отличался от униженного неудачами Николая I образца 1854–1855 годов. Ни на того, ни на другого не был похож Николай I образца 1831-го или 1826 года. И уж никто не мог предсказать ему величественную и трагическую судьбу в период детства и юности.

Начнём с того, что Николай был третьим по счёту внуком Екатерины, после Александра и Константина. Первому из них подобрали имя в честь победителя крестоносцев древнерусского князя Александра Невского, второму — в честь первого византийского императора Константина, что само по себе свидетельствовало об уготованной ему роли — возглавить освобождённые от турок греческие и славянские земли, утвердив свой престол в Константинополе — Стамбуле.

В отличие от словно созданного для политических игр Александра, легкомысленный *infante terrible* Константин не проявлял никакого интереса к уготованной ему миссии, но до появления у старшего брата наследника он был следующим в очереди на российский престол². Далее стоял Николай, но поскольку и Александр, и Константин не жаловались на здоровье, его возможность стать царём вплоть до 1820 г. всерьёз не рассматривалась.

Николаю не было и полугода, когда скончалась его бабка, Екатерина Великая, и на престол вступил Павел I, чьи политические начинания во многих случаях мотивировались одним стремлением — делать всё не так, как было при матери. В 1798 г. у Павла I и его супруги родился ещё один сын — Михаил, ставший для Николая, пожалуй, самым доверенным другом и наперсником.

Судьба распорядилась так, что все четыре внука Екатерины Великой оставили заметный след в истории Польши. Александр I стал для неё скорее благодетелем, создав Царство Польское и подав надежду на возрождение независимой Речи Посполитой. Константин не осознанно, а исключительно в силу своей натуры, делал всё, чтобы скомпрометировать начинания брата, продемонстрировав

категорическую неспособность понять специфику и традиции польского государственного устройства и доведя дело до Ноябрьского восстания. Николай I это восстание подавил. Михаил же лишь силуэтом промелькнул на горизонте польской истории в качестве одного из участников боевых действий в кампанию 1831 г.

Будущего, разумеется, никто не предвидел. Из Николая с детства готовили командира, пригодного больше не для войны, а для парадов, и будущего главу инженерного ведомства. Во всяком случае, в дальнейшем он не раз демонстрировал хорошие инженерные знания и всегда с большим интересом относился к техническим проектам.

Важным событием, наглядно проиллюстрировавшим высказанную (впрочем, намного позже) маркизом А. де Кюстином мысль, что «правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой»³, стало убийство императора Павла I. Сам став царём, Николай I сделал всё, чтобы его не постигла судьба родителя.

Когда Великая армия Наполеона вторглась в Россию, Николаю было всего 16 лет, он рвался на войну, однако получил от императрицы-матери Марии Фёдоровны решительный отказ и появился в войсках только в 1814 г., когда они уже приближались к Парижу.

В 1816 г. для завершения своего образования он предпринял путешествие по России, а затем побывал в Англии, где проявил большой интерес к промышленным и экономическим достижениям, но полностью проигнорировал всё полезное, что можно было бы позаимствовать из государственного устройства.

В 21 год он женился на принцессе Шарлотте Прусской, дочери короля Пруссии Фридриха Вильгельма III, получившей (после обязательного в случае бракосочетания членов дома Романовых) перехода в православие новое имя — Александра Фёдоровна.

Брак, несмотря на вероятные (хотя документально всерьёз не подтверждённые) любовные увлечения Николая Павловича, оказался вполне счастливым: у супругов было семеро детей — три девочки и четыре мальчика. Старший из сыновей впоследствии станет российским императором Александром II, следующий по очерёдности — Константин — в 1862–1863 гг. будет наместником Царства Польского, где, несмотря на свой либерализм и

способности, подобно своему дяде-тёзке, также продемонстрирует абсолютное неумение выстраивать отношения с поляками.

Николай I, как считают многие в России, такие отношения «выстроить» сумел, хотя тезис этот, разумеется, нуждается в серьёзной корректировке.

Подобно многим консервативным и либеральным представителям русской общественности, он без всякого энтузиазма воспринял польские проекты Александра I, но никак не критиковал их, да и вообще вплоть до восшествия на престол публично не высказывал каких-либо мнений по польскому вопросу.

В известной степени, можно сказать, что именно поляки или, точнее, прекрасная полячка открыла ему дорогу к престолу. Брак Константина Павловича с Иоанной Грудзинской нарушал сразу два правила, ранее неукоснительно соблюдавшиеся в Доме Романовых. Во-первых, наследник российского престола женился на особе низшего звания, а во-вторых, — на католичке, отказавшейся перейти в православие.

Их бракосочетание состоялось 12 (24) мая 1820 г. в Королевском замке Варшавы, сначала в православной, а затем в католической часовнях. При церемонии присутствовало всего четыре свидетеля. На обратном пути Константин Павлович лично правил одноколкой, в которой сидела новобрачная.

Однако варшавяне каким-то образом узнали о свадьбе, и толпы горожан заполнили улицы, приветствуя молодожёнов. Полячки всегда были известны не только своей красотой, но и патриотизмом, и теперь варшавяне надеялись, что Иоанна сумеет позаботиться об их несчастной Родине.

В России информацию о свадьбе тоже постарались засекретить, поскольку такой брак мог вызвать разве что мрачную ассоциацию с Мариной Мнишек. Впрочем, обнаружив, насколько решительно настроен Константин Павлович, императрица-мать и брат император дали на эту женитьбу своё согласие при условии отказа цесаревича от права наследования престола в пользу следующего по старшинству брата, Николая.

Формально новое положение братьев было зафиксировано 16 августа 1823 г. в подписанном Александром I манифесте, который,

однако, не был обнародован. Несколько его экземпляров были запечатаны в пакеты с надписью: «Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия»⁴.

Если Константин, по-видимому, без особых сожалений принёс подобную жертву, то Николая случившееся откровенно угнетало. Всё воспитание и обстановка, с детства окружавшая представителей Дома Романовых, выстраивались таким образом, чтобы престол и корона ассоциировались у них не столько с безграничной властью, сколько с ответственностью за судьбу государства. Жизнелюбивого, избалованного Константина такая ответственность откровенно пугала. Николай же внутренне, вероятно, не слишком высоко оценивал свои способности и тоже не испытывал особых восторгов от случившегося.

В какой-то степени и Константин, и Николай просто боялись повторить судьбу Павла I. И, как вскоре выяснилось, не без оснований.

19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Таганроге умер император Александр I. Хотя манифест был оглашён в Государственном совете, новый наследник престола Николай захотел, чтобы Константин Павлович вторично и уже на всю страну отказался от прав на корону, указав на то, что «отречение великого князя не есть отречение императора». До получения из Варшавы соответствующих известий сам Николай, армия и чиновники принесли Константину Павловичу присягу как своему законному императору. После того как Константин повторно отрёкся от престола, пришлось заново присягать Николаю. Естественно, подобная ситуация породила некоторую неразбериху, которой умело воспользовались декабристы. Под предлогом отстаивания прав Константина они смогли поднять мятеж в нескольких воинских частях петербургского гарнизона. Восставшие солдаты шли на Сенатскую площадь с возгласами «За Константина! За конституцию!», причём многие из них (если не большинство) искренне считали Константина и конституцию супругами.

События 14 декабря 1825 г., естественно, произвели на Николая I тягостное впечатление, тем более что, как выяснило

следствие, в планы наиболее решительно настроенных декабристов входило не только физическое устранение самого императора, но и всего Дома Романовых.

Брату в Варшаву новый монарх писал: «Дорогой мой Константин! Ваша воля исполнена: я — император, но какую ценою, Боже мой! Ценою крови моих подданных!»⁵ Другой показательный фрагмент содержится в письме послу Франции графу Ле Ферронэ: «Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым со снисходительностью. Но пусть же те, которые судят меня, примут во внимание, каким необычайным способом я вознёсся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который я занимаю в настоящее время, и при каких обстоятельствах. И тогда придётся сознаться, что, если бы не явное покровительство Божественного Провидения, — мне было бы не только невозможно поступать надлежащим образом, но даже справляться с тем, что требует от меня заурядный круг моих настоящих обязанностей...»⁶

Конечно, много в этих письмах позёрства, однако обострённое чувство ответственности, подкрепляемое верой в Божественную волю, вознёсшую его на вершину власти, были у Николая I вполне искренними.

Даже такой не относящийся к его поклонникам деятель, как Отто фон Бисмарк, писал в своих мемуарах: «По природе он был идеалистом, хотя изолированность русского самодержавия и придала ему чёрствость, и надо лишь удивляться, как при всех испытанных им впечатлениях, начиная с декабристов, он сумел пронести через всю жизнь свойственный ему идеалистический порыв»⁷.

Свои царские обязанности он воспринимал и как служение, и как службу. Служение, поскольку главную свою цель видел в укреплении величия Святой Руси; службу — поскольку к исполнению монарших обязанностей он подходил как военный или как директор крупной корпорации.

Рабочий день его начинался в 7 утра и продолжался по 16–18 часов. Он не чуждался удовольствий, но никогда не окружал себя роскошью. Предпочитал одеваться в простую офицерскую шинель, спал на жёсткой кровати.

Херсонский архиепископ Иннокентий (Борисов) говорил, что это был «такой венценосец, для которого царский трон служил не возглавием к покою, а побуждением к непрестанному труду»⁸.

Более критичен отзыв фрейлины А.Ф. Тютчевой, писавшей уже после смерти царя, что он «проводил за работой 18 часов в сутки... трудился до поздней ночи, вставал на заре... ничем не жертвовал ради удовольствия и всем ради долга и принимал на себя больше труда и забот, чем последний подёнщик из его подданных...». Казалось бы, гимн императору, но далее описывается и оборотная сторона медали: «Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии всё видеть своими глазами, всё слышать своими ушами, всё регламентировать по своему разумению, всё преобразовывать своею волею. Но каков же был итог подобного увлечения верховного правителя мелочами? В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти гряду колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели ни права на них указывать, ни возможности с ними бороться»⁹.

В другом месте Тютчева пишет: «Глубоко искренний в своих убеждениях, часто героический и великий в своей преданности тому делу, в котором он видел миссию, возложенную на него провидением, можно сказать, что Николай I был донкихотом самодержавия, донкихотом страшным и зловредным, потому что обладал всемогуществом, позволившим ему подчинять всё своей фанатической и устарелой теории и попираť ногами самые законные стремления и права своего века. Вот почему этот человек, соединявший с душою великодушной и рыцарской характер редкого благородства и честности, сердце горячее и нежное и ум возвышенный и просвещённый, хотя и лишённый широты, вот почему этот человек мог быть для России в течение своего 30-летнего царствования тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни»¹⁰.

Подобные критичные отзывы были характерны для поколения, жившего в конце царствования Николая I и начале царствования Александра II, когда самодержавные «заморозки» сменились

либеральной «оттепелью» (никак, впрочем, не отразившейся на положении Царства Польского).

Сходный взгляд утвердился и в российской исторической науке. Достаточно привести мнение такого авторитетного ученого, как С.М. Соловьёв, писавшего, что «по воцарению Николая... военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять, и способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде... опытность в делах — на это не обращалось никакого внимания. Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарились невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки»¹¹.

С ним солидарен и другой не менее именитый историк, В.О. Ключевский: «Николай поставил себе задачей ничего не переменивать, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости помощью практического законодательства и всё это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; но он не снял с очереди тех жгучих вопросов, которые были поставлены в прежнее царствование, и, кажется, понимал их жгучесть ещё сильнее, чем его предшественник»¹².

Но одно дело оценивать Николая I задним числом, и совсем другое — попытаться понять современников, певших дифирамбы своему монарху.

Вот, например:

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами...*

Написал эти строки А.С. Пушкин, чьи друзья-декабристы отправившись на Кавказ (воевать с горцами), в Сибирь (на каторгу), а пятеро — прямо на виселицу.

Но Пушкин в своих стихах вряд ли лицемерил. Он искренне оплакивал казнённых декабристов (по которым в восставшей Варшаве служили панихида), но их казнь не воспринималась как чрезмерная жестокость власти, поскольку примерно в это же время в считавшихся гораздо более либеральными странах политические конфликты заканчивались и гораздо более масштабными кровопролитиями.

В первые годы царствования Николая I современникам импортировали решительный, энергичный стиль его управления; его ум и готовность вникать в самые незначительные, казалось бы, детали; его стремление привести в порядок бюрократическую машину и демонстрируемая готовность выслушивать самые разные (в том числе и достаточно критичные) мнения о существующих недостатках. Правда, в последнем случае обычно указывалась, что критика должна исходить от верного сына или друга России. Относительно же того, кто сын и друг, а кто враг, окончательное решение выносил именно император.

Например, с одними декабристами он во время следствия подолгу разговаривал о возможностях постепенного реформирования государственной системы, на других же просто кричал, обвиняя их в измене. Он мог снисходительно покровительствовать Пушкину, чья глумливая поэма «Гавриилиада» до глубины души травмирует любого верующего, и при этом объявлять «сумасшедшим» и ненавистником России (со всеми репрессивными последствиями) участвовавшего в наполеоновских войнах философа П.Я. Чаадаева. Наконец, он демонстрировал достаточную широту взглядов, восхищаясь сатирической комедией «Ревизор» Н.В. Гоголя, в которой практически отсутствовали положительные персонажи и при этом все они принадлежали к чиновничьему миру, но одновременно мог усмотреть «крамолу» и «подрыв устоев» во вполне невинных, с идеологической точки зрения, литературных произведениях.

В общем, сложной личностью был Николай I, хотя среди фигур исторических простых личностей, как правило, не бывает. Но есть всё же факты, которые в отношении этого императора можно констатировать с достаточно высокой долей уверенности.

России Николай I служил искренне и самозабвенно, хотя бы потому, что хотел остаться в её истории положительной фигурой. Служил в меру собственного понимания того, что хорошо и что плохо. Наряду с консервацией существующей системы сделал много прогрессивного — прежде всего в хозяйстве и экономике. Не рискнув отменить крепостное право, фактически освободил государственных крестьян, с удовольствием ликвидировал наиболее вопиющие пережитки феодализма и разного рода законодательными мерами добился того, чтобы количество крепостных частновладельческих крестьян постепенно сокращалось.

Очевидно, что он не был абсолютным реакционером, в штыки воспринимающим любую революцию. Во всяком случае, данное замечание верно по отношению к началу его царствования, когда, резко изменив проводимую братом политику, он решил поддерживать греков, хотя те выступали против своего «законного монарха» — турецкого султана Махмуда II. Перспектива закрепить на Балканах оказалась сильнее монархической солидарности. В результате грянула Русско-турецкая война 1828–1829 гг., хотя и не закончившаяся для России приобретением Константинополя, но обеспечившая ряд выгодных соглашений.

Именно во время этой войны взошла звезда Ивана Ивановича Дибича (1783–1831), получившего за свой переход через Балканы титул графа Забалканского и претендовавшего на роль полководца № 1 Российской империи.

Вопреки высказанному Николаем I пожеланию, Константин Павлович настоял, чтобы армия Царства Польского в этой войне не участвовала. Царь не мог противоречить брату, фактически подарившему ему престол, и только в качестве укора прислал в Варшаву шесть взятых в Варне турецких пушек, которые предполагалось установить на постаменте памятнику Владиславу II, погибшему в битве с турками под той же Варной в 1444 г.

И уже независимо от пожеланий Константина Николай I не был настроен что-либо менять в устройстве или статусе Царства Польского. Конечно, он не был настроен восстанавливать Речь Посполитую в её прежних границах, но и не собирался ликвидировать польские сейм, армию, конституцию.

Об этом он неоднократно говорил во время своей коронации в качестве короля Польского, состоявшейся в Варшаве 12 мая 1829 г. А вот показательный фрагмент из записок начальника царской политической полиции и одного из наиболее близких к нему людей — Александра Христофоровича Бенкендорфа, касающийся следующей поездки Николая I в Варшаву в мае–июне 1830 г. на открытие сейма.

«Здесь повторился весь образ жизни прошедшего года. Вообще в Царстве ничего не изменилось, кроме разве того, что были ещё недовольнее самовластием Цесаревича. Всякая надежда поляков на перемену к лучшему исчезла, даже многие из русских, окружавших Цесаревича, приходили доверять мне свои жалобы и общий ропот. Я держался настороже против этих откровений; но они были так единодушны и так искренни, что невольно пробудили во мне чувство сострадания к полякам, а ещё более к трудному и жестокому положению Государя. Цесаревич в личном обращении своём с ним всегда представлялся почтительным и покорным подданным; но в сношениях с министрами и даже в разговорах с своими приближенными он нисколько не таил постоянной оппозиции. Малейшее противоречие его досадовало, даже похвалы Государя кому-либо из местных чиновников, военных или гражданских, тотчас возбуждали горькие пересуды, нередко и неудовольствие его брата против этих самых чиновников, награждённых по собственному его представлению. Можно было тогда же предугадать близость реакции и бунта, если бы жалобы скрывались в тайне; но они высказывались совершенно явно. На Государя все смотрели как на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояние края служило важным перевесом тем неприятностям и унижениям, от которых терпели отдельные личности, а не нация. В этом отношении даже самые раздраженные из числа недовольных отдавали справедливость правительству. Прибытие Государя, Императрицы, множества иностранцев и нунциев утишили ропот, по крайней мере по внешности, и Варшава приняла блестящий и очень оживлённый вид. Балы и праздники следовали один за другим, со всею роскошью и со всем весельем богатой столицы. Через неделю после своего прибытия Государь велел открыть сейм с строгим

соблюдением всех форм, определённых конституцией. Цесаревич, заседаая в камере нунциев в качестве депутата от Пражского предместья, привёз с собой туда и меня посмотреть на эту “нелепую шутку”, как он громко называл сейм, к крайнему неудовольствию поляков. Князь Адам Чарторьжский, депутат от сената, произнёс довольно длинную речь, которая в сущности была похвальным словом Императору Александру как восстановителю Польши и виновнику её благоденствия. Себя самого он называл лестным именем “друга” покойного монарха, о котором в следующем году не устыдился сказать перед тем же собранием, что обманывал его всю свою жизнь... Государь признал за благо явить новое доказательство своей добросовестности, отстранив даже и тень какого-нибудь влияния с его стороны на работы сейма....

Не совсем довольный собой и ещё менее довольный своим старшим братом, он чувствовал неловкость положения русского монарха в Царстве Польском; чувствовал всё зло либеральной и преждевременной организации этого края, которую охранять присягнул сам; понимая всю тяжёлость характера Цесаревича, считал, однако же, присутствие его в Польше необходимым, в виде перевеса притязаниям польской аристократии; наконец, всю свою надежду полагал единственно на будущее и как бы страшился дать себе полный отчёт в настоящем положении этой важной части его огромной державы. Впрочем, ничто не указывало на вероятность близкого взрыва, и, напротив, видимое материальное благосостояние казалось надёжнейшим оплотом общественного спокойствия. Время могло устранить всё неприятное в личном положении Государя, и, говоря вообще, он остался не совсем недоволен своею поездкою и подвластною ему нациею, всем обязанною русским царям»¹³.

В плане внешнеполитическом положение Николая I осложнялось тем, что к моменту его вступления на престол некогда созданный Александром I и Меттернихом Священный союз уже прекратил своё существование. Возродить его на идеалистическом фундаменте, исключительно как монархический «интернационал» и инструмент для борьбы с мировой революцией, по мнению нового императора, смысла не было. После ликвидации декабристского

выступления можно было с достаточной уверенностью утверждать, что новая радикальная оппозиция сформируется в России ещё очень не скоро. Зато Россия, связав себя на этот счёт международными обязательствами, вполне могла быть втянута в войну, абсолютно ей ненужную в плане геополитическом.

Создавать Священный союз в новой редакции имело смысл только в том случае, если его можно было использовать для расширения российских сфер влияния в таких стратегически важных регионах, как Балканы или Северная Европа. И здесь сразу же возникал вопрос: кто может быть партнёром царя по такому альянсу?

В 1826–1828 гг. в связи с событиями греческого восстания обозначилось определённое сближение Петербурга с Парижем и Лондоном, апогеем которого стал совместный разгром турецко-египетского флота английской, французской и русской эскадрами при Наварине (1827 г.). Однако Адрианопольский мир (1829 г.), укрепив позиции России на Балканах, вызвал ревниво-болезненную реакцию англичан и французов. В этой ситуации взоры царя обратились в привычную ему сторону — к Австрии и Пруссии.

Меттерних, тоже загнавший Австрию в положение, близкое к дипломатической изоляции, был заинтересован в подобном сближении, но при жизни Александра I он считал его невозможным. Известие о смерти своего давнего партнёра и соперника австрийский канцлер воспринял как хорошую новость. 16 (28) декабря 1825 г. он оптимистично писал барону Отенфельсу: «Новая эра начинается, ум мой перенёсся в неё и живёт в ней». Также Меттерних писал, что Константин будет дружествен Австрии и является последовательным консерватором по своим убеждениям: «Я очень ошибаюсь, или история России начнётся там, где ныне кончился роман»¹⁴.

Ничего подобного: роман только начинался. Константин, о котором Меттерних отзывался с большой симпатией, вероятно предвкушая, с какой лёгкостью он будет им манипулировать, отрёкся от престола, а Николай был австрийскому канцлеру практически не известен. Однако после получения известий о восстании декабристов канцлер его зауважал и даже, кажется, почувствовал в нём родственную душу.

Сближение было предопределено, тем более что к Меттерниху тянулся и формальный руководитель российской внешней политики К.В. Нессельроде. Летом 1830 г. он лечился на водах в Карлсбаде, где его с неофициальным визитом навещил австрийский коллега, отдохнувший в своём замке Кенигсварт. Встреча двух канцлеров состоялась 15 (27) июня, а через несколько дней пришло известие о революции во Франции. Таким образом, вторая редакция Священного союза стала насущной необходимостью.

Играла свою роль и идеологическая близость двух империй — Романовых и Габсбургов. Рассуждая о причинах, по которым неоднократно обманутый австрийцами Николай всё же оставался верен идее этого союза, С.С. Татищев писал:

«Личные связи, завязанные императором Николаем с австрийскими государями, при частых свиданиях с ними, были причиной необыкновенной его снисходительности к неисправимой подозрительности и зависти, искони питаемым венским двором по отношению к русским силе и могуществу. Не переставая действовать в таком смысле, князь Меттерних и преемники его в заведывании внешними сношениями Габсбургской монархии, тщательно старались прикрывать неблагоприятность своих действий личиною глубочайшего уважения и беспредельной преданности к особе императора Николая, указанием на угодную ему охранительную систему, которой они придерживались в своей внутренней политике, наконец, выражением убеждения, до известной степени искреннего, что только тесный союз трёх могущественных монархов в состоянии воздвигнуть неодолимую преграду успехам международной революции.

Независимо от этих соображений, государю приходился по сердцу самый склад австрийского двора, внутренний и внешний, преобладание в нём военно-аристократического элемента, традиционное монархическое величие в соединении с простотою ежедневного обихода и с патриархальным добродушием в отношениях к подданным монарха и всех членов его дома. При австрийском дворе не было примеси либерально-гражданских элементов, которые получили доступ ко двору прусскому, в особенности со времён воцарения Фридриха-Вильгельма IV, бывшего в душе гораздо больше учёным и художником, чем вождём воинственного государства.

Этим объясняется, что, несмотря на отсутствие прямых родственников между русским и австрийским императорскими домами, — связей, возобновлению которых препятствовала католическая нетерпимость габсбургско-лотарингской династии, взаимные их отношения не только не уступали в дружественности и задушевности тем, которые соединяли императора Николая с его прусскими сродниками, но несравненно более отражались на существовании политических дел»¹⁵.

Правда, в 1830 г. этот новый Священный тройственный союз между ожесточённо соперничающими друг с другом Россией и Австрией и далеко отошедшей от них в плане идеологическом Пруссией только зарождался. И скреплению его, как и раньше, способствовала общая заинтересованность в сохранении польской добычи.

Между тем благополучие Царства Польского, по крайней мере благополучие политическое, рухнуло. Ещё раз предоставим слово Бенкендорфу: «В Брюсселе, как и в Париже, победа осталась на стороне революции; там, как и тут, законность должна была преклониться перед беспорядком и монархия перед демократическими идеями. Умы разгорячились, и легкость успеха в этих двух странах не могла не одобрить и не внушить новой отваги людям злонамеренным. Обезьянство французским доктринам, увлекшее слабые польские головы в первую революцию и приведшее Польшу к первому её разделу, и теперь в том же духе и послужило сигналом к восстанию»¹⁶.

Именно во время восстания на авансцену польской истории вышел ещё один персонаж, который будет играть в разработке решения польского вопроса роль, вполне сопоставимую с ролью императора. Если за царём всегда будет формально оставаться решающее слово, то именно этот человек станет преподносить ему польский вопрос в таком виде, который до известной степени будет предопределять и последующее решение. Да и на практике этот человек будет воплощать императорские указания в жизнь в таких формах, которые будут казаться ему более разумными и удобными. Речь идёт об Иване Фёдоровиче Паскевиче (1782–1856).

Для характеристики данного персонажа приведём два, в значительной степени оппозиционных друг другу мнения. Первое

принадлежит историку середины XIX века Фридриху Смиуту и рисует Паскевича образца 1831 года, когда за его спиной были уже две выигранные на Кавказе войны, он имел высшее воинское звание фельдмаршала, уже получил титул графа Эриванского, но ещё не стал князем Варшавским:

«В самом деле, личность Паскевича выходила из ряда обыкновенных. С особой предусмотрительностью рассчитывая и взвешивая каждый свой шаг, он во всех своих действиях выказывал соединение решимости, осмотрительности и энергии, достойное удивления; смотря по обстоятельствам, то одно, то другое из этих качеств обнаруживало в нём преобладающее влияние. Он не ранее предпринимал что-либо, как обеспечив себе предварительно все средства для успеха, и затем уже выполнял задуманный план с полной решимостью. Постоянно держа перед глазами свою цель, он твёрдыми шагами шёл к ней, не позволяя неприятелю никакими мерами отклонить себя от прямого пути к её достижению; верно различая существенное от менее важного, он умел в случае нужды пожертвовать второстепенным успехом для того, чтобы с тем большей настойчивостью и силою преследовать свою главную цель. И для достижения этой цели он не всегда употреблял одну только силу, но действовал также посредством умения воспользоваться обстоятельствами и посредством искусного обращения с людьми; с первого раза верно оценив качества человека, он умел, смотря по надобности, подействовать на него угрозой или поощрением, силою или убеждением. Впрочем, вести переговоры он обычно предоставлял искусным подчинённым; для себя же оставлял роль льва. Строгий с подчинёнными, он умел в то же время внушать старшим уважение к себе и тем обеспечивал полное выполнение своих приказаний. Солдаты любили Паскевича, потому что он сам искал их любви, заботился об их нуждах и о хорошем продовольствии и постоянно водил их к победе: поэтому под его начальством они считали себя непобедимыми и не раз доказывали это... Уже азиатские походы Паскевича доказывали его способность сливать в одно целое самые разнородные элементы, из которых состояла армия... так что народы юга и севера, магометане и христиане, под его предводительством сражались с равной храбростью и равным усердием... Граф

Паскевич в то время (1831) был в лучшей поре своей жизни, среднего роста и благородной наружности. Из-под пышных, роскошных кудрей, в художественном беспорядке окаймлявших его лицо, сверкали большие голубые глаза. Выражение его наружности было спокойно и положительно, даже несколько строго... но, когда хотел, он мог быть любезным, и в таком случае даже человек предубеждённый не легко мог противостоять ему... В походах своих против персов и турок он неоднократно доказал это, обращая злейших врагов своих в своих слепых приверженцев — это весьма естественно: тот кого боятся, всегда, если захочет, может приобрести любовь, потому что, известно, тогда благодарность сковывает людей, встретивших в нём вместо ожидаемой суровости кротость и ласку. Паскевич умел соединять эту любезность со строгостью и действовать посредством их, в особенности на женщин и на людей, непосредственно от него не зависевших, или таких, которых мнение он хотел привлечь на свою сторону»¹⁷.

А вот другой портрет, набросанный академиком Е.В. Тарле:

«Паскевич занимал в окружении Николая совсем особое положение. После смерти великого князя Михаила Павловича Паскевич остался единственным человеком, которому Николай вполне доверял... И друзья, и враги Паскевича единодушно признавали в нём, очень неглупом, незлом человеке, одно главенствующее свойство, совершенно подавившее с течением времени все другие его душевные качества и стремления: огромное, поистине безмерное самолюбие. Николай его взял, именно играя на этой струне. Николай твёрдо знал, что Паскевич не вор и не предатель, и считал это редкостью. Он сделал Паскевича и графом, и князем, и фельдмаршалом, и наместником в Польше, и кавалером всех русских орденов, подарил ему миллион деньгами, а потом ещё огромное имение, побольше чем в миллион ценной. Чтобы угодить царю, австрийский император сделал Паскевича фельдмаршалом австрийской армии. Фридрих-Вильгельм сделал его фельдмаршалом прусской армии, и когда уже не оставалось ничего, чем можно было бы возвеличить Ивана Фёдоровича, Николай специальным приказом по армии повелел воздавать

Паскевичу точно такие же, без всяких изменений, почести при появлении фельдмаршала перед армейскими частями по какому бы то ни было случаю, какие воздаются самому царю... Заняв первое после царя положение в государстве, Паскевич всё менее и менее расположен был вызывать неудовольствие своего повелителя, осыпавшего его такими совсем неслыханными милостями и в постоянных своих письмах к нему выражавшего и любовь, и почтение, и беспредельное доверие. Паскевич держал себя, не утрачивая человеческого достоинства, не льстил так безбожно, как было принято, не подыгрывался... Но он усугубил с годами свою всегдашнюю карьеристскую осторожность, одобрял там, где явно ему хотелось бы промолчать, молчал там, где безусловно хотелось бы возражать. Он не решался даже на такую откровенность с царем, на которую изредка отваживался старик Илларион Васильчиков, или Павел Дмитриевич Киселев, или Мордвинов, хотя никто из них никогда не обладал и сотой долей того влияния, какое мог бы оказать, но не оказывал Паскевич. Была только одна проблема, по которой Паскевич стал высказываться в последние годы царствования Николая более или менее внятно, всё менее и менее считаясь с тем, как посмотрит император на его противоречие. Это был всё тот же вопрос о воинственной или мирной дипломатии»¹⁸.

В обоих случаях перед нами портреты одного человека, только взятые с разных ракурсов и рисующие его в разное время: в первом случае — в зените, а во втором — на закате карьеры.

Между этими двумя Паскевичами есть и Паскевич третий, оцениваемый прежде всего как наместник Царства Польского:

«Это был человек, избалованный счастьем и неслыханным раболепством окружающих, раболепством, которое может быть только на Востоке да в славянских землях, и то, пожалуй, не во всех до единой. Весьма немногим отличался он от какого-нибудь восточного шаха. Но это был шах очень умный, знавший хорошо, кого можно пожуричь без всякой церемонии, на кого бросить только строгий взгляд, кого оставить без всякого замечания или даже “погладить по головке”, отчего иной славянин готов расплакаться. Из его канцелярии

не выходило ни одной бестолковой бумаги. Личные его заметки на полях, не щеголяя особенно изящным языком и грамматикой, были всё-таки полны смысла, и всегда без всякого грома и молнии. К грому и молнии в бумагах прибегал он редко. Управление края, изобретённое им, в большей части мер соответствовало минуте и положению дел, а равно и взглядам Петербурга. Шутить было нельзя, но нельзя было также и ломать с плеча всё польское, заменяя его русским: с этой стороны шах встретил бы сильную оппозицию в высших сферах, а он разумел их так тонко, так тонко, как никто. Он знал, до каких пределов простирается защита венценосного покровителя, уравнившего его в некоторых почестях с самим собою, называвшего “отцом-командиром”. Правда, в иные области управления прокрадывались кое-какие несостоятельные свойства всей машины вообще... но всё это восполнялось и исправлялось личностью главного лица. Его глаз заглядывал всюду и если видел что — наступала быстрая, энергичская расправа; против яда принимался вернейший антидотум. Оттого всюду оглядывались поминутно, что бы кто ни делал и что бы кто ни говорил, было ли это в бедной хате земледельца, на пограничном ли кордоне казака, в богатых ли палатах русского или польского магната. Везде оглядывались. Все были уверены, что полицмейстер, пожалуй, не усмотрит и жандарм не подслушает, а как, сохрани Господи, „Сам“?.. Тень Банко, которого всё собирались убить и никак не убивали, вставала пред всеми, на всяких резких, неумеренных пирушках, там, где-нибудь в углу, при всякой неосторожной болтовне. Сейчас выглядывало откуда-то это страшное, широкое боевое чело, в полуседых кудрях, и устремлялись серые глаза, леденившие мгновенно всякую смелую душу»¹⁹.

Четвертьвековое (1831–1856 гг.) наместничество Паскевича составило отдельную эпоху в истории Польши, ассоциирующуюся с железной поступью российских полков, рядами виселиц и бредущими в Сибирь каторжанами. Односторонность подобного взгляда очевидна, но очевидна и его правомерность.

Созданная Паскевичем система управления Царством Польским была скроена по привычным ему самодержавным лекалам с той разницей, что роль самодержца отводилась ему — князю

Варшавскому. И то, насколько успешно будет функционировать эта система, слишком сильно зависело от личности самого наместника.

Так что на формирование российских подходов к решению польского вопроса весьма заметный отпечаток накладывала специфика личностей самого Николая I и его «отца-командира». Их отношения не были просто отношениями начальника и подчинённого, самодержавного властелина и его верного сатрапа. В общем и целом всегда соглашаясь со своим государем, князь Варшавский мягко, но настойчиво пытался корректировать его линию, во многих случаях (хотя далеко не всегда) добиваясь и успеха. Одним из примеров такого их взаимодействия как раз и стали зафиксированные в письмах дискуссии по судьбе как Царства Польского, так и Вольного города Кракова в частности. Краковская тематика занимает в этом эпистолярном наследии особое место, поскольку Вольный город оставался единственным островком независимой польской государственности, самим фактом своего существования внушая тревогу по поводу перспектив стабильности в недавно охваченных восстанием польских землях.

Главная сложность лично для Николая I заключалась в том, что краковский вопрос (опять-таки, как и польский вопрос в целом) достался ему по наследству от брата Александра I, а следовательно, при его решении требовалось хотя бы формально соблюсти некую преемственность подходов.

Рассуждая о восстании 1830–1831 гг., Николай I неоднократно подчёркивал, что не собиравшись отбирать у поляков их особые права и только они сами, своими действиями, вынудили его ликвидировать автономию. В какой-то степени он был искренен, что подтверждал и пример другого автономного конституционного образования — Великого княжества Финляндского. Ходит легенда, что в ответ на предложение кого-то из своих консервативных министров лишить финнов их привилегий, царь ответил: «Оставьте их в покое; это единственные мои подданные, которые за всё время моего правления не доставили мне ни малейшего беспокойства».

Однако при всей внешней схожести специфика проблемы автономии в этих случаях имела равные основы. Герцогство Финляндское никогда не было независимым государством, в отличие от

Речи Посполитой, некоторое время являвшейся крупнейшей державой Европы. Так что с неизбежностью действовать приходилось по-разному.

И ещё одно замечание, проливающее дополнительный свет на личность императора. В 1837 г. в беседе с бароном М.А. Корфом он сказал: «Сначала я никак не мог вразумить себя, чтобы можно было хвалить за честность, и меня всегда взрывало, когда ставили это кому-то в заслугу, но после пришлось поневоле свыкнуться с этой мыслью»²⁰.

Поляки были для него людьми нечестными и неблагодарными, людьми, не оценившими милость Александра I, «подарившего» им конституцию, и его самого — Николая I, готового эту конституцию соблюдать. Отсюда и его пресловутая «нелюбовь» к полякам, не проявлявшаяся, впрочем, по отношению к конкретным личностям без каких-либо с их стороны оснований.

Однако политика царя по отношению к Царству Польскому после «нечестного» Ноябрьского восстания действительно изменилась.

В целом, если в первые пять лет николаевского царствования по унаследованной от Александра I традиции доминировал мягкий подход, то после 1831 г. возобладал подход жёсткий, более соответствующий специфике личностей Николая I и Паскевича. И Краковская республика, формально, да и фактически занимавшая во время восстания нейтральную позицию, очень скоро это на себе почувствовала.

ГЛАВА 4

«ГНЕЗДО ВСЕМУ НЫНЕШНЕМУ ЗЛУ...»

При определении стратегии в принципиально новой ситуации, сложившейся после подавления Ноябрьского восстания, и в Петербурге, и в Берлине, и в Вене политики должны были исходить из того, что краковский вопрос, в сущности, является лишь производным от польского вопроса.

Сохранение за Вольным городом его прежнего статуса в обще-европейском контексте должно было рассматриваться как своего рода знак приверженности «держав-попечительниц» прежней политике, хотя бы в теории оставлявшей шанс на восстановление польской государственности. И наоборот, ликвидация Краковской республики могла восприниматься только как свидетельство окончательной готовности России, Австрии и Пруссии поставить крест на идее независимой Польши.

И в Петербурге, и в Вене, и в Берлине склонялись к последнему варианту, хотя во всех трёх случаях необходимость подобного выбора не вызывала особого энтузиазма. И в каждой из этих столиц в отношении к польскому вопросу были свои нюансы.

5 (17) июня 1831 г., в самый разгар восстания, министр иностранных дел России К.В. Нессельроде направил заступившему днём раньше на должность главнокомандующего действующей против польских повстанцев армии фельдмаршалу Ивану Фёдоровичу Паскевичу обзорную записку, в которой описывалось отношение к польскому вопросу различных политических сил великих держав¹.

Так в первый раз польский вопрос в форме официального аналитического обзора оказался преподнесён человеку, которому будет суждено не только подавить восстание, но и на протяжении последующих 25 лет управлять Царством Польским.

Разумеется, Паскевич и раньше интересовался польскими делами, однако до 1831 г. интерес этот носил отвлечённый характер и не имел отношения к его служебным обязанностям.

В 1818 г., сопровождая в качестве ментора великого князя Михаила Павловича во время его вояжа за границу, Паскевич побывал на параде восстановленного Войска Польского.

Наблюдая за маршем своих недавних противников, Паскевич поинтересовался у своего бывшего начальника А.И. Остермана-Толстого: «Что из этого будет?». — «А вот что будет; что ты через 10 лет со своею дивизией будешь их штурмом брать». «Он ошибся на три года, — отметил Паскевич в своих записках, — и я брал у них Варшаву как главнокомандующий».

Из польских впечатлений Иван Фёдорович также запомнил посещение Модлина, где он выступил перед императором как экскурсовод, разумеется, в нелицеприятном для поляков смысле помянув и о своих действиях в качестве командующего осаждавшими крепость в 1813 г. войсками, «после чего Константин Павлович и глядеть на меня не хотел, отворачивался и перестал кланяться».

Понятно, что известие о Ноябрьском восстании он воспринял так же, как и почти всё российское общество, — то есть крайне негативно. Но одно дело — его частное мнение, и совсем другое — его мнение как лица официального.

Официально свою позицию по вопросу послевоенного устройства Польши Иван Фёдорович сформулировал 4 (16) июня 1831 г., то есть как раз в день своего назначения главнокомандующим действующей армии, и по своей категоричности она полностью совпала с позицией Николая I: «Интересы России не допускают ни восстановления Царства Польского в том виде, как оно было создано в 1815 году, ни сохранения его конституции. Дело заключается не только в том, чтобы лишить Польшу фактической возможности вредить России, но требуется ещё сообразить, какое вознаграждение

можно получить с неё за тяжкие жертвы и какие выгоды может извлечь Россия из владения Польшей»².

В дальнейшем, получив титул князя Варшавского и последовательно проводя имперскую политику во вверенном ему крае, Паскевич начнёт различать определённые нюансы в польском вопросе, однако по отношению к Краковской республике позиция его будет твёрдой и неизменной, и заключалась она в том, что подобное государственное образование должно быть уничтожено.

Эту точку зрения он последовательно отстаивал в письмах императору, проводя её с настойчивостью Катона Старшего, заканчивавшего каждую свою речь в римском сенате фразой о том, что «Карфаген должен быть разрушен».

Позиция Николая I поначалу не была столь однозначной. Из упоминавшейся выше записки К.В. Нессельроде следует, что в феврале 1831 г. император внешне позитивно воспринимал высказанное прусским королем Фридрихом Вильгельмом III пожелание, чтобы после подавления восстания «Россия дала Польше такие же права, которыми пользуются Богемия и Венгрия под скипетром австрийского императорского дома»³.

Даже в июне 1831 г., когда антипольские настроения в Санкт-Петербурге фактически достигли своего пика, а возможность компромисса стала практически нереальной, Николай I продолжал демонстрировать свой либеральный подход к польскому вопросу. Переданный им через К.В. Нессельроде ответ в изложении прусского посланника Ансильона выглядел хотя и расплывчато, но многообещающе: «Государь Император верный исполнитель трактатов, основавших публичное право (*droit public*) Европы, выразил твёрдое намерение даровать Польше отдельное и национальное управление»⁴.

Что же касается конкретных форм этого «отдельного и национального управления», то «Европа может предоставить ему (Николаю I. — А. С.) с полным доверием решение этого вопроса в твёрдом убеждении, что Его Величество сумеет соединить осторожность с великодушием и с действительными потребностями Царства Польского, спокойствием России и смежных с нею государств»⁵.

Разумеется, столь расплывчатая формулировка давала широкое поле для манёвра, тем более что автономия, предоставленная Царству Польскому в 1815 г., воспринималась в Берлине и Вене как слишком широкая.

Ситуация же с Краковской республикой выглядела гораздо более сложной. Во-первых, «Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и Конституции между дворами российским, австрийским и прусским заключённый» был подписан представителями трёх «держав-попечительниц» — России, Австрии и Пруссии, которые имели равные права в определении судьбы своего детища.

Во-вторых, с формальной точки зрения, принять участие в судьбе Вольного города Кракова могли и другие державы, поставившие свои подписи под заключительным актом Венского конгресса.

Таким образом, если вопросы управления Царством Польским, с точки зрения международных трактатов (приверженность, которым столь пылко декларировал Николай I), могли рассматриваться как внутреннее дело Российской империи, то более локальный, в сущности, вопрос краковский должен был рассматриваться как общеевропейский.

По мнению царского правительства, единственно возможный выход из положения мог заключаться в том, чтобы выработать некую единую с Берлином и Веной позицию. Противостоять такому альянсу не могли бы ни Великобритания, ни Франция, в разрешении краковского вопроса кровно не заинтересованные.

И Николай I, и Паскевич чётко понимали все эти сложности, но рассматривали их с разных позиций.

Николая I беспокоила прежде всего негативная реакция Европы на шаги, призванные изменить существующее международно-правовое положение Кракова. Паскевич же действовал как наместник, крайне заинтересованный в стабилизации положения во вверенном ему крае. Вскоре после своего вступления в должность наместника он писал императору: «Нельзя было лучше придумать, чтобы установить постоянные бунты в польских землях, как учредить почти в центре польских земель безопасный приют для всех эмиссаров и разбойников»⁶.

Его беспокоило глухое антироссийское брожение в Царстве Польском и действия обосновавшихся в Вольном городе эмигрантов. И, возможно, ещё в большей степени беспокоил князя Варшавского Краков как потенциальный очаг возрождения польской государственности (что было вполне логично, учитывая прежний столичный статус этого города).

Однако как человек, прекрасно разбиравшийся в разного рода придворных интригах и знавший, сколь трепетно Николай I относится к любым вторжениям в сферы своей императорской компетенции, Паскевич не спешил навязывать ему собственное видение проблемы.

Показательно, что впервые с момента подавления восстания вопрос, имеющий отношение к Кракову, обсуждался новой русской администрацией — Временным управлением Царства Польского — на заседании 15 (27) января 1832 г.

В протоколе этот вопрос был сформулирован следующим образом: «По представлению члена по части духовных дел и народного просвещения от 15 (27) сего генваря №№ 6335, 1205 об изъявленном краковским епископом желании принести вместе с тамошним кафедральным капитулом и духовенством присягу на верность Государю Императору, по предмету принадлежащих духовенству в Царстве Польском капиталов и получаемого от казны содержания, временное правление отвечало: что как предосудительные поступки во время мятежа краковского епископа обнаружены, и по рапорту члена по части духовных дел оказывается, что помянутый епископ издал во время возмущения три духовные грамоты, исполненные злостных выражений против законной власти, которые сверх того были подписаны некоторыми членами краковской консистории, то удовлетворение желания краковского епископа и капитула зависит единственно от Высочайшей воли»⁷.

Речь в данном случае идёт о финансовой и земельной собственности краковской консистории на территории Царства Польского, а также о возможности получать выплачиваемое царским правительством лояльному католическому духовенству содержание. Правда, назначалось оно только при условии принесения присяги российскому правительству.

Оценивать лояльность краковской консистории Паскевич предоставил императору, поскольку, в сущности, не имел прямой заинтересованности в том или ином решении данного вопроса. Выстраивая взаимоотношения с католической церковью, он всегда действовал предельно осторожно и дипломатично, избегая резких однозначных решений, каковое требовалось в настоящем случае.

Совсем по-иному было рассмотрено другое касающееся Кракова дело, также проходившее по линии комиссии духовных дел и просвещения. Связано оно было с тем, что по причине закрытия в 1831 г. Варшавского университета польская учащаяся молодёжь в больших количествах поступала в университет Краковский, находившийся вне компетенции российских властей и вполне доступный для разного рода эмигрантской пропаганды.

Паскевича это тревожило, и он сумел донести своё беспокойство до императора. Скорее всего, он говорил с Николаем I об университете во время своего посещения Петербурга в начале 1832 г., настояв на решении, которое считал правильным.

Вопрос решался на заседании Временного правления от 11 (23) марта 1832 г. в присутствии председателя (в то время ещё не наместника) Временного правления фельдмаршала Паскевича, а также членов Правления председателей профильных комиссий духовных дел и просвещения (генерал-лейтенант Раутенштраух), юстиции (Коссецкий), внутренних дел и полиции (Свиты Его Императорского Величества генерал-майор граф Строганов), финансов, юстиции и контроля (действительный тайный советник Фурман). Протокол вёл статс-секретарь Тымовский.

Из протокола заседания следует, что

«его светлость г. председатель (т. е. Паскевич. — А. С.) сообщил временному правлению, что государь Император, осведомясь о состоянии дел в г. Кракове, соизволил объявить волю свою, чтобы распоряжение, на основании коего воспрещено было молодым людям из Царства Польского отправляться в краковский университет, было соблюдаемо в своей силе впредь до дальнейшего повеления.

Временное правление полагало: что сия Высочайшая воля удобнее всего могла бы быть приведена в исполнение посредством

российского поверенного в Кракове, который, истребовав от сената вольного г. Кракова список всем молодым людям Царства Польского, обучающимся ныне в краковском университете, вправе будет объявить им о Высочайшей воле, а вместе с тем донести, не встречается ли в особенности каких причин к неотложному оной исполнению. Причём правление сие заключило, что по доставлении оному списка молодым людям, обучающимся в краковском университете, долгом будет правительственной комиссии внутренних дел и полиции оповестить их родителей или родственников, что они обязаны как наискорее вызвать сих учащихся в край»⁸.

Однако не подлежит сомнению, что при личной встрече, говоря о Кракове, император и его «отец-командир» обсуждали не только ситуацию с университетом, но и другие касающиеся Вольного города вопросы; в том числе перспективы, связанные с необходимостью выработать общие для «держав-покровительниц» подходы. Почти наверняка говорилось и о возможности оккупации, что подтверждается пассажем из письма Николая I к Паскевичу от 7 (19) марта 1832 г.:

«Насчёт Кракова я писал решительно в Вену и Берлин, требуя занятия; сие тем нужнее, что из Вены поступило мне приглашение, вместе с Пруссией требовать от короля саксонского высылки целой шайки мятежных поляков из Дрездена, где, как кажется, нежелательный пруссакам пункт [связи] парижской пропаганды с Краковом и Галицией»⁹.

В Варшаве это письмо было получено 15 (27) марта 1832 г., то есть через 4 дня после обсуждения на заседании Временного совета ситуации с университетом, из чего можно сделать вывод: независимость Краковской республики оказалась под серьёзной угрозой.

Однако раньше столь решительные заявления о «занятии», то есть оккупации, Краковской республики из уст императора не звучали, что позволяет задаться вопросами: когда именно Николай I решил взять курс на ликвидацию независимости Вольного города Кракова и сказалось ли здесь влияние князя Варшавского?

В Российском государственном историческом архиве находится недатированный документ, озаглавленный «Мысли генерал-фельдмаршала князя Варшавского», а в соответствующей описи представленный более определённо: «Мысли фельдмаршала о договоре с Австрией и Пруссией на случай возмущения»¹⁰.

Содержание документа интересно тем, что 3 из 11 пунктов посвящены именно Краковской республике.

«1. Весьма полезно было бы заключить договор с Австрийским и Прусским правительствами, чтобы в случае возмущения в одном из трёх Государств, другие подали руку помощи, обязываясь выставить, например, до 20 тысяч войска. Договор сей может быть полезен не потому, чтобы государства действительно имели нужду в сей помощи, но он покажет, что договаривающиеся стороны действуют единодушно и с одной целью.

2. В договоре сем поместить также, чтобы в случае возмущения или измены против одного Государства, другие непременно выдавали преступников, которые войдут в их земли, не поступая же таким образом, как в последнее возмущение в Польше.

3. Как многие из поляков владеют именьями в разных государствах, то где бы ни проживал человек, требующий надзора, везде за ним должен быть равный присмотр и сведения о поведении сего лица сообщаемы от одного государства другому»¹¹.

Как видим, здесь очерчиваются главные пункты, по которым представители трёх держав могли бы сравнительно легко достигнуть консенсуса. Ведь речь шла об угрозах, представлявших примерно одинаковую опасность и для России, и для Австрии, и для Пруссии. Паскевич особо подчёркивает, что, помимо чисто военного и полицейского аспектов сотрудничества, особое значение имеет демонстрация того, что «договаривающиеся стороны действуют единодушно и с одной целью».

Этот момент должен был привлечь внимание всех трёх монархов (Николая I, Франца I и Фридриха Вильгельма III), поскольку общая ситуация в Европе отличалась крайней нестабильностью. Продолжающаяся борьба бельгийцев за выход из состава

Нидерландов и конфликт между Францией и Австрией из-за итальянской Анконы грозили нарушить хрупкое равновесие, и без того дестабилизированное событиями Июльской 1830 г. революции во Франции и польским восстанием.

Строго говоря, после того как польское восстание было уже подавлено, Пруссия и Австрия более чем когда-либо со времён борьбы с Наполеоном были заинтересованы в том, чтобы выступить с Россией единым фронтом против пока ещё далеко не оформившегося альянса Великобритании и Франции. Можно сказать, что, в определённой степени, как и во времена Венского конгресса, великие европейские державы разделились на два блока с той разницей, что переменчивая Австрия теперь больше склонялась именно к России и Пруссии.

Ещё один важный момент заключался в том, что традиционное геополитическое противостояние преподносилось в 1830-х гг. и как противостояние идеологическое. Великобритания и Франция с их конституционными системами выступали в качестве своего рода «оплотов» свободы. России, Пруссии и Австрии, разумеется, ничего не оставалось, как позиционировать себя «оплотами» традиционных монархических ценностей.

Понятно, что в таких условиях английское и французское правительства не могли не использовать польскую карту в пропагандистской войне против своих соперников, но и соперники должны были, зачастую поневоле, объединять свои усилия. Именно кровной заинтересованностью в сохранении стабильности на землях расчленённой Речи Посполитой, а не пресловутой «монархической солидарностью», объясняется трогательное единство Петербурга, Берлина и Вены во время восстания 1830–1831 гг., притом что широкие массы Германии в целом сочувствовали восставшим полякам.

Предлагаемая Паскевичем демонстрация «единодушия» усиливала не только внешнеполитические позиции трёх держав-«попечительниц» Краковской республики, но и являлась своего рода демонстрацией мощи и жизнеспособности идей фактически реанимированного Священного союза, способного стойко противостоять тому, что легитимисты называли «революционной заразой».

В подобном контексте, с точки зрения лидеров польской эмиграции, Вольный город Краков выглядел своего рода передовым форпостом свободного мира, выдвинутым вглубь вражеской территории. И напротив, с точки зрения монархистов, это был авангард того inferнального революционного зла, которое надвигалось на Европу.

Зло это требовалось уничтожить, причём механизм ликвидации неприятельского авангарда Паскевич прописывал в своих «Мыслях...» с присущей ему точностью и солдатской лаконичностью: «4. Краков необходимо тотчас занять войсками трёх держав». А далее говорилось о формальном обосновании подобного шага: «Если сего невозможно сделать просто, из опасности французского и других кабинетов и дабы не нарушать постановлений Венского конгресса, то можно будет произвести у них возмущение и, воспользовавшись сим, тотчас ввести войска»¹².

Пункт 5-й «Мыслей...» гласил: «Консулу нашему и других держав в Кракове необходимо дать самые обстоятельные инструкции, чтобы они наблюдали особенно за тамошними секретными обществами и доносили о них кому должно»¹³. Отсюда можно было сделать вывод, что именно консулам и предстояло подобрать удобный повод для оккупации Кракова.

Пункт же 6-й как раз и подводил черту под вышеизложенным, определяя конечную цель: «При первом удобном случае надобно бы уничтожить Краковскую республику и передать её Австрии»¹⁴; то есть «Карфаген должен быть разрушен».

Любопытно, что никаких аргументов, объясняющих, почему территория Краковской республики должна была перейти именно к Австрии, Паскевич не приводит. Отсюда можно сделать два вероятных вывода: либо соответствующие аргументы он доложил императору устно, при личной встрече, либо эта аргументация и без того была хорошо известна Николаю I, возможно, ещё по документам Венского конгресса.

Николай I приказал русскому послу в Австрии начать с Меттернихом переговоры о Кракове именно на основе тезисов, изложенных в записке Паскевича. Переговоры продвигались не слишком успешно, да и вообще количество требующих решения проблем

между Петербургом, Веной и Берлином постоянно возрастало, что и сподвигло царя совершить дипломатический вояж, облачив его, впрочем, в форму служебной поездки.

В первую очередь его интересовала встреча с австрийским императором Францем I — партнёром, бесспорно, непростым, однако при удачном обороте дел многие вопросы вполне можно было решить с ним, через голову Меттерниха.

Из Петербурга царь собирался морем проследовать до Штеттина (современный Щецин), а затем направиться в Царство Польское, где, как он писал Паскевичу, «я отдамся тебе на руки и согласен на все осторожности, которые ты нужными сочтёшь»¹⁵.

Такая перспектива откровенно напугала князя Варшавского, который как раз в это время был поглощён мероприятиями, связанными с ликвидацией «наездов» Заливского. В своем ответном письме он убеждал царя, что «в теперешнее время, осмеливаюсь сказать, опасно. Страсти возбуждены до чрезмерности, и есть люди, которые отравляют себя, когда их поймают»¹⁶ (последнее замечание касалось предводителя одного из отрядов — Каспера Дзевецкого).

Из уважения к «отцу-командиру» царь решил подкорректировать маршрут и сначала заехал в Шведт, на встречу с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Вообще-то, лучше и правильнее всего было организовать встречу сразу трёх монархов — Николая I, Франца I и Фридриха-Вильгельма III, однако королю Пруссии предстояло руководить заранее запланированными манёврами, отменять или игнорировать которые он не собирался.

Из Шведта, вместе с наследником прусского престола (будущим Фридрихом Вильгельмом IV) и канцлером К.В. Нессельроде, Николай I отправился в Мюнхенгрец, где 20 июля 1833 г. и встретился с Францем I. В письме к Паскевичу Николай I сообщал: «Император австрийский говорил с необыкновенной откровенностью и тебя назначает предводителем армии на случай соединения всех сил союзных»¹⁷.

Вообще-то, несмотря на традиционно прохладные отношения России и Австрии с Францией и на вечную озабоченность польским вопросом, главной темой встречи в Мюнхенгреце стала

ситуация на Ближнем Востоке, а точнее, ситуация в Турции. Турецкий султан Махмуд II потерпел поражение в борьбе с египетским правителем Мухаммедом Али и его сыном Ибрагимом. Султан обратился за помощью к Николаю I, который высадил на берегах Босфора десант, после чего убедил египтян и турок договориться друг с другом миром. Платой за это посредничество стали Ункяр-Искелесийские соглашения, в соответствии с которыми Россия была допущена к контролю над Босфором и Дарданеллами.

Франция и Англия таким соглашением, разумеется, были недовольны, однако в Мюнхенграце Николай I сумел привлечь на свою сторону Франца I, попутно заключив с ним конвенцию по польскому вопросу, к которой позже должна была присоединиться и Пруссия (залогом её согласия было присутствие на встрече двух императоров прусского наследного принца).

С.С. Татищев следующим образом оценивал результаты мюнхенградского свидания: «В продолжение девяти дней, проведённых императором Николаем в этом городе, завязалась между ним и престарелым австрийским монархом тесная личная дружба, имевшая решающие последствия на наши дальнейшие политические отношения к венскому двору. Император Франц и его канцлер успели внушить государю полное доверие к искренности тех чувств, которые они ему выражали. Чувства эти были желание идти с ним рука об руку во всех вопросах политики, внутренней и внешней. Оба верно поняли отличительную черту его характера: рыцарское великодушие, и, играя на этой струне, добились важных результатов, которых не могли добиться прежде ни хитростью, ни угрозой. В главных советниках государя по внешним делам, графах Нессельроде и Орлове, они нашли усердных союзников, ревностных сторонников австро-русского соглашения. Успех Меттерниха был полный и может сравниться с тем, который был одержан им за 13 лет до того на Троппауском конгрессе, когда ему удалось пересилить влияние Каподистрии в советах императора Александра I»¹⁸.

Русско-польская конвенция по польскому вопросу предельно упрощала процедуру пропуска войск союзников для преследования повстанческих отрядов, регулировала правила взаимной выдачи участников польского революционного движения и

предусматривала процедуру оккупации Кракова австрийцами в случае начала в городе волнений, предусматривая, при необходимости, и оккупацию Кракова. Оценивая этот документ, С.С. Таищев приходит к выводу: «Конвенция по польским делам была единственной уступкой, сделанной венским двором требованиям нашего. Существенную важность представляло в ней лишь условие о взаимной выдаче государственных преступников, но и то только из уроженцев польских областей. Меттерних нехотя согласился на него, ибо всего за год до мюнхенгрецкого свидания он доказывал нам, что такая выдача “противна обычаю, усвоенному великими державами и почти получившему силу закона в международном плане”»¹⁹.

Из Мюнхенгреца Николай I отправился в Калиш, где встретился с Паскевичем. Вместе миновав Варшаву (что было знаком царской немилости, который поляки, впрочем, вряд ли оценили), они отправились осматривать новые фортификационные сооружения в районе Модлина. Затем, опять-таки не заезжая в Варшаву, император через Ковно (современный Каунас) вернулся в Россию.

С точки зрения укрепления единства тройственного альянса (Петербург — Берлин — Вена) встреча в Мюнхенгреце оказалась вполне успешной. Однако для окончательного закрепления уже достигнутых договорённостей требовалось ещё договориться с прусским правительством, имевшим собственное видение по ряду спорных вопросов. В частности, именно в 1833 г. берлинский кабинет был вовсе не склонен ссориться с Лондоном, принимая сторону России в восточном вопросе. Не собирались пруссаки обострять и отношения с Францией, традиционно выступавшей в роли главного ходатая за поляков. Однако Николай I и Меттерних прибегли к серьёзному нажиму на Пруссию, фактически пригрозив ей отлучением от уже оформившейся оси Петербург — Вена. Разумеется, формально столь категоричным образом вопрос не ставился, но обозначен он был с достаточной для проницательного дипломатического ума ясностью.

Растолковать это берлинским политикам и прежде всего министру иностранных дел Ансильону должны были русский канцлер Нессельроде и граф Финкельмон, австрийский посол в Пруссии.

О том, как происходило «уламывание», вспоминал русский дипломат барон Ф.И. Бруннов, причём в своих воспоминаниях он говорит не о краковском вопросе как таковом, а о «деле пропаганды», подразумевая под этим термином деятельность польских патриотических организаций, чья активизация должна была дать покровительствующим державам повод для ликвидации Вольного города:

«Оба императорские двора, желая придать более энергии представлениям своим, кои они решились предъявить в Париже по делу пропаганды, условились между собою разрешить своим представителям сообщить без обиняков тюильрийскому кабинету конвенцию о праве вмешательства, дабы французское правительство знало, какие решения примут союзники и с общего согласия в случае возникновения где-либо восстания, даже если бы Франция захотела принять его под своё покровительство. При одной мысли о подобном сообщении, сделанном в Париже от имени трёх дворов, г. Ансильон приходил в ужас. За длинными рассуждениями следовали огромные записки. Наконец, после спора, бывшего с обеих сторон оживлённым и серьёзным, уговорились относительно общего образа действий трёх дворов. Вот каков был результат этого совещания: 1). Пруссия согласилась подписать конвенцию о начале вмешательства, на основаниях, условленных в Мюнхенгреце. 2). Акт этот пока должен был считаться тайным, и стороны предоставляли себе сообщить о его содержании французскому правительству лишь в том случае, если бы последнее выразило намерение воспротивиться законному вмешательству. 3). Между тем, дабы не скрыть от тюильрийского кабинета решений, которые имели послужить в будущем правилом для союзников, представителям их в Париже поручалось громко высказаться против дела пропаганды и формально заявить по вопросу о праве вмешательства в те самые начала, на которых основана мюнхенгрецкая конвенция, подписанная в Берлине. 4). Решено, что заявление это будет сделано в Париже одновременно представителями трёх дворов, которые получат по этому предмету тождественные инструкции и прочитают их французскому кабинету. Таковы были условия, на коих французское министерство решилось после долгих колебаний подписать конвенцию 3 (15) октября 1833 года»²⁰.

При этом, по настоянию Пруссии, подписавшие Мюнхенгребскую конвенцию покровительствующие державы взяли на себя обязательство сохранить в тайне содержание этого документа от других держав и прежде всего от Франции. Как отмечал С.С. Татищев, «дворы русский, австрийский и прусский признавали в ней право каждого независимого государя, во время смут внутренних, равно как и при опасности внешней, призывать на помощь одного или нескольких соседних государей, от которых зависит удовлетворить такую просьбу или отклонить её. При этом все прочие державы не имеют права ни сами вмешаться в дело, ни воспротивиться вмешательству приглашённых к тому держав. Всякое сопротивление силою законному вмешательству одного из договаривающихся дворов будет сочтено прочими за неприязненное действие, направленное против всех трёх, и вызовет с их стороны совокупный отпор»²¹.

Относительно тактики достижения обозначенной цели державы условились «заняться средствами для приведения в исполнение этой меры и для осуществления её таким способом, чтобы из сего не могло последовать тяжких политических усложнений и чтобы в особенности прочие державы, подписавшие акт Венского конгресса, не нашли в этом законного основания к противодействию».

Следует отметить, что Берлинская конвенция в общем и целом повторяла «Мысли...» Паскевича с серьёзной разницей лишь в одном пункте. Князь Варшавский предлагал, чтобы в случае восстания в польских землях одной из держав два других участника альянса выставили по корпусу численностью в 20 тысяч солдат и офицеров. В конвенции говорилось просто о «корпусе войск», что в любом случае было достаточно для демонстрации единства союзников по польским разделам, а с другой стороны, позволяло до предела увеличивать численность союзнического контингента.

Также в конвенции декларировалась твёрдая решимость гарантировать строгий нейтралитет Вольного города. При этом в качестве санкции за нарушение нейтралитета предусматривалась оккупация, что со всей очевидностью свидетельствовало: рано или поздно Вольный город будет присоединён к одной из

покровительствующих держав. И никто особо не сомневался, что этой державой будет Австрия.

С 1815 г. империя Габсбургов считала Краков своей законной добычей и в случае ликвидации независимости Вольного города не уступила бы права на него без серьёзного конфликта. К тому же территория Краковской республики примыкала к Галиции, где и находились поместья большинства краковских землевладельцев.

Россия же, напротив, охладела к проектам дальнейшего территориального расширения Царства Польского за счёт других населённых этническими поляками территорий просто из опасений, что не сможет удержать за ними контроль в случае нового масштабного восстания.

Помимо упоминавшихся «Мыслей...» Паскевича, очевидно, что примерно с весны 1832 г. вопрос о дальнейшей судьбе Кракова периодически обсуждался императором и наместником. Так, например, 24 мая (5 июня) 1833 г. Паскевичем в Варшаве было получено послание Николая I, написанное им всего четырьмя днями ранее. В нём царь излагает свои положительные впечатления от общения с прибывшей в Санкт-Петербург с выражением верноподданнического усердия делегацией из представителей польской аристократии.

Относительно польской политики он пишет: «Мы делаем то, на что имеем право по закону и что здоровая политика нам предписывает. О сем имел я любопытный разговор, прощаясь с депутатом Немоевским; человек сей заслуживает особого твоего благосклонного внимания благородством чувств и откровенностью... Говоря о Кракове и о скверном сем гнезде, он меня убедительно просил, чтобы я отдал его, ежели можно, Австрии, дабы уничтожить независимость сего гнезда всему нынешнему злу»²². Любопытно, что, говоря о Кракове, Николай I повторяет уже озвученную Паскевичем характеристику Вольного города как «гнезда всему нынешнему злу». И тут же предлагает конкретные меры для ликвидации этого «гнезда», предусматривавшие на начальном этапе просмотр краковской конституции особой комиссией.

Сразу же после подавления революционного движения в королевстве в Краков прибыли чрезвычайные и полномочные

комиссары от трёх держав: барон фон Пфлюгель от Австрии, фон Форкенбек от Пруссии и от России Л. Тенгоборский. Они составили так называемую реорганизационную комиссию, которая учредила три комитета из местных специалистов. Первый занялся пересмотром конституции и городских уставов, второй — переустройством судопроизводства, третий — составлением новых уставов для университета и всех краковских школ.

Пока шла эта работа, представитель одной из покровительствующих держав — Паскевич — убеждал своего императора, что единственное возможное решение заключается в полной ликвидации республики. При этом он ссылался на мнение русского резидента. Из письма наместника Николаю I от 22 мая 1833 г.: «Из Кракова Тенгоборский пишет, что там без наших войск весьма трудно будет управлять. Я думаю, что надо будет воспользоваться случаем занятия Франкфурта: предложить прусскому и австрийскому правительствам, что как Краков будучи тоже вольным городом и также не может без помощи (внешней) управлять сам собою в теперешних обстоятельствах, то его также для общего спокойствия занять»²³.

Поскольку Паскевич использует в качестве прецедента ситуацию с Франкфуртом, имеет смысл рассказать о событиях, произошедших в этом вольном городе. Статус Франкфурта также был определён на Венском конгрессе 1815 г., однако, в отличие от Кракова, этот населённый немцами город являлся членом Германского союза и к тому же местом пребывания союзного сейма.

В 1816 г. городской совет выработал «дополнительный к конституции акт», на основании которого город Франкфурт (с незначительными земельными владениями в окрестностях) объявлялся самостоятельным членом Германского союза. Законодательная власть разделялась между законодательным корпусом, сенатом и постоянным комитетом граждан.

Дополнительным актом признавалась гражданская и политическая равноправность всех христианских исповеданий; управление делами города поручалось «совокупности (христианского) гражданства в широком и республиканском смысле». Право гражданства могло предоставляться сенатом лицам, обладающим имуществом на сумму не менее чем в 5000 гульденов, хотя

законодательному корпусу разрешалось делать исключения из этого правила в пользу «превосходных талантов». Избиратели делились на три класса: 1) дворяне, учёные, чиновники, лица духовного звания и т. д.; 2) купцы; 3) ремесленники и прочие граждане, пользующиеся гражданскими правами. Каждый класс избирал одинаковое число выборщиков (по 25), которые, в свою очередь, избирали членов законодательного корпуса.

Конституции двух городов — Кракова и Франкфурта — имели много схожих черт, хотя первый из двух городов являлся полноправным членом Германского союза, а суверенитет второго был серьёзно ограничен «покровительствующими державами». Соответственно, и во Франкфурте задача борьбы с революционным движением возлагалась не на европейских тяжеловесов, а на правительства немецких государств, в том числе и не слишком крупных.

В июле 1832 г. в Германии возникла группа радикально настроенной молодежи, в которой было немало и поляков, возглавляемая доктором Гертом фон Раушенплаттом, Бунзеном, Юхо, Нейхофом, Кёрнером, Беркельманом, Брейденштейном, штутгартским книготорговцем Франком и вюртембергским офицером Козерицем. Эти пылки революционеры организовали заговор, участники которого собирались установить контроль над Франкфуртом и союзным сеймом.

Датой предприятия назначили 21 марта (2 апреля) 1833 г., но запланированного народного восстания не случилось. Заговорщики потерпели неудачу: 30 человек были схвачены, 9 пали в схватке, 24 получили тяжёлые ранения.

Предпринятая 20 апреля (2 мая) 1834 г. попытка освободить заключённых также завершилась поражением. Большинство обвиняемых оказались приговорены к пожизненному заключению, семь человек высланы в Америку. В Петербурге действия германских властей подверглись лёгкой критике за излишнюю мягкость, но в целом всё случившееся было расценено как свидетельство слабости революционного движения.

И, по-видимому, Паскевич считал, что аналогичную расправу над революционерами можно было бы учинить и в Кракове. Если же сами революционеры и не выступили, то князь Варшавский,

бесспорно, имел возможность обратиться к рецепту, изложенному им в одном из пунктов «Мыслей...» — «можно будет произвести у них возмущение и, воспользовавшись сим, тотчас ввести войска».

Однако время для подобных действий именно в Кракове оказывалось явно неподходящим. Буквально через пять дней после отправки упомянутого письма — 18 (30) мая 1833 г. — новая конституция Вольного города была утверждена и подписана членами реорганизационной комиссии.

Наиболее существенные изменения произошли в статьях, касающихся состава сената, состава избирателей, деления краковской территории на общины, состава сейма, порядка сеймовых заседаний, утверждения правительственных советников и процедуры судопроизводства. Статьи о религиозных правах остались в том же виде, в каком они были зафиксированы в конституции 1815 г.

Зато более тщательно оказались прописаны условия соблюдения Краковской республикой нейтралитета, который теперь был обусловлен двумя неперемненными обязанностями, возлагаемыми на правительство:

«1) всякое публичное действие или происшествие, всякий замысел, имеющий целью изменить или нарушить общественный порядок, установленный в государствах, находящихся под владычеством одного из трёх покровительствующих государей, должны рассматриваться как нарушение строгого нейтралитета и будут, следовательно, предупреждаемыми, преследуемыми и наказываемыми властями края, согласно с существующими законами, в том же самом смысле, как если бы участвовавшие в них обвинялись в политическом обвинении против вольного города Кракова; 2) не могут быть даваемы ни в городе Кракове, ни в его территории убежище и покровительство беглецам и людям, преследуемым законом, которые, принадлежа стране того или другого покровительствующего двора, удалились из оной; такие лица, по требованию о выдаче их, какое может последовать от надлежащих властей, должны быть арестуемы и немедленно препровождаемы под приличную стражею в пограничные места, назначенные на сей предмет»²⁴.

Также был ужесточён порядок принятия иностранцами гражданства Вольного города Кракова. Теперь, по новой конституции, такое право получали лишь те лица, которые прожили на территории республики не менее пяти лет и при этом имели безукоризненную репутацию. Полноту же политических прав новый гражданин получал лишь после приобретения недвижимости в Вольном городе Кракове или его окрестностях. Но для подданных Австрии, России и Пруссии, желавших получить краковское гражданство, было добавлено ещё одно условие. Независимо от срока проживания этих лиц на территории республики, прежде всего они должны были представить специальный разрешительный акт, выдаваемый властями того государства, от подданства которого они намеревались отказаться. И лишь по истечении пятилетнего срока после засвидетельствования данного акта эти лица могли получить краковское гражданство. Правда, сенат имел право сократить этот пятилетний испытательный срок, если поведение претендента не вызывало никаких нареканий.

Особенно подробно в новой конституции оказались проработаны статьи, регулирующие состав и права сената.

Число членов сената было сокращено до восьми, включая президента. Исполнительные и административные власти подчинялись теперь только сенату.

Право на помилование от всякого рода наказаний распределялось в равной мере между сенатом и президентом, но на решения высшего суда (относительно самих сенаторов и остальных чиновников республики) это право не распространялось.

Кроме того, сенат и президент не могли изменить решение о вынесении простого административного наказания, если только оно не превышало одного месяца ареста или штрафа в размере ста злотых.

Семь сенаторов, включая президента, избирались собранием представителей, один сенатор назначался капитулом из числа своих членов.

Кандидатура президента, избранного собранием представителей, утверждалась уполномоченными трёх покровительствующих держав. На процедуру утверждения отпускалось три месяца. Если

правительство одной из покровительствующих держав заявляло свое несогласие с кандидатурой предложенного собранием пре-тендента на президентскую должность, то собирался чрезвычай-ный сейм для проведения повторных выборов, в которых отверг-нутый кандидат уже не имел права участвовать.

Для утверждения повторно выбранного президента было до-статочно согласия двух покровительствующих держав, а процедура утверждения сокращалась до шести недель — то есть в два раза.

Аналогичный порядок предусматривался и для последующих выборов, в случае если таковые потребовались бы.

Сенаторы и президент сената не имели права совмещать свою деятельность с другими оплачиваемыми должностями и званиями.

Право выставлять свою кандидатуру на пост сенатора и пре-зидента получал любой гражданин республики, удовлетворяющий конституционным требованиям.

Первоначально избирательные списки кандидатов в сенаторы утверждались сеймом, затем они передавались в сенат. Сенаторы имели право исключать кандидатов, но только соответствующим образом объяснив им такое решение. Затем утверждённые сена-том списки кандидатов возвращались в сейм, где по ним проходи-ло голосование. Каждый кандидат голосовался отдельно, решение принимается подавляющим большинством, в случае равенства ко-личества голосов «за» и «против» решающий голос остаётся за председателем собрания.

Президент сената избирался сроком на шесть лет с правом пе-реизбрания, как и остальные сенаторы.

Из общего числа сенаторов двое избирались пожизненно, при-чём одним из них был сенатор от капитула. Временные же сена-торы, назначенные сеймом, сменялись каждые три года, по старшин-ству назначения, с таким расчётом, чтобы каждый сенатор оставал-ся в должности шесть лет.

В случае смерти президента или когда число сенаторов, избран-ных собранием представителей, по каким-либо причинам сокраща-лось, а до созыва очередного сейма осталось более шести месяцев, созывался чрезвычайный сейм.

В случае если преждевременно освобождалось место сенатора из членов капитула, представители краковской католической церкви немедленно должны были представить нового кандидата.

При этом, по новой конституции, и президент сената, и сенаторы, выбранные на чрезвычайных сеймах, выполняли свои обязанности в течение лишь того срока, который не дослужили их предшественники.

К тому же для избрания временного президента не требовалось утверждения его кандидатуры правительствами покровительствующих держав.

Существенной корректировке в новой конституции подверглись статьи, касающиеся избирательных прав: более точно определялись классы избирателей, а также категории лиц, не имеющих избирательного права.

Право участвовать в выборах имели высокопоставленные представители церкви, все члены капитула, священники, собственники любой недвижимости и земельных наделов, если сумма уплачиваемого ими прямого налога превышала 50 злотых; фермеры и арендаторы оброчных статей в местечках и селениях; фабриканты и заводчики, а также крупные торговцы, состоявшие членами купеческой корпорации; ректор и профессора университета, как действующие, так и находящиеся на пенсии.

Избирательного права лишались монахи всех конфессий; лица, состоявшие в частной службе; все, кто не придерживался христианского вероисповедания; лица, не внесённые в общий список избирателей. Списки всех граждан, имеющих избирательные права, составляли епископская консистория, университет, начальники городских и сельских общин. Затем они должны были утверждаться сенатом.

Далее новой конституцией определялся порядок формирования общинного управления. Городские и сельские общины избирали себе мэров из числа тех кандидатов, список которых был утверждён сенатом.

Мэры избирались на шесть лет, с правом быть переизбранными. На них возлагалось руководство исполнительной и полицейской властью на местах. В случае смерти мэра на его место сенатом

назначался временно исполняющий обязанности мэра, до следующих выборов.

Кандидаты на должность мэра должны были, кроме основных избирательных прав, отвечать ещё двум условиям: возраст — не менее 24 лет; образование — не менее четырёх классов одного из средних учебных заведений в Кракове или в одной из покровительствующих держав.

Остальные чиновники назначались сенатом или избирались собранием представителей. При этом чиновники, назначенные собранием представителей или избирательными коллегиями, могли сниматься с должности распоряжением сената, но назначать на их место новых кандидатов сенат не имел права.

Новая конституция предоставила право созыва сейма сенату, а также изменила срок созыва — с одного года до трёх.

В полномочия сейма входило избрание членов и президента сената, членов и президентов обоих судов и назначение членов ревизионной комиссии, которая в промежутке между сеймами должна была контролировать финансовую деятельность всех административных учреждений. Кроме того, сейм имел право обсуждать представленные сенатом законопроекты и принимать либо отвергать их, а также определять бюджет республики на последующие три года и рассматривать отчёты администрации.

За сеймом сохранялось право отдавать под суд сенаторов и высших чиновников.

Состав сейма формировался из двадцати общинных депутатов (по два депутата от каждой городской и сельской общины, две самые многочисленные из сельских коллегий посылали по три депутата), два депутата представляли сенат, два — от капитула, два — доктора от университета, два — правительственные советники из городских округов, два — правительственные советники из сельских округов. Таким образом, общее число депутатов доходило до тридцати. При этом президент сейма избирался из числа представлявших сенат депутатов.

Все изменения в новой конституции указывали на то, что она значительно расширяла сферу деятельности исполнительной власти в ущерб законодательной, чтобы свести на нет всякое

соперничество между сеймом и сенатом. Для этого сенату отводилось высшее право надзора за проведением и признанием выборов.

Полномочия и возможности нижней палаты, напротив, оказались урезаны. Сами сеймовые собрания теперь созывались лишь раз в три года, поэтому и бюджет принимался на трёхгодичную перспективу.

Интересен по содержанию параграф 22-й новой конституции, по которому не могли одновременно заседать ни в сенате, ни в одном из судов, ни в сейме, в качестве общественных представителей, отец и сын, братья, свояки, дяди и племянники (как с отцовской, так и с материнской стороны), тесть и зять, двоюродные братья. Но в то же время депутаты от сената, капитула и университета, а равно и правительственные советники могли присутствовать в сейме, несмотря на родство между собой или с кем-либо из выборных депутатов.

Бесспорно, новая конституция укрепила позиции покровительствующих держав по отношению к Вольному городу Кракову. Так, Петербург, Берлин и Вена теперь имели право отвергать кандидатуру президента сената, от которого зависела политика городской законодательной и исполнительной власти. Кроме того, параграф 27-й новой конституции гласил: «В случае разногласий между сенатом и собранием представителей, или между членами этих обоих учреждений, о пространстве их власти или при толковании нынешней конституции, резиденты трёх покровительствующих дворов, соединяясь в конференцию, должны рассмотреть вопрос, по представлению одного из упомянутых учреждений, и представить своё решение на утверждение высоких дворов»²⁵.

В довершение всего вышесказанного, покровительствующие державы оставляли за собой право контролировать правильность применения конституции. Для этой цели в городе после отъезда реорганизационной комиссии вновь был создан институт постоянных резидентов.

Но ещё до отъезда членов реорганизационной комиссии из Кракова ими был назначен на пост президента бывший сенатор, кастильян Царства Польского Каспер Велегловский. Ему предстояло организовать созыв нового сейма, который не созывался с 1828 г.

Кроме того, решением реорганизационной комиссии из правительства были удалены сенаторы, приглашённые в него в 1830 г. Таким образом, реорганизационная комиссия постаралась обеспечить новому президенту условия, необходимые для созыва послушного сейма.

События, происходившие в Кракове во время польского восстания 1830–1831 гг., утвердили правительства покровительствующих держав в мысли, что самым опасным и неблагонадёжным местом в Краковской республике является его университет.

Ещё 4 (16) января 1831 г. студенческая молодёжь под руководством Яцека Гудрайчика арестовала Водзицкого, которого вынудили отречься от поста президента сената и выехать из Кракова. Университетская молодёжь, собираясь в вооружённые отряды, переправлялась в Царство Польское и усиливала ряды повстанцев.

Поэтому параллельно с разработкой новой конституции реорганизационная комиссия с первых же дней своей деятельности приступила к преобразованию университета и других краковских училищ. Для этих целей был создан особый комитет, своеобразным руководящим ядром которого стала группа в составе сенатора Феликса Гродзицкого, главного краковского каноника Ланцуцкого и камергера русского императорского двора Яна Мерошевского. От университета были приглашены каноник Ян Шиндлер с богословского факультета, Иосиф Бродович с медицинского, директор обсерватории Макс Вейс от факультета философии.

Последние трое приглашённых были новичками в Краковском университете и пользовались поддержкой нового президента Велегловского. Они-то и составили новый устав университета, который был утверждён реорганизационной комиссией 12 (24) августа 1833 г., после чего Велегловский вынес в сенат новый устав на ратификацию.

Новый устав, составленный, кстати, на немецком языке, не предусматривал глубоких перемен в самом управлении университетом, если не считать того, что университет потерял право иметь своего представителя в сенате. Была составлена новая обязательная программа преподавания, из которой исключили кафедры польской литературы и польской истории, хотя все официальные

акты Краковской республики составлялись на польском языке. И наконец, все денежные и имущественные претензии университета оказались вымараны из нового устава, в чём чувствовалась направляющая покровительствующих держав и, возможно, самого Паскевича, явно не видевшего смысла в том, чтобы удовлетворять эти претензии.

Все бразды правления университетскими делами оказались отданы в руки ректора, который нёс ответственность только перед куратором и президентом сената. Таким образом, университет потерял свою былую независимость от каких бы то ни было властей, чего, собственно, и добивалась реорганизационная комиссия.

Но по-настоящему кардинальные изменения произошли в составе профессорской корпорации университета. И главным инициатором этих изменений стал Ян Шиндлер.

Он прибыл в университет из австрийских Черновиц, где служил законоучителем в гимназии. Бывший ректор университета пригласил его на кафедру экзегетики Священного Писания. Пользуясь поддержкой нового президента Велегловского и его партии в сенате, Шиндлер после утверждения нового устава стал практически единовластным хозяином университета, где устроил настоящую чистку профессорского состава не только Ягеллонской академии, но и всех других учебных заведений.

Весь смысл стараний Шиндлера сводился к тому, чтобы заполнить Краковский университет немецкими профессорами, что и произошло в скором времени после утверждения нового устава. Польский элемент в преподавательском составе университета заметно ослаб, стали преобладать немецкие профессора, приехавшие преимущественно из Австрии.

Таким образом, реформа университета свелась фактически к его германизации, причём германизации, явно ориентированной на Австрию, что вряд ли могло ускользнуть от внимания русского и прусского резидентов. Однако никаких признаков политической ревности ни тот, ни другой не проявили, что заставляет предположить — всё делалось с их молчаливого согласия. Однако с какого уровня исходило это согласие в случае русского резидента?

С уровня царя? Уровня Паскевича? Или это была его собственная инициатива? Вопрос остаётся открытым.

После отъезда реорганизационной комиссии Вольный город Краков остался под надзором особой конференции, которую составили постоянные резиденты от покровительствующих дворов: Гартман от Пруссии, Лиман от Австрии и барон Унгерн-Штернберг от России. Новая конституция предоставила этой конференции широкие полномочия в решении конфликтных ситуаций, которые могли возникнуть между сеймом и сенатом, а также между членами самого сената. Кроме того, конференция имела право толковать основные законы, что позволяло ей вмешиваться практически во все внутренние дела республики. Таким образом, конференция по своим властным полномочиям стояла значительно выше самого сената.

Естественно, именно такого результата и добивались покровительствующие державы, надеясь, что новый режим поможет им поддерживать в республике надлежащий порядок. Беспокойство по этому поводу было вполне естественным, если учитывать, что после подавления польского восстания в Европе, главным образом во Франции, сорганизовалась и активно действовала польская эмиграция.

В период непосредственно после восстания вопросами, связанными с репрессиями и противодействием новым попыткам революционных выступлений, занимался варшавский генерал-губернатор и вице-председатель Временного правления Царства Польского И.О. де Витт (1781–1840), имевший ещё со времён наполеоновских войн репутацию мастера секретных операций. В значительной степени с помощью своей любовницы Каролины Собаньской ему удалось создать эффективную агентурную сеть, противодействующую действиям эмиграции.

Чтобы революционеры прониклись к Собаньской доверием, Витт в период своего председательства в Верховном уголовном суде разыгрывал человека, подчинившегося её влиянию. Как вспоминала Богуслава Маньковская (дочь генерала Ярослава Домбровского): «Когда ни у кого уже не оставалось надежды, над несчастными жертвами кружил ангел спасения и утешения в лице Каролины Собаньской... Пользуясь влиянием, которое имела на генерала,

она каждый час своего дня заполняла каким-либо христианским поступком, ходила по цитаделям и тюрьмам, чтобы освободить или выкрасть пленных...

По её тайному указанию узников приводили в личный кабинет Витта, где в удобный момент пани Собаньская появлялась из-за скрытых портьерой дверей, и одного слова, а то и взгляда этой чародейки было достаточно, чтобы сменить приговор на более мягкий»²⁶.

Один из участников восстания, некий Михаил Будзынский, приписывал своё спасение именно этому ангелу, добавляя, что Собаньская «избавила многих несчастных офицеров польского войска от Сибири и рудников»²⁷.

Появившись в Дрездене, Собаньская была встречена поляками как патриотка и организовала салон, в который, как мотыльки на огонь, слетались доверчивые эмигранты.

Бесспорно, своя агентура имелась у де Витта и в Кракове, что позволяло ему контролировать действия как реальных противников на «невидимом фронте», так и лиц, сколь-нибудь замешанных в недавнем восстании. Например, когда в марте 1832 г. в Варшаву, желая узнать о судьбе мужа, из Кракова по чужому (выписанному на имя Эмилии Колчинской) паспорту из Кракова прибыла графиня Олизар, де Витту сразу же стало об этом известно. Впрочем, графиня проявила разумную предусмотрительность, лично явившись к Паскевичу и покаявшись в нарушении правил пересечения границ. Князь Варшавский как настоящий джентльмен, разумеется, разрешил ей остаться и распорядился не подвергать никаким преследованиям²⁷.

Весьма интересен и ещё один документ из архивов III отделения. Речь идёт о написанной на французском языке «Записке о связях варшавских и краковских студентов с французским полковником Голуа, приглашавшим их во Францию для ведения агитации против Луи-Филиппа», не имеющей, к сожалению, точной датировки, но предположительно относящейся к 1832–1833 гг.²⁹.

Результаты миссии республиканца полковника Голуа агенты оценивали как незначительные, что вполне объяснимо, поскольку именно правительство Луи-Филиппа оказывало активную

поддержку польским эмигрантам и даже выплачивало пенсию наиболее известным их лидерам.

Именно в столице Франции Париже уже осенью 1831 г. был основан временный эмиграционный комитет под председательством Бонавентуры Немоевского, в котором собрались главные лидеры сеймовой оппозиции. Лелевель собрал вокруг себя своих сторонников из числа «левых». Весной 1832 г. Гуровский и Кремповецкий объявили о создании польского Демократического общества. Эти комитеты и общества собрали вокруг себя практически всю польскую эмиграцию. Войдя в сношение с французскими властями, они добились от них выделения субсидии в два миллиона франков. К тому же многие польские магнаты перед эмиграцией успели перевести свои капиталы за границу, где достаточно щедро спонсировали своих соотечественников в деле распространения революционного движения по всей Европе.

Уже весной 1833 г. польская эмиграция приступила к активным действиям. Так 5 (17) апреля в Париже произошло заседание бывших членов варшавского сейма, на котором было решено начать рассылать своих эмиссаров в Галицию и Варшаву для подготовки нового восстания.

Был разработан план партизанских набегов из Галиции в Царство Польское, реализацию которого доверили Иосифу Заливскому. В Галиции стали распространяться прокламации с призывами к новому освободительному походу, но активные действия австрийских властей вынудили польских эмигрантов перенести свой штаб, занимавшийся подготовкой «наездов» на территорию Краковской республики. В конце концов сами «наезды» провалились, а Заливский был арестован австрийскими властями и посажен в тюрьму на 20 лет.

Паскевич имел возможность оценить мощь нанесённого польскому революционному движению удара опять-таки по донесениям своих агентов³⁰.

Правда, из-за личного недоверия Николая I к Каролине Собаньской Паскевичу пришлось отказаться от одной из лучших своих шпионок. Однако граф Витт оставался на месте и по-прежнему располагал достаточным числом информаторов³¹.

Паскевич высоко ценил начальника своей секретной службы, однако понимал, что чисто полицейскими методами проблема не решается.

17 (29) ноября 1833 г. князь Варшавский писал брату царя, великому князю Михаилу Павловичу: «Я не думаю, чтобы господин Лелевель уговорил кого ещё раз войти с оружием в руках, и верно ему будет ответ, чтобы он сам попробовал. Но всё сие весьма грустно для меня»³².

Грусть наместника бесспорно усугублялась от осознания той мысли, что революционная эмиграция остаётся несломленной, она по-прежнему пользуется поддержкой в Царстве Польском и имеет плацдарм за его пределами.

Биограф князя Варшавского А.П. Щербатов писал: «Во время “наезда” Заливского жители Кракова постарались ещё раз доказать, что в их среде всегда найдётся опора для всякого рода революционного движения, как бы бессмысленно оно ни было. Обстоятельства эти побуждали фельдмаршала постоянно настаивать на необходимости занятия Кракова войсками (одной или всех трёх союзных держав)»³³.

Однако и Берлин, и Вену ещё потребовалось уговаривать, поскольку на политику накладывалась экономика.

В 1834 г. истёк срок торгового договора между Россией и Пруссией, после чего пруссаки резко подняли расценки за транзит товаров по своей территории, чем, по образному выражению из письма Нессельроде к Рибопьеру, довели Царство Польское «до всеобщего вопля»³⁴.

Правда, наместник Царства Польского фельдмаршал Паскевич мало подходил на роль безответной жертвы торговых войн, решив перенаправить потоки транзитных товаров на Либаву (современная Лиепая) и Виндаву (современный Вентспилс), в обход оккупированной пруссаками части Польши. Но больше всего Николая I и Паскевича волновал вопрос о том, что кроется за этим демаршем: простое ли стремление увеличить доходы прусской казны, или же попытка вовлечь русскую часть Польши в Таможенный союз? И если правильным было последнее предположение, то не собиралась ли Пруссия использовать инструменты Таможенного союза

для укрепления своего политического влияния в русской части Польши? И не попытается ли Пруссия втянуть в Таможенный союз Краков, уведя его из-под носа России и Австрии?

Подобные подозрения неизбежно должны были набросить тень на российско-пруссские отношения, возможно, вдохновив Паскевича на достаточно неожиданную инициативу, идущую вразрез с декларировавшейся готовностью решить краковский вопрос путём передачи Вольного города Австрии.

Биограф Паскевича А.П. Щербатов утверждает, будто Николай I высказал пожелание, чтобы авторитетная группа краковских жителей выступила с петицией о присоединении к империи Габсбургов³⁵.

Князь Варшавский вроде бы приступил к выполнению поручения, используя в качестве куратора этого проекта влиятельного графа Александра Валевского, чьи владения примыкали к территории Краковской республики.

Валевскому вроде бы действительно удалось создать партию противников независимости Вольного города, но (странное дело) получилась она не проавстрийской, а пророссийской.

В качестве подтверждения, что всё вышло совершенно «случайно», Паскевич отправил императору датированный 21 июня (3 июля) 1835 г. перевод присланного ему в Варшаву письма Валевского:

«Вследствие вопроса Вашей светлости о духе, господствующем в Кракове, — честь имею представить замечания, сделанные мною во время пребывания моего в сем городе в минувшем месяце.

Многие знатнейшие обыватели и купцы, желающие единственно спокойно пользоваться своими доходами и беспрепятственно производить торговлю, одушевлены самым лучшим духом и, не видя в настоящем правительстве никакой поруки, желают возвратиться под монархическое правление, которое токмо может обеспечить их собственность и благосостояние. Большинство однако же народонаселения, состоящее из трёх тысяч польских выходцев, развращённых исступлённым своеволием последнего мятежа, из класса беднейших жителей сего города и бродяг, изгнанных из Царства Польского,

Пруссии и Австрии, — исповедует самые вредные правила, klo-нящиеся к ниспровержению общественного порядка, и выжидает токмо первого случая для приведения в действие преступных своих замыслов, исполнение коих могло бы нарушить, хотя на некоторое время, спокойствие соседних верных подданных Его Императорско-го Величества, Всемиловнейшего Нашего Государя.

Слишком либеральные права, дарованные сему краю, оставляют слабому правительству краковскому весьма недостаточные средства к сохранению мгновенного и очень сомнительного спокойствия, удерживаемого доселе более из боязни расположенных по границе батальонов.

Воспитание юношества, которое в нашем крае, посредством благо-разумных постановлений и нововведенной школьной дисциплины, обещает уже в будущем самые спасительные последствия, — пред-ставляет в этой несчастной земле совершенно противное: часть сия остаётся там на прежней ноге, и нельзя ожидать ничего хорошего от тамошней молодёжи, воспитывающейся в числе около тысячи человек.

Два месяца тому назад более десяти знатнейших обывателей и известнейших купцов подали краковскому сенату ноту, в которой просили обдумать средства к исходатайствованию у Государя Им-ператора присоединения сего края к Царству Польскому. Нота сия оставлена без внимания, и только сохранение в тайне прозваний лиц, подписавших оную, избавило их от преследования. Меру сию при-писывают преимущественно Презесу»³⁶.

Впрочем, во избежание нежелательных для Паскевича толкова-ний перевод письма Валевого был послан в Петербург не сам по себе, а в качестве приложения к официальному рапорту князя Вар-шавского императору. Рапорт датирован 23 июня (5 июля) 1835 г. и называется кратко «О Краковской республике»:

«Имея повеление Вашего Императорского Величества озабо-титься наклоением знатнейших краковских граждан к подаче про-шения о присоединении их округа к которой-либо из трёх покров-ительствующих держав, я занялся сим предметом и распустил чрез

агентов сообразные сему слухи, кои, кажется, небезуспешны были: ибо, как Вы, Всемилостивейший Государь, усмотреть изволите из подносимого при сём в переводе письма ко мне графа Александра Валевского, более десяти самых зажиточных краковских жителей подали своему правительству ноту, коею просили исходатайствовать у Вашего Величества присоединения их к Царству Польскому.

Тамошнее правительство приняло сие весьма дурно и не сделало никакого ответа, только имена подписавших ноту сохранены в тайне.

Получив донесение о сем графа Валевского, я поручил ему ехать в его деревню, отстоящую от Кракова в 9-ти верстах, и стараться склонить большее число депутатов, дабы они просили о присоединении их края, хотя ни к одной России, но и к Австрии, ибо от сей державы ожидать должно сопротивления присоединения оного к одной России.

Граф Валевский надеется, что большая часть богатых краковских жителей подпишет таковой акт, и хотя между ними будут и сенаторы, но общего ходатайства о сем сената или сейма быть не может.

Если таковой акт будет подписан с тем, чтобы оный был представлен Вашему Императорскому Величеству, то имею счастья испрашивать повеления: имеет ли депутация, подписавшая оный, предстать лично пред Вами, Всемилостивейший Государь, в Калише, либо другом месте, или она должна представить означенный акт мне, для поднесения оного Вашему Императорскому Величеству. Генерал-фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский. Варшава»³⁷.

Однако сомнительная перспектива создания собственной пророссийской партии в Кракове не увлекла Николая I. 30 июня (12 июля) 1835 г. он писал Паскевичу из Александрии (в Петергофе): «Краковские известия весьма важны, но, повторяю, что никогда не соглашусь их принять к нам; им натуральнее принадлежать к Австрии, и менее будет от того шуму. Если бы дело сие касалось одних нас, то скоро бы его кончили; но, к несчастью, Англия и Франция участники создания сего, и потому без их согласия сие сбыться не может. Одно общее и решительное желание сей республики может дать нам право основываться на оном при прениях

с сими державами; но я доброго успеха не жду, напротив, боюсь нового повода к распрям»³⁸.

Впрочем, и сам Паскевич, кажется, убедился в сомнительности любых предприятий, связанных с попытками перехватить Краков у Австрии, и по невозможности создать там серьёзную пророссийскую партию, и по малому влиянию Валуевского на политическую жизнь Вольного города.

Поэтому, хотя бы с целью выиграть время, наиболее разумным наместник считал тактику экономического удушения: «Строгости таможен доведут их до нищенства почти, что они теперь начинают чувствовать, то тогда можно будет думать, что они все согласятся на присоединение»³⁸.

Однако возможность наиболее кардинального решения проблемы он связывал всё же именно с оккупацией Вольного города тремя покровительствующими державами. Предполагалось, что такая оккупация, осуществлённая под благовидным предлогом, позволит заполнить все ячейки государственного механизма лояльными по отношению к покровительствующим державам элементами, плавно интегрировав Вольный город в Австрийскую империю.

В Кракове возможность реализации подобного сценария считали весьма вероятной, пытаясь привлечь к себе внимание Европы. Для этого краковский сенат принял решение отправить в Петербург, Париж и Лондон своих дипломатических представителей.

Поскольку о посылке дипломатических представителей в Берлин и Вену речи не шло, Николай I вполне справедливо разглядел здесь попытку вбить клин между покровительствующими державами. В результате Министерство иностранных дел Российской империи категорически заявило, что, исходя из статей Венского договора, Вольный город Краков может осуществлять контакты с иностранными державами только через находящихся в Вольном городе дипломатических представителей России, Австрии и Пруссии.

Австрия же, раздражённая подобными шагами, ужесточила таможенную политику, также прибегнув к методам экономического удушения.

Одновременно покровительствующие державы решили ужесточить надзор за ситуацией в Вольном городе, негласно поручив

конференции резидентов активнее вмешиваться в дела Краковской республики.

Первым прецедентом вмешательства конференции в распоряжения краковского правительства стал отказ резидентов поддержать сенат в вопросе о принятии в подданство поляков, переходивших на территорию Вольного города из соседних областей. Сенат предпочёл не противиться конференции, поскольку, согласно конституции, для получения подданства Краковской республики заявитель сначала должен был получить разрешение властей той страны, от подданства которой он хотел отказаться.

Со временем конференция стала вмешиваться в дела, которые совершенно не попадали под её юрисдикцию, и когда сенат пытался сопротивляться, резиденты просто игнорировали его протесты или ограничивались формальными отписками.

Гораздо сложнее резидентам было влиять на законодательную и судебную власти, так как их независимость фиксировалась в конституции. Единственным действенным средством в противостоянии с этими ветвями власти оставалась угроза введения войск на территорию Краковской республики. Но для такой меры требовались веские основания.

Такие основания едва не появились после скандала с польскими эмиссарами. В конце 1834 г. в прессу стали просачиваться сведения, что в Кракове действуют агенты польской эмиграции, агитируя академическую молодёжь организовывать отряды для вторжений в Царство Польское, Галицию и, как ни странно, Венгрию, где начинался подъём направленного против Габсбургов национального движения.

Здесь явно проявилась новая для польской эмиграции тенденция. Возглавляемый Иоахимом Лелевелем Национальный комитет решил делать ставку не на поддержку правительств, а на революционную борьбу европейских народов, прежде всего тех, кто, подобно полякам, не имел собственной государственности (венгров, итальянцев, ирландцев). Аналогичной стратегии придерживалось и созданное в 1832 г. Демократическое общество, со временем занявшее место Национального комитета и сформировавшее исполнительный орган из пяти членов — так называемую

Централизацию, название которой стало ассоциироваться с радикальным крылом польского национального движения.

Первые акции Централизации как раз и были связаны с Вольным городом Краковом. Несколько человек прибыли на его территорию из Царства Польского с визами, выданными русским резидентом, и были арестованы местной полицией. Далее события приняли трудно предсказуемый оборот. Один из арестованных, Климент Гуляницкий, признался, что является тайным агентом русского резидента. Конференция потребовала выдачи арестованных, но сенат заявил, что поскольку арестованные не попадают ни под одну категорию лиц, подлежащих выдаче иностранным державам, то их следует судить местным судом.

Конференция настаивала на своих требованиях, ссылаясь на «непременную волю покровительствующих дворов». Следующим этапом противостояния могло стать введение в Краков войск России, Австрии и Пруссии. Сенат решил не обострять ситуацию, и арестованные были выданы русскому правительству.

В это же самое время в английской и французской прессе, не без подачи польской эмиграции, стал муссироваться вопрос об открытии этими странами в Кракове своих консульских миссий. Английская пресса упирала на торговые интересы, а французы в открытую говорили о том, что за попытками открыть французское консульство стоят ходатайства польской эмиграции.

Эти публикации нашли живейший отклик в среде краковской общественности, особенно взбудоражив представителей оппозиционной партии. Бесспорно, оппозиционеры рассчитывали, что наличие дружественных консульств позволит им наладить прямые систематические контакты с Парижем и Лондоном и, возможно, даже сделать их своими союзниками по борьбе с нарушениями венских договорённостей, которые всё чаще позволяли себе покровительствующие державы. Но эти надежды не сбылись, русский, австрийский и прусский резиденты донесли своим правительствам о сложившейся ситуации, и последние через своих посланников заявили английскому и французскому министерствам, что появление в Кракове консульств соответствующих держав приведёт

к дестабилизации ситуации, а возможно, и к новым волнениям. В результате консульства Англии и Франции так и не были открыты.

Судя по всему, именно международная обстановка, накалившаяся в очередной раз вокруг польского вопроса, вдохновила Россию на демонстрацию своей военной мощи, а также единства русско-прусско-австрийского альянса. В начале августа 1835 г. на территории Царства Польского и в относительной близости от Кракова, под Калишем, были проведены масштабные манёвры, в которых приняли участие и несколько прусских (в том числе отборных гвардейских соединений). По ходу манёвров происходило общение Николая I и Фридриха Вильгельма III. Затем состоялось свидание русского и австрийского императоров в Теплице, формальным поводом для которого стала закладка памятника русской гвардии на месте битвы при Кульме (1813 г.), что тоже можно было расценить как напоминание французскому правительству о крахе наполеоновских амбиций.

Именно в Теплице, судя по последующим заявлениям Николая I, между ним и новым императором Австрии Фердинандом I была достигнута окончательная устная «джентльменская» договорённость о ликвидации Краковской республики и передаче Кракова Австрии.

Хотя официально это решение не обнародовалось и калишские манёвры и встреча в Теплице должны были быть восприняты не только французским правительством, но и польскими революционерами как недвусмысленная угроза относительно любых попыток нарушить статус-кво в польском вопросе.

Однако подобные превентивные меры не обеспечили сохранение спокойствия в крае. Беда, как обычно, грянула с той стороны, откуда её не ждали.

ГЛАВА 5

ВПЕРЁД, АВСТРИЙЦЫ!

Согласно 8-му параграфу дополнительного Венского договора, Краковская республика не имела права закрывать свои границы ни таможенными пунктами, ни пограничными заставами. Это обстоятельство позволяло революционерам-эмигрантам спокойно проникать в Вольный город, получив на то разрешения своих правительств. При этом свободного выхода в обратном направлении у эмигрантов не было даже в зонах открытой торговли. Россия, Пруссия и Австрия держали свои границы на замке.

Ситуация обострилась до крайности после того, как прусская Силезия и австрийская Галиция стали выпроваживать подданных Царства Польского, бежавших из своего отечества после подавления восстания. Очень быстро Краков превратился в последнее прибежище польских беглецов, в основной своей массе оставшихся без всяких средств к существованию. Сенат забил тревогу и обратился к конференции с просьбой визировать паспорта всем желающим выехать в другие страны. Но никакого ответа не последовало.

Тогда президент Велеголовский напрямую обратился к австрийскому канцлеру князю Меттерниху с просьбой принять обратно лиц, прибывших из Галиции. Однако, будучи профессиональным дипломатом и последовательным интриганом, князь всячески пытался уклониться от принятия конкретных мер.

Между тем австрийский резидент Лиман, пользуясь сложившейся в городе неблагоприятной обстановкой, всячески пытался дискредитировать краковское правительство в глазах европейской общественности. Так, ангажированная немецкая «Аугсбургская

газета» в 1835 г. опубликовала серию статей, в которых Краков был представлен как «гнездо разбойников». Приводились душераздирающие сообщения о муках и бедствиях, которые приходилось выносить местным жителям от кровожадных якобинцев. Раздавались сетования на то, что правительство находится под властью необузданных политиканов и демагогов.

Судя по всему, в таком же ракурсе эта сомнительная информация была представлена Паскевичем Николаю I. Трудно иначе пояснить неожиданный пассаж из письма царя князю Варшавскому от 31 декабря 1835 г.: «Дурачества в Кракове были мне уже известны; не нужно нам их было, чтоб удостовериться в злобе поляков и в степени их наглости. Но признаюсь, за это одно не считал бы ещё полезным занять город, в особенности как происшествие сие лично было против меня, считал бы неблагоприятным воспользоваться сим предлогом. Мера сия должна последовать за важнейшим происшествием, которого ждать должно, по нынешнему направлению умов, предвещающему много неистовств»¹.

Слова о «дурачествах в Кракове» трудно объяснить, поскольку пока в архивах не удалось выявить письмо Паскевича, где сообщались последние сведения о ситуации в Вольном городе. Зато провидчески выглядит пассаж, в котором, рассуждая о перспективах оккупации, царь заявляет: «Мера сия должна последовать за важнейшим происшествием, которого ждать должно, по нынешнему направлению умов, предвещающему много неистовств». Невольно вспоминается всё тот же пункт 4-й «Мыслей...» Паскевича о том, что «можно будет произвести у них возмущение и, воспользовавшись сим, тотчас ввести войска».

Был ли Николай I провидцем, или он в слегка закамуфлированной форме предлагал «отцу-командиру» приступить к реализации его собственного плана? Кто знает.

В любом случае, ситуация в Кракове действительно накалилась, что признавалось и вполне умеренными представителями городской власти, которых, впрочем, больше волновали действия не Петербурга, а Вены. Как отклик на публикации немецкой печати краковский сенат отослал в редакцию «Аугсбургской газеты» статью, в которой излагал свою точку зрения на сложившуюся ситуацию.

Но получил ответ: «Редакции запрещено публиковать что бы то ни было об этом городе, что не сообщено ей из официальных источников»².

Стало совершенно очевидно, что австрийские власти специально, всеми возможными средствами, нагнетали ситуацию в городе, чтобы подготовить Европу к мысли о ликвидации политической независимости Кракова. Для понимания же общего контекста стоит отметить, что в 1835 г. ушёл в вечность император Франц I, а для сменившего его Фердинанда I происходившие события стали первым серьёзным внешнеполитическим испытанием, преодолеть которое, впрочем, пришлось, главным образом канцлеру Меттерниху. И Меттерних преодолел его, разумеется, не без помощи не слишком-то любившего его Николая I.

Великолепный случай обвинить власти Вольного города в неспособности поддерживать стабильность и порядок представился в 1836 г., когда в Кракове был убит агент варшавской полиции Павловский. Краковской полиции найти убийцу не удалось. Дипломаты покровительствующих дворов обвиняли в этом преступлении польских эмигрантов.

Русский резидент Унгерн-Штернберг вместе с австрийским и прусским резидентами составил протокол о случившемся и передал его в Сенат. Паскевич же начал призывать к силовому решению краковского вопроса. При этом самые тяжёлые и неприятные обязанности он мечтал возложить на австрийцев.

Русское же участие фельдмаршал предпочёл бы ограничить посылкой отряда, желательно небольшого. В этом отношении князь Варшавский получил полную поддержку Николая I, который, со своей стороны, делал всё, чтобы, действуя через послов, напугать краковскими «бунтовщиками» своих австрийского и прусского коллег. И, в общем, добился определённых успехов.

Не исключено, впрочем, что в Вене испугались даже не столько революционеров, сколько чрезмерной активности Петербурга и лично царя, озабоченного перспективами расширения своих владений.

Первыми перейти к конкретным действиям вознамерились именно австрийцы. С середины августа командующий войсками

на границе с Вольным городом генерал Франц Кауфман фон Трауенштейнбург уже определил силы, необходимые для подобного рода операции, — 2 батальона пехоты и 6 эскадронов кавалерии, а также аналогичный отряд в резерве на случай непредвиденных событий.

Зато пруссаки в бой абсолютно не рвались, поскольку явно не рассчитывали на добычу. Паскевич, имевший возможность напрямую общаться с Фридрихом Вильгельмом III и наиболее крупными фигурами в его окружении, пытался склонить их к активным действиям или по крайней мере к доброжелательному нейтралитету.

Ситуацию, сложившуюся внутри тройственного альянса по краковскому вопросу, он во многих отношениях представлял лучше, чем царь, и уж, конечно, находясь в Варшаве, получал информацию быстрее, чем она доходила до Петербурга. 18 (30) января 1836 г. он писал Николаю I:

«Итак, первая роль в занятии Кракова будет принадлежать австрийцам. Весьма счастливо, что сие дело взяло такой оборот, и австрийцы так горячо принялись за сие дело, ибо сей державы будет три батальона, а наших только один батальон, следственно, сим исполняется повеление Вашего Императорского Величества, чтобы австрийцы были впереди, а мы вторую роль играли в сем деле. Я разъяснил нашему резиденту в Кракове г. Унгернштернбергу, что когда от прусского правительства получится разъяснение, то он имеет право дать повеление и нашему батальону войти в Краков, если того также и австрийский генерал потребует, ибо он назначается командовать всеми войсками. При том же, как наш посол в Вене говорит, что ненадобно дать простынуть сему расположению австрийцев, также опасно дать подозрение сему двору, что мы настаивали в продолжение долгого времени о сем деле, а в минуту исполнения оно как будто не согласны с ними»³.

Стоит обратить внимание, что количество австрийских войск указано не совсем точно (2 батальона, предназначенных для непосредственного участия в самой операции, и ещё 2 батальона в резерве плюс кавалерия). Впрочем, следует отметить, что

отслеживать с большей точностью ещё и планы не только австрийского правительства, но и армейского командования, наместник, даже располагая собственной мощной агентурной сетью, вряд ли имел возможность.

Между тем Николай I послал «отцу-командиру» ответную весть, причём царское письмо датировано 20 января (1 февраля) 1836 г. Получается, что послание Паскевича было доставлено из Варшавы в Петербург менее чем за трое суток!!! Если, конечно, здесь не имеет место случайная описка, стоит удивиться оперативности курьерской службы русского императора. А заодно и понять, с какой оперативностью царь и наместник обменивались информацией по Кракову. Итак, послание Николая I:

«Сегодня утром получил я письмо твое, любезный Иван Федорович, от 18-го (30-го) числа и, признаюсь, весьма обрадовался, узнав решимость австрийцев, которой не ожидал, видно, что и им краковские глупости надоели. Ты весьма хорошо сделал, что разрешил прямо ввести в случае нужды и наш батальон. Но ожидать согласия Пруссии уже не нужно, ежели одни австрийцы решились. Впрочем, я почти уверен, что теперь и пруссаки не отстанут. Вели только выбрать хорошего и образованного командира в сей батальон с строгим приказанием быть в наружной совершенной команде австрийского генерала, которого считать как бы нашего бригадного генерала. Придать можно к батальону человек 20 казаков, а к австрийскому генералу, в виде ординарца, надёжного квартирмейстерского обер-офицера. Курьер Татищева ещё не прибыл, так что мне неизвестно, чем он столь удачно расшевелил Меттерниха. За сим обнимаю тебя от души. Жена тебе кланяется, а я целую ручки княгине. Твой на веки искренне доброжелательный Н.»⁴.

В день, когда император отправлял это послание, Паскевич уже излагал ему на бумаге самые свежие новости по краковскому вопросу: «Кажется, и в Вене, и в Берлине испугались происходящего в Кракове, но решатся ли на занятие, в том ещё сомневаюсь и буду ждать, что они предложат; надо признаться, что дерзость и злодейство превзошли всякую меру»⁵.

Прусское правительство неофициальным путём довело до Паскевича информацию о том, что оно не будет протестовать против ввода войск трёх покровительствующих держав, но сначала хотело бы получить на это согласие краковского сената.

Подобная постановка вопроса сама по себе ясно давала понять, что Берлин вряд ли согласится с упразднением статуса Вольного города и его поглощением партнёрами по альянсу. Более того, позицию своего правительства прусский король довёл до сената, подав его членам надежду на раскол внутри тройственного альянса. Паны-сенаторы не преминули довести всю информацию — и об угрозе оккупации, и об особой позиции Пруссии — до сведения прессы. «Сие сделано, чтобы и временем протестовать против занятия тремя державами», — заметил Паскевич очевидное. Через русского резидента Унгерн-Штернберга князь Варшавский начал давить на австрийского канцлера и его прусского коллегу, требуя приступить к операции по вводу войск как можно скорее, буквально немедленно.

Давление оказалось столь сильным, что австрийский и прусский резиденты предложили наместнику ввести в город русские части немедленно, не дожидаясь союзников. У Паскевича ко вводу войск всё было готово, но выступать «соло» в качестве «душителя» Вольного города он не собирался.

В конце концов, 28 января (9 февраля) 1836 г., резиденты трёх дворов передали президенту Велегловскому своего рода ультиматум, в котором говорилось, что Австрия, Пруссия и Россия в очередной раз убедились в том, что территория Вольного города Кракова превратилась в «пристанище всякого зла», угрожающего не только внутреннему спокойствию республики, но и безопасности соседних территорий. Поэтому покровительствующие державы требовали в восьмидневный срок очистить краковскую территорию от всех польских эмигрантов.

Для исполнения этой меры было обещано открыть Подгорье и снабдить беглецов средствами для проезда в места своего прежнего проживания. Тем, кто не желал возвращаться на родину, разрешалось отбыть в Америку. Подданные других государств, запятнавшие себя в преступлениях против покровительствующих держав, также должны были удалиться в те же сроки.

Для соблюдения порядка во время процедуры выдворения эмигрантов все три державы считали необходимым придвинуть свои войска к границам Краковской республики. В случае, если краковское правительство по какой-либо причине не справится с поставленной задачей, покровительствующие державы оставляли за собой право самим исполнить намеченное.

Сенат в тот же день поспешил заверить резидентов, что примет все меры к выполнению воли покровительствующих держав и лишь попросил сделать исключения для тех приезжих, кто за время пребывания в Вольном городе связал себя семейными узами, либо приобрёл на территории республики недвижимость. Список этих лиц прилагался к переданному резидентам ходатайству.

При изучении списка выяснилось, что большинство «осевших» оказались активными участниками польского восстания 1830–1831 гг. Практически одновременно краковские власти предложили покровительствующим державам разобраться с находящимися на территории Вольного города преступниками-иностранцами, представив список из 185 человек, преимущественно бродяг и мелких воров, недавно отпущенных из тюрем. Такая публика ни русских, ни австрийцев, ни пруссаков не интересовала. Естественно, покровительствующие державы усмотрели в подобных действиях попытку умышленного запутывания и укрывательства опасных личностей.

4 (16) февраля 1836 г., по истечении восьмидневного срока, власти Вольного города Кракова получили ноту от резидентов, в которой объявлялось: «Краковское правительство, приняв меры нерешительные, не обеспечив успех такими распоряжениями, каких должны были требовать от него покровительствующие державы, как в интересах самого вольного города Кракова, так и в интересах соседних провинций; пропустив срок, назначенный для полного и совершенного выполнения означенных распоряжений и не воспользовавшись облегчениями и средствами, которые были предложены ему для сей цели, дало ясное доказательство, что не только не имеет сил выполнить обязательства, проистекающие для него из 6-й статьи договора 3 мая 1815 года, касательно беглецов и лиц, находящихся вне закона, но даже не имеет желания удовлетворить

их. Три державы, будучи проникнуты обязанностями, каковые налагает на них характер покровительниц вольного города Кракова, равно как и необходимость положить предел беспорядкам, которые нарушают спокойствие этой страны и сопредельных провинций; принимая, наконец, во внимание, что их обещание сохранять строгий нейтралитет свободного города Кракова имеет силу лишь настолько, насколько последний со своей стороны выполняет условия, на коих единственно может основываться его нейтралитет, вынуждены по необходимости принять на себя исполнение всего, что ими признано неизбежным для достижения предположенной цели, чтобы дать мирным обывателям сего края безопасность и спокойствие и защитить их собственные государства от революционных замыслов, для коих Краков и его территория его очагом. А посему нижеподписавшиеся имеют честь уведомить г. президента и сенат, что военный отряд под начальством генерал-майора Кауфмана займёт от имени трёх покровительствующих держав Краков и его территорию. Это военное занятие имеет целью изгнание всех революционных беглецов, эмиссаров пропаганды и людей беспаспортных, которые со времён польской революции набрались в Кракове и его округе и оттуда проводят свои революционные замыслы в соседние государства. Лишь только эта цель будет достигнута и восстановлен будет твёрдый порядок в Кракове, войска трёх дворов оставят немедля город и его территорию. А потому сенат приглашается назначить со своей стороны несколько лиц, с коими военные власти могли бы иметь сношение обо всём, что имеет отношение к их поручению. Деятельность правительства и судов не будет прекращена»⁶.

На следующий день, 5 (17) февраля 1836 г., в Краков вошли войска генерала Кауфмана. Паскевич, по согласованию с австрийцами, прислал отряд из 50 казаков, а также ввёл три роты, занявшие пограничные районы Краковской республики. «По наружной части» эти войска подчинялись австрийскому генералу, хотя на практике, разумеется, получали распоряжения непосредственно от князя Варшавского⁷.

6 (18) февраля были обнародованы два обращения к жителям Вольного города Кракова. В первом австрийский командующий

генерал Франц Кауфман фон Трауенштейнбург объяснял причины появления воинских контингентов покровительствующих держав и обещал жителям, что его подчинённые будут соблюдать строжайшую дисциплину. Во втором воззвании генерал требовал, чтобы все без исключения (и получившие краковское гражданство, и состоявшие на краковской службе, и владельцы недвижимости, и обременённые семьями) участники польского восстания 1830–1831 гг. в шестидневный срок покинули территорию Вольного города через Подгорье.

Тех же, кто ослушается, и тех, кто будет укрывать беглецов, Кауфман обещал подвергнуть строгим наказаниям.

Посчитав, что двух сообщений-ультиматумов недостаточно, австрийский генерал обнародовал третий. В нём он ещё раз предупредил всех тех, кто надеялся остаться в Вольном городе при помощи поддельных документов и прочих незаконных ухищрений, что такие лица всё равно будут выявлены, препровождены по месту рождения и там строго наказаны.

Эти угрозы подействовали на весьма незначительное количество эмигрантов, которые воспользовались «окном» на границе в Подгорье. Большинство же надеялось просочиться через другие места австрийской границы. Некоторые отчаянные головы собирались в небольшие отряды и пытались с помощью оружия прорваться через пограничные заслоны.

8 (20) февраля 1836 г. Паскевич докладывал Николаю I: «Занятие Кракова исполнено, но я думаю, что необходимо воспользоваться сим случаем и стараться, чтобы австрийские войска уже не выходили из сего города и Краков остался бы за Австрией, как то условлено»⁸.

Австрийцы или, точнее, произведённый в «полные» генералы за успешную операцию Кауфман так далеко не заглядывал, зато издавал распоряжение за распоряжением. 9 (21) февраля 1836 г. жители Кракова читали: «В прошлую ночь многие лица пытались на разных пунктах в окрестностях Плешова пробраться на австрийскую территорию и открыть себе массою и с оружием в руках дорогу в том направлении; но эти смельчаки были прогнаны огнём, направленным против них австрийскими войсками. Это происшествие

обязывает меня довести до общего сведения, что все те, кто дерзнёт напасть с оружием в руках на военный кордон, образованный в настоящее время войсками трёх великих держав-покровительниц, будут преданы военному суду и расстреляны»⁹.

Следует отдать должное усердию австрийского генерала, который возглавлял операцию по зачистке Кракова от революционного элемента. Под его руководством сыскная полиция днём и ночью проверяла не только частные дома, но и промышленные и ремесленные здания, монастыри, церкви и даже кладбища. Выловленных нелегалов выдворяли через Подгорье к местам бывшего их проживания. А эмигрантов, причисленных к категории «особо опасных», немедленно отправляли в Америку. Вся эта военная операция наводила ужас на местных жителей. Особенно страдали те, чьи родные и близкие подвергались депортации. Сенат ежедневно заваливали просьбами и ходатайствами за своих родных и близких перед венским правительством.

Николай I и Паскевич между тем были довольны. Из письма «отца-командира» императору от 10 (22) февраля 1836 г.: «Хорошо, что краковское дело приведено к первому концу; но жаль, что и в сем случае прусское правительство оказало ту же систему малодушия, которая всегда прорывается и которая приведёт их к чему худому...». Далее следуют рассуждения о том, что Франция и Англия в настоящее время не выступят против покровительствующих Кракову держав единым блоком, и конкретное указание: «Велю батальон, подошедший в окрестности Кракова, не раздроблять, и вместо 3-х рот послать все 4»¹⁰.

Как видим, Паскевича раздражала недоброжелательная позиция Австрии, но в целом он оценивал ситуацию как вполне оптимистичную. Император был с ним согласен, о чем свидетельствует его письмо от 15 (27) февраля 1836 г.: «Слава Богу, что дело краковское пошло в ход, как мы того желали; я совершенно одобряю, любезный Иван Фёдорович, все твои распоряжения по сему случаю, желание наше видеть австрийцев вперёд — удачно исполнилось; приметно, как они лакомы на Краков — чего нам и надо. Нет сомнения, что во Франции и Англии будут на это кричать. Дургам (английский посол в Петербурге. — А. С.) сего не скрывает,

признавая, однако, что другого ничего не оставалось нам делать и что мы в своём праве»¹¹.

Тем временем, сознавая своё бессилие и чувствуя как президент себя лично оскорблённым за те обвинения в адрес правительства, которые послужили поводом к военному вмешательству в дела Вольного города, Велегловский написал письмо на имя князя Меттерниха с просьбой об отставке.

Вот это послание, яркое и эмоциональное по своей скорбной тональности, и любопытное по множеству изложенных в нём подробностей:

«Из официального письма, которым угодно было вашей светлости почтить меня в недавнее время, я вижу, по всем мерам, признанным необходимыми и принятым от имени высоких дворов, что правительство, членом которого я состою, обвиняется не только на основании фактов, но и простых изветов, будто бы оно не только по моей неспособности, но, что ещё хуже, по преступной небрежности, поддерживало в Кракове польскую эмиграцию, пребывание которой сделалось предосудительным как в вольном городе, так и для пограничных провинций покровительствующих держав. Насколько это обвинение согласуется с истиной, время и обстоятельства объяснят когда-нибудь. В краковской республике, которую высокие дворы желали видеть управляемою на основании органических законов, великодушно ей дарованных, деятельность сенатского президента ограничивается только возможностью обращаться к правительству с предложениями касательно улучшения администрации страны и утверждать своей подписью решения, принятые большинством сената; однако ж нельзя указать ни на одно распоряжение, ни на одно предписание сената, из коих можно было бы извлечь приписываемые ему действия или коими можно было доказать предполагаемое в нём намерение. Поддержка и безопасность польских эмигрантов в Кракове не были никогда обсуждаемы в сенате, а тем менее подписываемые декреты о них; ибо, во время ещё реорганизации сей страны, нотою от 14 (26) сентября 1833 года, решить участь беглецов и дать им возможность или свободно возвратиться на их родину, или удалиться за границу; но представления, сделанные тогда по этому поводу, равно

как и позднейшие неоднократные ходатайства перед конференцией, всегда оставались без ответа, вследствие чего число эмигрантов увеличивалось с каждым днём в Кракове, особенно вследствие мер, принятых против них в Галиции, и такой наплыв эмигрантов был тем легче, что переход из Подгорья в Краков не был оставлен никакими затруднениями со стороны австрийских властей.

Второй упрёк, делаемый правительству, касается допущения в милицию или земскую стражу подданных покровительствующих держав и даже таких, которые поднимали оружие против своих государей. Этот факт никогда не был отрицаем, напротив, вскоре после своего устройства нынешнее правительство предлагало господам полномочным комиссарам распустить милицию, которая уже существовала, удалить подозрительных людей и заменить их посредством набора туземцев. Эта мера была отвергнута нотою от 19 (31) марта 1833 года, и сенат вынужден был оставить милицию в том же положении, в каком нашёл её.

Третье обвинение опирается на происшествие, которое мы все оплакиваем и горестные последствия которого мы все осуждены переносить. Я разумею: разбитое окно 6-го (18-го) января, убийство Павловского и кидание каштанами из окон в день гражданского бала, о чём говорили венские газеты. Первое и второе из этих происшествий, конечно, не могли бы совершиться, судя по их виновникам, если бы конференции резидентов угодно было обсудить благосклонным образом сообщения нижеподписавшегося от 18-го (30-го) мая 1835 года, прилагаемое при сем в копии, и согласиться на удаление из страны: Ксаверия Боссаго, который разбил окно, и Эйсмонта, одного из главнейших участников, как начинает разъясняться теперь, в убийстве Павловского. Итак, вышепомянутая нота, не вызвавшая ни малейшего ответа в течение времени, равняющегося почти целому году, произвела те печальные последствия, которых опасался нижеподписавшийся и которые он предугадал по мятежному характеру помянутых лиц. Наплыв политических эмиссаров и присылка мятежных сочинений, издаваемых польской эмиграцией во Франции и Бельгии, не могли пугать правительство, которое знало, что каждая провинция, соседняя с нашим государством, имеет границу и таможенно, хорошо охраняемые, и что все почтовые учреждения в нашем

городе находятся в руках иностранных властей. Что касается эмигрантов и их пребывания здесь, то да будет мне позволено заметить, что ни один из них не в состоянии доказать, что снабжён паспортом для Кракова; все они, имея паспорта для австрийской Галиции, вступили в наше государство только под видом проезда. Краковское правительство никоим образом не может быть ответственно за то, что дирекция бреславской полиции позволила себе визировать на Краков паспорта, данные Пруссией для въезда в австрийские земли, и совратить таким образом помянутые лица с пути, который им был назначен надлежащими властями; тем более что президент, основываясь на фактах, предупреждал вовремя конференцию о неудобствах, проистекающих из того, что сюда прибывают различные лица под вымышленными именами, и даже о том, что он, по мере появления в Кракове таких лиц, извещаем был о прибытии Доливы под именем Бека, Цибульского под именем Ришара, Фаддея Забицкого под именем Назарчука; в доказательство таких подозрений он сообщал гг. резидентам паспорта в оригинале. Такова непрекаемая истина, ваша светлость, которую легко доказать актами и официальной корреспонденцией и которой не может отвергнуть резидент его императорского и королевского апостолического величества, не став в видимое противоречие с документами, следы коих также находятся у него.

Я буду ссылаться до конца для моей личной защиты на правительственные акты, чтобы доказать, каковы были моё поведение, предложения, внесённые в сенатские заседания, и мои усилия для поддержки и утверждения общественного порядка. Но не могу разъяснить вашей светлости истинную причину столь великого наплыва эмигрантов в Краков, ибо это может иметь некоторый вид обвинения, и я предпочту всегда пасть одинокою жертвою, чем доносить на кого бы то ни было»¹².

Таким образом, практически всю вину за сложившуюся в Кракове ситуацию с польскими эмигрантами Велегловский возложил на резидентов покровительствующих держав, воздерживаясь, разумеется, от попыток объяснить их столь странное поведение.

Судя по всему, Велегловский уже тогда сознавал обречённость Вольного города Кракова и поэтому заявил князю Меттерниху о своем выходе из сената:

«Вашей светлости угодно было за три года перед сим признать нижеподписавшегося, который уже сознавал слабость своих сил, к посту президента, сделавшемуся чрезвычайно трудным в силу обстоятельств; вам угодно было ясно выразить мне свою волю. Желая всегда повиноваться верховной воле высоких дворов и вашей светлости, я принял это звание и, если б имел какую-нибудь поддержку от конференции, надеюсь, что с Божией помощью выполнил бы свои обязанности. Ныне же, видя, что все мои усилия были парализованы, я нашёл необходимым оставить моё место и представить просьбу об отставке гг. резидентам; конференция на основании полномочий, которые у неё должны быть, приняла мою просьбу. А потому я желаю только оправдаться перед вашей светлостью и принести жалобу вам на то, что, не уличённый в ошибках, я подпал за них наказанию в виду населения страны и чужеземцев, хоть польские беглецы по простому приглашению правительства, когда им было указано на Подгорье, назначенное для выезда, удалились из Кракова с покорностью и нравственною решимостью, беспримерною в подобных случаях, проявляя свои чувства только слезами и трогательными объятиями. Беспреданно тревожимый, призываемый всякий день к начальствующему генералу, я легко мог видеть с первых же минут военного занятия города, что благосклонность высоких покровительствующих дворов ко мне как к главе правительства была разрушена или пренебрегаема. Не моё дело ни судить о том, принесло ли пользу краковской территории и соседним провинциям соединение воедино и гуртовое изгнание эмигрантов, ни доказывать, что правительство, которое могло простым воззванием склонить почти всех беглецов к удалению из Кракова до вступления войск, пользуется, несмотря на недостаток физической силы, ясным нравственным влиянием даже на иностранцев, которые пребывали в его стране. Было бы, конечно, излишне останавливаться на этих рассуждениях, ибо ваша светлость сумеет оценить их в своей высокой мудрости, всегда руководимой чувством справедливости и благоволения. Если унижение прави-

тельства, моё личное унижение, было недостаточно, чтобы удовлетворить воле высоких дворов и восстановить полный порядок, я отрекаюсь от своего звания без ропота и только прошу вашу светлость рассмотреть мои оправдания, сравнить их с оригинальными актами и, обсудив таким образом всё моё поведение, не оставить меня своим милостивым покровительством, которое я испытывал в течение трёх лет моего президентства и которое, как я льщу себе, не было никогда незаслуженным»¹³.

Однако Велегловский был не тот человек, к призывам которого могли бы прислушаться правительства покровительствующих держав, всерьёз ставившие под сомнение его лояльность. В Петербурге к нему были настроены весьма недоброжелательно. 2 (14) марта 1836 г. Николай I писал Паскевичу:

«Продолжение добрых известий из Кракова весьма приятно. Появление там наконец и прусского войска сделает на Европу самое полезное влияние; увидят, что союз наш не разрушен и что наконец некоторая решимость появилась вновь в наших союзниках и даже у пруссаков. Самое число изгнанных доказывает, справедлива ли избранная нами мера. Ежели действительно докажется, что Велегловский потакал и даже сам участвовал в открытых замыслах, следует его судить со всею строгостию и сделать над ним пример»¹⁴.

Трудно сказать, чей голос оказался решающим — Николая I или Меттерниха, но Велегловского хотя и не отдали под суд, однако сняли с должности президента, заменив его на сенатора Галлера.

Правда, это поспешное назначение снова расходилось с буквой уставов, выработанных реорганизационной комиссией, поскольку право выбора временного президента до созыва очередного сейма принадлежало самому сенату.

Но сам выбор вполне соответствовал сложившейся ситуации и лежал в русле наметившейся тенденции к полной ликвидации Краковской республики.

Преемник Велегловского сенатор Иосиф Галлер — почтенный краковский обыватель — имел обширные земельные владения

в Галиции, так что австрийские интересы плотно и в самом буквальном смысле соседствовали с его личными интересами.

И Галлер постарался оправдать оказанное ему покровительствующими державами (прежде всего австрийцами) доверие.

Буквально на следующий день после своего назначения он убедил сенат подписать декрет о наказании граждан республики, уличённых в укрывательстве эмигрантов подлежащих выдворению. На таких граждан сенат налагал штраф в размере 500 флоринов. Если нарушитель не имел средств, необходимых для выплаты штрафа, его приговаривали к двухгодичному тюремному заключению.

Через десять дней сенат объявил о начале переписи всех жителей Краковской республики. В ходе этой переписи предполагалось составить список тех, кто каким-либо образом оказывался замешан в польском восстании.

Если таковым оказывался эмигрант, его предписывалось выдворять на родину незамедлительно, если же речь шла о гражданине Вольного города Кракова, то для выезда ему отводились более широкие временные рамки.

Но на этом Галлер не успокоился. В начале марта сенат обратился к резидентам с инициативой организовать особую комиссию. Предполагалось, что главной задачей этой комиссии станет проверка документов всех жителей города на предмет подлинности, с целью выявления успевших легализироваться теми или иными способами подозрительных личностей.

Чуть ранее в Краков прибыл прусский контингент в составе двух кавалерийских эскадронов, однако эта демонстрация единства покровительствующих держав не имела должного эффекта, поскольку Англия и Франция устами своих посланников в Берлине и Вене решительным тоном потребовали вывести войска, ссылаясь, разумеется, на постановления Венского конгресса.

Этот согласованный демарш крайне встревожил союзников. В воздухе запахло большой европейской войной, которую ни русское, ни прусское правительства вести совсем не хотели, поскольку Краков был не их призом.

Пруссаки первые согласились вывести свои войска, в то время как российский посол в Берлине Татищев предложил Николаю I

некое подобие компромиссного варианта: русские войска тоже уходят, а австрийские остаются. Под сенью их штыков резиденты покровительствующих держав проводят реформу полиции, а также новые структурные преобразования органов власти, имеющие целью низведение сената до уровня обычного городского муниципалитета. Одновременно ужесточается таможенный режим вокруг Краковской республики. Конечная цель заключалась в том, чтобы фактически лишить Вольный город последних признаков самостоятельности и через некоторое время, под очередным предлогом, аннексировать его в пользу Австрии. Разумеется, предложение это носило секретный характер и должно было обсуждаться исключительно в политических кругах покровительствующих держав. Однако и краковские политики, и французы, и англичане без особого труда должны были предугадать возможность подобного развития событий.

Паскевич не питал в данном случае никаких иллюзий, считая, что «идея весьма хорошая, но исполнение, мне кажется, весьма трудное будет». В том же письме Николаю I от 11 (23) марта 1836 г. он, однако, констатировал, что попробовать реализовать подобный сценарий всё-таки стоит: «Удаление наших и прусских войск успокоит Европу и может подать австрийскому правительству решимость удержать и далее свои войска. Французам и англичанам можно ответить, что войска двух держав уже выведены, что третьей державы войска остаются только для некоторых распоряжений. На вывод наших войск буду дожидать повеления Вашего Императорского Величества».

Ещё один фактор, который тревожил наместника Царства Польского, — это явно недоброжелательная позиция Пруссии. В письме от 19 (31) марта 1836 г. он отмечал, что между русским и австрийским контингентами с одной стороны и прусским с другой в Кракове сложились крайне напряжённые отношения. Указывал на постоянные требования Берлина скорее вывести контингенты всех трёх покровительствующих держав и приходил к выводу: «Хотя бы желательно было занятие Кракова долее продлить, неловко б было, однако, противоречить нашим союзникам, когда они решительно настаивают на выводе войск. Впрочем, по-видимому,

чуть ли не лучше сие будет, чем давать случай новым неприятностям с правительствами»¹⁵ (имеется в виду — правительствами Англии и Франции).

Краковские власти со своей стороны почувствовали, что ситуация изменилась в их пользу, и пытались не провоцировать покровительствующие державы.

1 (13) апреля 1836 г. резиденты одобрили инициативу сената о создании комиссии по выявлению подозрительных лиц и назначили в неё своих представителей: от Австрии — правительственного комиссара Вольфарта, от Пруссии — Клейна и от России — коллежского асессора Коростовцева. Кроме того, резиденты снабдили особую комиссию инструкцией, в которой подробно описывался механизм деления выявленных участников польского восстания на краковских граждан и подданных других держав.

В частности, в этой инструкции было сказано: «... все те, которые до участия в польской революции, то есть до 18-го (30) ноября 1830 года, действительно владели правом гражданства в Кракове, могут остаться в нём; все другие должны покинуть его территорию. Право краковского гражданина должно проистекать или от рождения, или от принятого. В первом случае надо доказать документами, заслуживающими доверия, что данное лицо рождено на краковской территории и не потеряло своего права, сделавшись подданным другого государя вследствие различных территориальных изменений, совершившихся с того времени. Положение несовершеннолетних должно было определяться положением их родителей. Приобретение права гражданства признано несомненным: 1) если прибытие в Краков совершилось до 20-го мая (1 июня) 1821 года и если с того времени поселившийся проживал здесь; 2) если до 18-го (30) 1830 года протекло пять лет со времени появления в Кракове, и если притом была приобретена недвижимая собственность; если, наконец, до 18-го (30) 1830 года получен был от сената декрет, даровавший права гражданства»¹⁶. Все спорные ситуации, которые неизбежно должны были возникать при работе комиссии, разрешались только непосредственно с ведением резидентов.

После принятия всех этих мер Краков буквально за два месяца был очищен от всех подозрительных личностей. А поскольку повод для дальнейшего пребывания войск исчез, встал вопрос о необходимости вывода войск из Вольного города. Прусское правительство в этом отношении давило на Россию посредством «семейной дипломатии», используя родственные связи между Николаем I и Фридрихом Вильгельмом IV.

Уходить из Вольного города, не решив краковский вопрос окончательно, Николаю I не хотелось, но в конце концов он всё же предпочёл оставить австрийцев одних — выполнять всю самую тяжёлую работу.

Данное обстоятельство обеспокоило общественное мнение, и сенат обратился к резидентам за разъяснениями: 21 мая (2 июня) сенаторы получили ответ: «... давая существование краковскому государству посреди своих владений, августейшие покровители его, конечно, не могли иметь намерение создать из него очаг для заговоров против их пограничных провинций, убежище для революционеров и недовольных всякого рода, предмет нескончаемого беспокойства для соседей, каким Краков сделался в последнее время. Законы и учреждения, существующие в этом государстве, не могли устранить означенных зол и опасений; а потому признано совершенно необходимым произвести в них некоторые изменения, согласные с обстоятельствами»¹⁷.

Далее конференция резидентов перечислила свои требования, необходимые к исполнению. Первое — преобразование милиции. Теперь на должность начальника милиции следовало назначать человека «правильных» политических убеждений и прошедшего процедуру утверждения у резидентов. Все остальные офицеры и солдаты, состоявшие на службе в милиции, не должны были являться участниками польских событий.

Численность милиции следовало довести до 450 пехотинцев, включая сюда служащих полиции и 40 конных жандармов. Начальник милиции должен был самолично отбирать кандидатов в офицеры милиции и представлять их на утверждение в сенат.

Солдатами милиции могли являться только граждане Кракова или подданные одной из покровительствующих держав, не младше

25 лет, физически и нравственно здоровые, кристально чистые перед законом и принявшие на себя обязательства отслужить в милиции не менее шести лет. Также следовало позаботиться о материальных привилегиях служащих в милиции — увеличить жалование, на случай болезни и при выходе в отставку выдавать пособия.

Для разработки нового устава о службе, дисциплинарных и уголовных кодексов милиции сенат должен был создать комиссию совместно с начальником милиции и результаты своей работы представить на утверждение конференции резидентов.

Второе требование резидентов заключалось в реорганизации полиции.

Для укрепления контроля над деятельностью полиции и повышения эффективности управления ею предлагалось сосредоточить всю власть над ней в руках президента и сената, для чего требовалось изменить параграфы 16 и 11 сенатского устава, которые ограничивали эту власть только контролем над высшей полицией. Кандидатура начальника полиции, представленная сенатом, должна была перед выборами проходить утверждение резидентов. Назначать и увольнять остальных полицейских чинов мог только директор полиции. Для содержания тайной полиции следовало утвердить соответствующий фонд. О расходовании средств фонда директор полиции должен был отчитываться только перед президентом. Размеры денежного содержания самого директора полиции, ввиду важности и ответственности должности, предлагалось увеличить.

И третье требование резидентов заключалось в том, чтобы реорганизовать работу отдела полиции, осуществляющего надзор за иностранцами. Для них предлагались следующие правила:

- не допускать на территорию Краковской республики иностранных подданных без надлежащих документов;

- задержанных с неправильно оформленными документами немедленно отсылать в страну их подданства;

- ужесточить наказания за подделку паспортов и проездных документов;

- задержанных за подделку паспортов и проездных документов подданных трёх покровительствующих держав немедленно

выдавать их правительствам, а подданных других государств — выдворять из Кракова.

Следовало ужесточить наказание тех должностных лиц, по вине которых на краковскую территорию проникали иностранцы с ненадлежащими документами.

Со своей стороны резиденты заверяли, что на пограничных заставах трёх покровительствующих держав будут созданы все условия для быстрого приёма выдворяемых краковским правительством иностранцев, а также налажен строгий контроль за визированием паспортов желающим посетить Краков.

Таковы были требования резидентов, только по исполнении которых австрийские войска могли покинуть город.

Сенату ничего не оставалось, как только принять все выставленные условия.

Преобразованием милиции поручено было заниматься австрийскому комиссару Вольфрату, который, совместно с генералом Кауфманом, позаботился, чтобы в её состав вошли офицеры и солдаты австрийской армии.

В качестве обоснования утверждалось, что население Вольного города неохотно идёт на службу в милицию на предложенных условиях, а большинство претендентов не соответствует предъявляемым требованиям. В результате сенат, под нажимом Вольфрата, обратился с просьбой к австрийскому двору, чтобы он разрешил офицерам и солдатам армии Габсбургов поступать на службу в краковскую милицию. Естественно, разрешение было получено. Начальником новой милиции стал майор австрийской армии. По окончании формирования краковская милиция более чем наполовину состояла из солдат и офицеров, проходивших службу в австрийских полках в Галиции, причём за ними даже сохранялись прежние звания.

Когда встал вопрос о принятии дисциплинарного и уголовно-уголовного кодекса, начальник полиции предложил в качестве образца военный кодекс зависимого от австрийцев итальянского княжества Модена. На это сенат вынужден был заметить, что принятие подобных актов находится в сфере компетенции сейма, он же может только выступить с инициативой, но подобная инициатива не нашла бы отклик в собрании представителей, поскольку

кодекс входил бы в противоречие с действующей в республике конституцией.

Во-первых, текст присяги и прописанные в предлагаемом кодексе обязанности милиционеров противоречили правам и обязанностям гражданина Вольного города Кракова. Во-вторых, кодекс выводил милицию из-под юрисдикции судебных учреждений республики и превращал из простой внутренней стражи в вооружённую силу, подчинявшуюся президенту. Своеобразие ситуации заключалось в том, что начальник милиции имел формальное право не подчиняться приказам правительства, если признавал это необходимым.

Начавшийся спор из-за милиции затормозил процесс её преобразования на неопределённый срок, а вместе с тем сдвинул на неопределённое время и сроки выхода австрийских войск из города.

Совсем по-другому обстояли дела в полиции, преобразование которой также осуществлялось с явным проавстрийским уклоном, не встречая серьёзного сопротивления у властей Вольного города.

После того как на объявленный сенатом конкурс на замещение вакантной должности директора полиции никто из граждан Кракова не откликнулся, на помощь правительству пришла конференция резидентов, предложившая на пост директора и организатора австрийского полицейского комиссара в Подгорье — Гута. Это назначение прошло с нарушением всех конституционных и уставных норм, поскольку, во-первых, не было подтверждено никаким официальным документом, а во-вторых, Гут вступил в должность, не принеся присяги, обязательной для всех краковских чиновников. Более того, статья, определявшая размеры жалования Гута, не была прописана в городском бюджете, а соответственно, получалось, что он не нес никакой ответственности перед государством, на службе которого находился. Весьма удобные условия контракта. И Гут не раз ими злоупотреблял.

Шеф тайной полиции успешно использовал то, что, говоря современным языком, можно назвать «медиа-ресурсами». Со времени его назначения в австрийских газетах стали появляться статьи, в которых недвусмысленно звучали намёки о зреющем в краковском подполье политическом заговоре, направленном сразу

против всех трёх покровительствующих держав. Гут посчитал эти «намёки» достаточным основанием для того, чтобы наводнить город австрийскими агентами и устраивать слежки, облавы, обыски и повальные аресты. Буквально за два месяца краковские тюрьмы оказались забиты подследственными. Но аресты продолжались, так что пришлось задействовать даже гостиницы, превратив их во временные тюрьмы.

Правительство оставалось в полном неведении, не имея никаких формальных возможностей справляться о деятельности полиции.

Завершив аресты, Гут открыл следствие по делу о тайных обществах. Когда дело было передано в суд, все обвиняемые отказались от своих показаний, заявив, что дали их под давлением. Остальные доказательства, представленные следствием, уголовный суд первой инстанции не счёл достаточными для вынесения обвинительных приговоров, и все подсудимые оказались оправданы. Кроме того, суд составил обвинительный акт против самого Гута, обвинив его в злоупотреблении властью. Гут, в свою очередь, заявил, что не признаёт никаких обвинений от краковской юстиции, поскольку не зависит от местных властей. Действие обвинительного акта против директора полиции было приостановлено.

Затем под давлением резидентов сенат вынужден был обжаловать решение суда первой инстанции, и обвиняемые вновь оказались за решёткой. Но краковскому суду было запрещено допрашивать свидетелей, которых выставили обвиняемые в качестве очевидцев применения к ним допросов с пристрастием. Отказ был мотивирован всё тем же обстоятельством — большинство свидетелей находились на службе в австрийском гарнизоне и так же, как их директор полиции Гут, для краковской Фемиды оказывались недоступны.

В результате ситуация оказалась в юридическом тупике, что только приободрило директора полиции, вдохновив его на новые «подвиги».

Между тем приближалось время созыва очередного сейма, на котором должны были пройти выборы новых сенаторов и их президента, а кроме того, предстояло рассмотреть административные отчёты за три года. Сенат предвидел жёсткую критику палаты

представителей в связи с последними событиями, относящимися к организации милиции и полиции, а равно и последствиями, вызванными появлением этих структур.

Чтобы ослабить нападки сейма, сенат при поддержке конференции резидентов внёс в сеймовый устав шесть поправок.

Первая поправка вводила президентскую цензуру в процедуру обнародования сеймовых заседаний. Вторая — предусматривала наказание для сеймовых секретарей, которые допускали какие-либо дополнения в изложении прений; виновника следовало исключить из собрания представителей и лишить права участвовать в избирательных собраниях, а также самому быть избранным сроком на шесть лет. В соответствии с третьей поправкой список кандидатов на сенаторские звания следовало представлять на утверждение конференции резидентов, которая имела право исключать неудобных. Четвёртая обязывала все споры, возникшие между сенатом и сеймом относительно бюджетных статей, решать в конференции резидентов. Пятой поправкой сенату предоставлялся особый фонд в размере 600 000 злотых из общественных сумм на не предусмотренные бюджетом расходы. Правда, оговаривалось, что расходы эти должны быть продиктованы обстоятельствами, грозящими безопасности страны. И, наконец, шестая поправка давала сенату право, в случае если во время сеймовой сессии в городе вспыхивали беспорядки, продлевать срок полномочий всех действующих чиновников на шесть месяцев. Если по истечении указанного срока во время возобновившейся сессии беспорядки вновь повторялись, сенат мог распустить сейм и назначить новые выборы, предварительно получив на то согласие конференции. При этом все административные и судебные учреждения сохраняли свой прежний состав. Сохранялся также и старый бюджет.

Ограничив принятием этих поправок права сейма, сенат развязал себе руки во внесении неконституционных изменений в существующие уставы, не опасаясь обструкции со стороны собрания представителей.

В декабре 1836 г. в Кракове должны были пройти выборы представительных органов власти всех уровней, в связи с чем Николай I и

Паскевич надеялись, что командующий австрийским контингентом Кауфман сумеет контролировать их ход, проведя нужных людей.

Как отмечал биограф Паскевича А.П. Щербатов: «В этом отношении требования фельдмаршала вполне согласовались с невысказываемыми желаниями венского двора, который, соглашаясь с Англией и Францией, одновременно стремился под предлогом “окончательного водворения спокойствия”, продлить занятие своими войсками Кракова, а при случае и присоединить его к Австрии, согласно Теплицкому решению»¹⁸.

Любопытно, что при этом Паскевич опасался влияния краковских событий на ситуацию в Царстве Польском. Беспокойство, впрочем, оказалось беспочвенным. Как отмечал он в очередном послании Николаю I: «Все удивляются спокойствию в Варшаве, в то время как в Кракове происходят неистовства. В публичных маскарадах было до двух тысяч человек, и всё спокойно»¹⁹.

Правда, очевидной выгоды краковские выборы Австрии не принесли, однако сторонники сотрудничества с великими державами удерживали контроль над сенатом, а расширенные полномочия этого органа позволяли использовать его для дальнейших манипуляций в сторону ликвидации статуса Вольного города. И подобного рода действия не заставили себя ждать.

28 августа (9 сентября) 1837 г. конференция резидентов направила в сенат ноту, в которой предлагалось изменить параграфы 7 и 11 конституционной хартии.

Суть изменений была такова: параграф 7, гласивший: «Сенат пользуется исполнительной властью со всей её обширностью; всякая исполнительная и административная власть получает своё начало только от него», теперь читался так: «сенат и его президент пользуются исполнительной властью, согласно действующим законам и уставам», а параграф 11, предписывающий, что «сенат назначает на все административные места, кроме изъятых из того конституцией», был изменён следующим образом: «Сенат назначает на все административные места, кроме изъятых из того конституцией или относительно которых будет постановлено иначе»²⁰.

Эти изменения значительно расширяли полномочия президента, который мог теперь по своему усмотрению отменять любое постановление сената. Модернизированный 11-й параграф, во-первых, узаконивал уже состоявшиеся назначения на посты начальника милиции и полиции, а во-вторых, в дальнейшем ставил их назначение и увольнение в зависимость от резидентов.

Кроме того, этой же нотой из права о помиловании, принадлежащего сенату и президенту, были изъяты преступления, совершённые членами милиции, что узаконивало их подчинение особому исправительному и уголовному кодексу, утверждённым конференцией.

И наконец, были отменены должности общинных мэров и добавочных судей, а их полномочия оказались переданы полицейской дирекции и окружным комиссарам.

Все эти политические изменения в жизни республики проходили на фоне возрастающего общественного недовольства, вызванного апелляцией сената на оправдательный вердикт краковского суда по делу о тайных обществах.

И сенат обратился к конференции резидентов с просьбой уведомить покровительствующие державы в назревшей необходимости реформировать также и судебную систему, чтобы в дальнейшем исключить возможность возникновения подобного рода затруднений. Другими словами, сенат предложил и судебную систему превратить в послушную марионетку правительства, а следовательно, и резидентов.

Естественно, подобная просьба нашла живую поддержку в Петербурге, Берлине и Вене, о чём и было сообщено сенату с одной лишь оговоркой, что, поскольку предмет исключительно важен, требуется определённое время для согласования между тремя покровительствующими державами.

Пока же сенату разрешалось созвать сейм и довести до сведения депутатов о намерении покровительствующих дворов произвести перемены в организации судов и попросить их не проводить выборы на вакантные места в судебном ведомстве, за исключением вакансий мировых судей. Также сейму не следовало

заниматься выборами сенаторов и президента, поскольку правительства покровительствующих держав решили продлить полномочия действующего правительства республики ещё на три года. И наконец, резиденты напоминали, что, поскольку организация милиции и полиции уже утверждена покровительствующими державами, то и статьи бюджета, предназначенные для содержания этих структур, не могут подвергаться обсуждению.

С такими урезанными полномочиями приступил к работе предпоследний сейм, открывший свою сессию в 1837 г.

ГЛАВА 6

НОВЫЕ «ЗЛОДЕЙСТВА» НЕПОКОРНОГО КРАКОВА

Ситуация с законами, регулирующими политическую жизнь Кракова, к моменту открытия сеймовой сессии 1837–1838 гг. сложилась весьма конфликтная. Первоначальная конституционная хартия, данная Вольному городу по венскому договору 1815 г., в результате вмешательства покровительствующих держав претерпела значительные изменения. Ещё большей трансформации подверглись уставы, определяющие устройство сената, собрания представителей, судебных учреждений, университета, общинного управления, милиции и полиции. И хотя ещё в 1833 г. реорганизационной комиссией было законодательно закреплено следующее правило: «... чтобы устранить на будущее время всякие затруднения, на случай каких-либо сомнений при толковании органических статутов политических учреждений, комиссия признала за неизменное правило и основание, что органические статуты, вытекающие из конституции и будучи только её развитием, не должны быть объясняемы способом, противоречащим фундаментальному закону», на практике это правило вовсе не применялось¹.

За время управления Краковом конференцией резидентов в городские уставы и в саму конституцию были внесены такие изменения, которые совершенно нарушили принцип приоритета конституции над уставами. По конституции существовало чёткое разграничение: законодательная власть принадлежала сейму, а исполнительная — сенату. Но в результате постоянных изменений значительная часть законодательной деятельности перешла в руки сената. И в то же время, будучи сам не самостоятельным органом,

а структурой, зависимой от конференции резидентов, сенат не являлся полноценным законодателем. В конечном итоге сложилась совершенно новая политическая конструкция, в которой сенат играл своего рода роль посредника между конференцией резидентов и остальными политическими структурами Краковской республики.

Естественно, такое положение вещей не могло устраивать сейм, который в основной своей массе состоял из обывателей города Кракова. Депутаты обвиняли сенаторов в неконституционных действиях, а через них вступили в конфронтацию с конференцией резидентов, что, в сущности, было сенату только выгодно, поскольку обеспечивало ему поддержку союзника, слово которого могло оказаться решающим. Правда, этот же союзник мог и похоронить Краковскую республику со всеми её органами власти. Но о подобном сценарии в пылу политических споров многие могли просто не задумываться.

Первым поводом для прямой конфронтации сейма и конференции стали прения вокруг бюджета. Сейм не хотел признавать те расходные статьи бюджета, которые не были утверждены предыдущим сеймом и которые появились в представленном сенатом бюджете благодаря новой поправке в сеймовом уставе о фонде, выделяемом на непредвиденные расходы.

Кроме того, сейм, опираясь лишь на конституцию, позволил себе внести значительные изменения в отдельные статьи бюджета, хотя, по сеймовым уставам, имел право только принять бюджет или отвергнуть его.

Сенат не стал протестовать против подобного нарушения, а выжидал, пока сейм направит стрелы своей критики в адрес конференции резидентов. Расчёт был верный. 26 января (7 февраля) 1838 г. сейм направил обращение к трём покровительствующим державам, в котором фактически вся вина за бедственное положение в Кракове возлагалась на конференцию трёх резидентов, чьё постоянное вмешательство во внутренние дела Вольного города лишь усугубляло противоречия между различными ветвями власти.

Вот выдержки из этого обращения:

«... Чтобы составить себе понятие о том, что сделалось с материальным благосостоянием страны, достаточно прочесть официальный отчёт, представленный палате правительствующим сенатом, и выслушать горькие жалобы, поданные торговой корпорацией и ремесленными цехами нашего города. И ввиду такого разорения требуют от собрания представителей, чтобы оно согласилось на огромный бюджет, удвоенный сравнительно с тем, который организационная комиссия нашла возможным возложить на страну среди обстоятельств, совершенно иначе сложившихся и более удобных для её преуспеяния! Вот уже два года как наши свободные сообщения, некоторым образом секвестрованные в наших узких границах, прерваны с пограничными государствами и особенно с Царством Польским, так что произведения нашей промышленности имеют затруднительный и ограниченный вывоз, между тем как предметы, вывозимые из соседних государств, находят на нашей территории свободный рынок. Краковский университет, который, будучи посещаем юношеством соседних стран, согласно Венскому договору, мог бы обеспечить краю известное благосостояние и выгоды, приносимые научным движением, имеет ныне ограниченное число студентов вследствие запрещения молодёжи соседних провинций учиться в нем. Эта мера удержана, несмотря на то что университет преобразован согласно с намерениями покровительствующих государей и конкурс для занятия кафедр профессорами подчинён решению университетов, находящихся в государствах, покровительствующих Кракову. Удивляться ли тому, что кредит, промышленность и торговля разрушены в этой несчастной стране, существование которой каждый месяц, принося новые перемены в её учреждениях, делает всё более и более загадочным и неверным? Хотя сама конституция претерпела в сентябре 1837 года только лёгкие изменения, но перемены, внесённые в то же время в органические статуты, имели целью создание множества властей и независимых друг от друга учреждений, так что в этом смешении жители вольного города Кракова и его территории не знают более, к каким властям или законам они должны прибегать? Эти перемены отняли у собрания представителей права избрания должностных лиц, что было обеспечено за ним конституцией, и оно лишено таким образом одного из самых существенных прав своих...

Наиболее важные должности поручены иностранцам, которые не подчинены нашему правительству и не ответственны перед ним и которые даже отказываются принести присягу законам страны...»².

Далее депутаты сейма от жалоб перешли к просьбам:

«...Мы умоляем ваши величества прислать новую комиссию, столь же беспристрастную, как и совестливую, для исследования нынешнего порядка вещей и подтверждения нашей невиновности. Мы умоляем вас восстановить правительствующий сенат в его прежнем значении и, поставив его во главе всех властей, возратить единство управления, которое ныне не существует более. Благоволите дозволить, чтобы дарованы были облегчения в наших торговых связях и ежедневные сношения с жителями ваших государств. Дозвольте, наконец, чтобы молодёжь соседних провинций могла посещать наши школы и наш университет, устроенные на основаниях, вами самим указанных»³.

Сейм просил сенат довести своё обращение-мольбу до сведения покровительствующих дворов, но, как и следовало ожидать, сенат лишь переправил его резидентам, где оно и «легло под сукно».

Не дождавшись ответа, сейм в ходе последнего заседания принял ещё одно обращение, содержащее лишь краткое изложение его просьб покровительствующим дворам:

«Краковский сейм, заканчивая свою сессию, ходатайствует перед тремя покровительствующими державами: 1) чтобы австрийские войска оставили краковскую территорию; 2) чтобы границы этой республики были открыты для торговли и путешественников, согласно конституции, дарованной в 1815 году Венским конгрессом; 3) чтобы учреждения и регламенты 1833 года были снова объявлены действующими; 4) чтобы власть, сила и значение, которыми сенат пользовался издавна, были восстановлены; 5) чтобы отныне управлял сенат, а не комиссия, состоящая из трёх резидентов покровительствующих держав и генерала, командующего австрийским оккупационным отрядом; 6) чтобы дирекция полиции и дирекция таможен были возвращены в руки местных властей краковской республики»⁴.

Возлагая большие надежды на составленные обращения, сейм закрыл свою сессию.

6 (18) апреля 1838 г. сенат осведомился у резидентов о судьбе двух представленных сеймовых обращений и спустя месяц получил ответ, в котором резиденты сообщали, что, ввиду явного неприличия этих обращений, они оставлены без последствий.

Таким простым способом демарш собрания представителей был похоронен в стенах конференции резидентов.

Но оставались ещё постановления сейма, которые никак не согласовывались с предложениями сената. Сенат, в свою очередь, двумя нотами известил об этом конференцию резидентов. Конференция принялась устранять возникшие противоречия.

Во-первых, резиденты не утвердили ни один из проектов устава учётной комиссии, которая действовала в период между сеймами и призвана была контролировать все финансовые операции правительства. Проект, подготовленный сенатом, показался резидентам слишком поверхностным, в основном по той причине, что не содержал чётко прописанных механизмов урегулирования противоречий, на случай если такие возникнут между сенатом и учётной комиссией. Второй проект, разработанный самой учётной комиссией, был признан резидентами излишне самостоятельным, в том смысле, что наделял комиссию полномочиями финансовой диктатуры.

Резиденты поручили сенату заняться разработкой новой редакции устава учётной комиссии с учётом высказанных замечаний.

Конференция уведомила сенат, что все финансовые постановления сейма следует считать недействительными, и ссылалась на 15-й параграф конституции, по которому сейм мог только отвергать или принимать предложения сената, а также на параграфы 119 и 120 сеймового устава, запрещающие сейму вносить любые изменения в бюджет.

Кроме того, конференцией был отменён утверждённый сеймом законопроект о личных податях и промысловых налогах, предусматривавший снижение общей суммы налогов, а также изменение системы расчёта налогов и податей. В силе оставалась

последняя редакция финансового закона от 24 декабря 1820 г. (5 января 1821 г.).

Далее конференция признала незаконным постановление сейма о государственных доходах от вырубки леса, в котором палатой представителей была увеличена почти вдвое общая сумма доходов. Резиденты рекомендовали оставить сумму доходов на уровне постановлений сейма созыва 1833 г.

Также конференция признала неправомерным постановление сейма об отказе принять представленный сенатом указ о повышении тарифа на налог с гостиниц, трактиров, харчевен и тому подобных заведений, а также на торговлю спиртными напитками.

Также резидентами были отменены и отправлены на пересмотр в сенат все постановления сейма, касающиеся назначения пенсий, увеличения жалований и выдачи денежных вознаграждений, на основании того, что дела эти не были первоначально рассмотрены в сенате.

Лишь в двух спорных вопросах, возникших между сеймом и сенатом, конференция резидентов приняла сторону сейма и отвергла предложения сената. Первым был вопрос, касающийся компенсаций крестьянам, ведущим свои хозяйства на государственных землях и выплатившим в казну ошибочно начисленные им чрезмерные суммы выкупной платы. Вторым вопрос касался порядка содержания военного отряда, стоявшего в Кракове. Резиденты отвергли предложение сената сохранить старый порядок содержания и поддержали порядок расчёта, предложенный сеймом, по которому расходы австрийцев на отопление и освещение предоставленных им помещений предлагалось покрывать из средств, выделенных на милицию.

В результате конференция резидентов практически аннулировала всю законодательную деятельность прошедшего сейма, касающуюся финансовых вопросов. Но сейм, принимая свои постановления без процедуры обсуждения в сенате (чего требовали сеймовые уставы), заранее понимал, что эти постановления будут отменены, и шёл на конфликт сознательно, исключительно ради того, чтобы заявить о своём несогласии с действиями сената и в целом со сложившейся в Вольном городе политической обстановкой.

Такая открытая конфронтация подвигла конференцию резидентов на радикальные меры, которые, по её расчетам, должны были исключить всякую возможность противостояния между сенатом и сеймом. Главной причиной этого противостояния резиденты считали право обеих палат вести законотворческую работу. Отсюда напрашивалось единственно возможное решение проблемы: ограничить сейм правом лишь принимать к сведению и утверждать все постановления сената, а недостаток законодательной власти у сената компенсировать собственной властью — властью конференции резидентов. Но чтобы осуществить эту меру, требовалось кардинально изменить конституционную хартию 1815 г.

Отложив на время реализацию такого масштабного политического плана, способного очередной раз нарушить спокойствие Европы, конференция обратила своё внимание на давнее предложение сената по реформированию судебной системы Кракова, которая никак не согласовывалась с действиями австрийский войск, занимавших город, а также с деятельностью новоиспечённых полугавстрийских милиции и полиции.

Повод для кардинальной реформы всей судебной системы Краковской республики подал всё тот же директор полиции Гут.

В сентябре 1838 г. был убит один из его тайных агентов — некий Целяк. Гут предпринял широкомасштабную операцию по выявлению виновных. Однако по городу быстро распространился слух, что это убийство организовано по распоряжению самого Гута и понадобилось ему для того, чтобы развязать себе руки для новых репрессий в отношении неблагонадёжных граждан. Подобное мнение ещё более укрепилось после того, как полицией был арестован гимназист, который, по заявлениям самого Гута, не принимал непосредственного участия в убийстве, но знал исполнителей. За гимназиста вступилось одно из уважаемых в городе семейств, показавшее, что весь злополучный вечер подследственный провёл в гостях у них дома.

Но Гут не принял это свидетельство в качестве алиби и провёл допрос с применением таких методов, от которых арестованный на время лишился рассудка. Гут же оповестил общественность города, что задержанный пытался отравиться и в агонии назвал

соучастников. Город пришёл в волнение, опасаясь репрессий, которые Гут мог организовать, основываясь на выбитых показаниях. Двенадцать наиболее известных и уважаемых жителей явились к президенту сената с просьбой принять меры против возможных бесчинств полиции. Президент же ответил депутатам так же, как отвечал и других схожих случаях — что Гут назначен конференцией и правительству не подчиняется. Гут, в свою очередь, расценил поход уважаемых граждан в сенат как протестную манифестацию, способную спровоцировать волнения в студенческих рядах. И проинформировал об этом резидентов покровительствующих держав, а те в соответствующем виде передали информацию своим правительствам.

О том, в каком виде она дошла до Николая I, можно судить по его письму Паскевичу от 4 (16) октября 1838 г.:

«Происшествие в Кракове мне сделалось известным незадолго до отъезда моего из Берлина; злодейство новое, достойное польских злодеев; но я сомневаюсь, чтоб австрийское правительство согласилось усилить гарнизон, а ещё менее, чтоб приняло решимость объявить присоединение. Теперь в особенности, после амнистии в Италии, оно б было как бы противоречие тамошнему, чего они верно избежать постараются. Видев Митерниха летом, убедительно ему доказывал, что делом сим нечего откладывать, но он плохо на это подался»⁵.

В этом послании интересно выделить несколько показательных моментов. Во-первых, Николай I априори предпочитал считать, что убийства, провокации, да, в общем, любые преступления совершаются только революционерами, а аналогичные методы, применяемые против них полицией, — либо плоды чей-то болезненной фантазии, либо вещь плохая, но допустимая. Во-вторых, он явно настраивался драматизировать ситуацию в Кракове, хотя выправить её было не слишком-то сложно. Однако в убийстве мелкого полицейского агента царь, как обычно, предпочёл увидеть происки даже не столько польских революционеров, сколько стоящих за ними западных держав, заинтересованных в общем раскачивании

ситуации в Европе. Неслучайно всего полугодом ранее, 7 (19) октября 1838 г., он писал тому же Паскевичу: «... что-то сердце мне говорит, что скоро будет бурда в Европе! не знаю, ошибаюсь ли? Не дай-то Бог, ибо конца нельзя предвидеть»⁶.

На самом деле, по-настоящему большая революционная «бурда» в виде «весны народов» начнётся только спустя десятилетие. Правда, первые её сполохи блеснули чуть раньше — в 1846 г., причём блеснули именно в Кракове.

Здесь можно выдвинуть аргумент, что не зря царь уделял Вольному городу такое внимание, опасаясь, что именно краковская проблема спровоцирует войну или революцию в общеевропейском масштабе. Однако причина и следствие при такой постановке вопроса могут сместиться. Ведь и сама Краковская революция 1846 г. стала своего рода контратакой польского национального движения, загнанного в угол непримиримой позицией Петербурга и Вены (позиция Берлина отличалась большей мягкостью).

Наблюдение же третье носит частный характер и связано с ошибочной трактовкой царём позиции Меттерниха, который, благодаря навыкам матёрого дипломата, умело скрывал свою заинтересованность в окончательном решении краковского вопроса путём присоединения Вольного города к Австрии. Хотя здесь канцлер скорее перехитрил сам себя, поскольку не много в Европе было политиков, которые с большим, чем русский царь, пылом готовы были поддержать в данном вопросе позицию Габсбургов.

Когда по запросу Гута австрийцы ввели в город отряд численностью в 1500 человек, Николай I в письме Паскевичу от 21 октября (2 ноября) 1838 г. не скрывал своего радостного удивления: «Ай да австрийцы, не ожидал я, чтоб всадили другой б... в Краков»⁷. Использование ненормативной лексики хорошо характеризует то радостное удивление, которое испытывал Николай I, наблюдая за тем, как осторожные австрийцы делают шаг, который можно расценить как начало самостоятельной оккупации Кракова. Перед царем брезжит надежда, что революционный очаг, способный нарушить спокойствие в Царстве Польском, будет наконец ликвидирован. И ликвидируют его австрийцы на собственный страх и риск, а потом, под сочувственные взгляды Николая I, будут самостоятельно

объясняться с Англией, Францией и оставшейся без приза Пруссией по поводу нарушения венских договорённостей.

Однако подобные надежды, если они и существовали, разумеется, оказались тщетными. Австрийцы сделали всё, чтобы, введя войска, в очередной раз разбередить национальные чувства поляков.

Новоприбывшие были поставлены на постой в дома и квартиры членов городской депутации. Беспардонным поведением австрийцы вынуждали некоторых домовладельцев покидать свои жилища вместе со всем семейством.

Между тем допрошенный с пристрастием гимназист пришёл к себе и на суде отрёкся от всех показаний, которые были выбиты у него на следствии. В ответ Гут арестовал семейство, которое свидетельствовало в пользу гимназиста. Суд пытался вести дело в рамках закона, что вставляло палки в колёса «телеге репрессий», которую пытался разогнать директор полиции. Это разозлило резидентов, особенно от Австрии и Пруссии. Они устроили всенародную obstruction высшим судебным чинам на церемонии представления краковских властей резидентам. Когда президент высшего суда по протоколу должен был приветствовать прусского резидента Гартмана, тот демонстративно повернулся к нему спиной. Судьба судебного ведомства Вольного города была решена.

15 (27) ноября 1838 г. сенат оповестил суд первой инстанции о распоряжении конференции резидентов, которое состояло из двух пунктов: «1) приостановить все действия судебных властей по делу о тайных обществах и по делу об убийстве Целяка; 2) передать в особый следственный комитет из юристов, присланных покровительствующими дворами, всё производство по вышеозначенным делам для разъяснения фактов, находящихся в связи с этим процессом, и всех преступных действий, какие направлены были против спокойствия и общественного порядка в Кракове»⁸. В Кракове заработал особый следственный комитет, который составили: от Австрии — советник судебной палаты в Галиции Зайончковский, от Пруссии — советник городского суда в Берлине Зульцер и от России — член апелляционного суда в Царстве Польском Бржезинский.

Пока этот комитет заменял собой судебные власти Кракова, конференцией и сенатом готовилась реформа всего судебного ведомства республики. Первый декрет, с которого началась реформа, был обнародован 20 июня (2 июля) 1839 г. и состоял из шестнадцати пунктов.

Первый пункт отменял с 8 (20) июля 1839 г. действие прежнего кодекса уголовного судопроизводства и с этого же дня предписывал все незаконченные дела рассматривать по австрийскому кодексу 1809 г.

Второй пункт устанавливал субординацию рассмотрения уголовных дел, которой должны были придерживаться суды до тех пор, пока не будет обнародована новая редакция устава судебных организаций: 1) дирекция полиции; 2) суд первой инстанции; 3) апелляционный суд; 4) верховный уголовный суд.

Третий пункт гласил, что круг полномочий судебной власти полиции по обвинению и наказанию подозреваемых будет определён особым регламентом дирекции полиции.

Четвёртый пункт выводил из-под юрисдикции суда первой инстанции дела о государственной измене и других политических преступлениях, а также дела о должностных преступлениях, совершённых чиновниками, включая членов сената, судей, прокуроров и директора полиции. Следствие по этим лицам должно было вестись по особому предписанию.

Пятый пункт гласил, что для законности решений суда первой инстанции обязательно присутствие трёх судей, включая президента суда.

Шестой пункт предписывал апелляционному суду вести рассмотрения дел по уголовному кодексу, относящемуся к верховному суду.

Из *седьмого пункта* следовало, что для законности апелляционного суда необходимо присутствие пяти судей по уголовным преступлениям и трёх по гражданским.

Восьмой пункт определял состав верховного уголовного суда и процедуру назначения судей: трое депутатов от трёх покровительствующих дворов и двое судей из апелляционного суда, назначенные

по жребию из числа тех, кто не участвовал в заседаниях по рассматриваемому делу в двух низших инстанциях.

Девятый пункт определял, что президентом верховного уголовного суда сроком на один год становился один из депутатов от покровительствующих дворов, через год его сменял следующий, порядок чередования определялся алфавитным ранжиром — Австрия, Пруссия, Россия.

Десятый пункт предписывал верховному суду собираться в Кракове каждые шесть месяцев для рассмотрения дел в обычном режиме. При чрезвычайных обстоятельствах конференция резидентов могла назначить внеочередной сбор верховного суда.

Одиннадцатый пункт оставлял за верховным уголовным судом право требовать на пересмотр любые дела, находящиеся в производстве в других судах, и в случае обнаружения нарушений в ходе ведения затребованных дел виновных отдавать под суд.

По *двенадцатому пункту* приговор верховного суда считался действительным, если при его вынесении присутствовали все пять членов суда.

Тринадцатый пункт предписывал все дела, находящиеся в производстве и незавершённые до 8 (20) июля 1839 г., рассматривать по новому декрету.

Четырнадцатый пункт определял, что число судей, рассматривающих уголовные дела, должно быть всегда нечётным, лишних удалять по жребию, за исключением президента и докладчика.

Пятнадцатый пункт отменял все существующие законы, которые окажутся в противоречии с новым декретом.

И наконец, *шестнадцатый пункт* закреплял начало действия нового декрета — с 8 (20) июля 1839 г.

Этот декрет, завизированный не президентом, а членом сената каноником Быстржоновским, сопровождался двумя приложениями за подписью австрийского резидента Гартмана. Именно вкуче с этими приложениями опубликованный декрет приобретал истинный смысл. Во-первых, право впервые назначить всех членов реформированного судебного ведомства отдавалось конференции резидентов. Список кандидатов должен был предоставить сенат, причём все прежние члены судебного ведомства могли войти в

этот список только после обсуждения их кандидатур особым комитетом, составленным из резидентов и нескольких сенаторов. За резидентами также оставлялось право и при последующих назначениях судей сенатом исключать из списков негодных кандидатов.

Во-вторых, чиновников судебного ведомства за свершённые должностные преступления мог судить только специальный дисциплинарный суд. Дисциплинарный кодекс для этого суда поручалось составить сенату с последующим утверждением в конференции резидентов. Механизм действия дисциплинарного суда был таков: все судьи, участвовавшие в судебных заседаниях, должны были записывать свои мнения и решения по делу в специальные протоколы. Далее по этим протоколам дисциплинарный суд и должен был выявлять должностные преступления судей и членов судебного ведомства. Правда, перед тем как отдать заподозренного судью под дисциплинарный суд, члены этого суда должны были получить разрешение у чрезвычайного трибунала, состоявшего опять-таки из резидентов покровительствующих держав и депутатов этих держав в верховный уголовный суд.

И, в-третьих, в приложениях уточнялось, что конференция резидентов, имеющая единоличное право вести дела по политическим преступлениям, обязана была призывать в Краков по каждому такому делу особую комиссию из депутатов покровительствующих держав.

В конечном итоге новая судебная система Вольного города Кракова стала своеобразным слепком с австрийского уголовного кодекса и австрийского судоустройства, причём в ней уже не было места публичным судебным прениям. Кроме того, право сената и президента на помилование и смягчение наказаний оказалось серьёзно ограничено в политических дисциплинарных делах.

На новую судебную систему, дарованную покровительствующими дворами Вольному городу Кракову, откликнулась с едкой критикой европейская печать. Проанализировав все нововведения, английские и французские журналисты задавались одним и тем же вопросом: почему правительство Вольного города Кракова должно столь усердно «искать доверия» иностранным правительствам? За какие грехи преобразованные краковские суды

заслужили такое недоверие иностранных правительств, что над одним только верховным судом стоит три надзорных органа? Во-первых, трое из пяти членов этого суда являются представителями других держав! Во-вторых, он лишён права рассматривать дела по политическим преступлениям в пользу конференции резидентов — дипломатического учреждения! И наконец, особый дисциплинарный суд, словно дамоклов меч, нависал над членами судебного ведомства!

Публикации о ситуации, складывающейся в Вольном городе, снова возбудили интерес европейских держав к краковскому вопросу, который в скором времени начал озвучиваться в английском и французском парламентах.

Однако несколько неожиданно для Парижа и Лондона внимание всех, кто интересовался польскими темами, оказалось переключено на событие, казалось бы, частного порядка.

Командующим бельгийской армией стал генерал Скржинецкий, бывший командующий польскими войсками в кампании 1831 г. Бесспорно, это назначение было своего рода вызовом Николаю I, сразу же разбередив все его старые обиды на Бельгию, а их было предостаточно. Начнём с того, что Бельгия отделилась от Нидерландов в 1830–1831 гг. в результате революции, причём и специфика национального вопроса, и династические проблемы, и лозунги, под которыми выступали восставшие, вплоть до нюансов напоминали имевшую место в это же самое время конфронтацию между Россией и Польшей. Бельгийцев поддерживали французы, британцы придерживались нейтралитета, а Николай I, напротив, всем сердцем был на стороне короля Нидерландов, тем более что наследник престола этой державы был женат на сестре русского самодержца. В Европе получило распространение мнение, что Николай I даже собирался двинуть на помощь своему родственнику русскую армию и не пошёл на это только из-за восстания в Польше. Суждение это было ошибочным, однако если бы русский царь чуть в большей степени поддавался личным чувствам, возможно, оно имело бы под собой основание. Не нравился Николаю I и первый король независимой Бельгии — бывший герцог Леопольд Саксен-Кобургский, в период наполеоновских войн служивший в русской

армии и даже получивший генеральские эполеты. Царь считал его едва ли не изменником.

В общем, назначение Скржинецкого Николая I, с одной стороны, взбесило, а с другой — вдохновило оказать жёсткий нажим на Бельгию. Интересно, что при этом царь пытался сделать вид, что назначение Скржинецкого — выпад не против России, а против Австрии и Пруссии. Из письма Николая I Паскевичу от 7 (19) февраля 1839 г.:

«Вызов Скржинецкого, приём его в службу вопреки Австрии и Пруссии, по-моему, не есть простое действие Бельгии, но явный признак, что под сим именем ныне таится или является общая пропаганда с характером революционно-католико-фанатическим. Самый выбор Скржинецкого не что иное. Отважность же отказать Австрии и Пруссии и то тогда, когда, по-видимому, никогда союз пяти держав не был единодушнее в цели своей, есть дерзость, не в характере проныры и к... и Леопольда, у которого всё расчёт. Я полагаю, что этот ш...а, чувствуя, что ему не удержаться, решился испытать последний ему предлагавшийся способ, т. е. стать головой вместо Луи Филиппа всех революционистов и этим оружием нам противоборствовать. Не знаю, как и в какой мере Англия и Франция захотят и возмогут принудить Бельгию покориться изречённому конференцией; но ежели сие сбудется, то, полагаю, ненадолго и предвижу все неизбежную войну. Эта война будет не обыкновенная, но ужасная свалка двух начал: зла против добра. Сомневаюсь, чтоб при слабом устройстве Германии, успех был на стороне добра, и, признаюсь, опасаясь больших несчастий и распространения зла быстро и далеко. Нет сомнения, что тогда закричат к нам, требуя помощи. В ней отказу не будет, ибо, защищая добрую сторону, мы себя будем защищать. Но не иначе пойду на помощь, как с тем, чтоб других заставить делать по-нашему; и потому не 50 т. поведу, но по крайней мере 300 т.; иначе не пойду ни на шаг, а буду ждать, чтоб о нас сломились. Обдумать и приготовить всё для этого есть предмет нынешних моих попечений»⁹.

«Проныра Леопольд» поспешил избавиться от Скржинецкого, для Франции же и Англии весь конфликт по столь ничтожному

поводу стал большой неожиданностью. Поскольку в дипломатическом плане им пришлось срочно прикрывать Бельгию от давления России, Краков выпал из фокуса внимания западноевропейских политиков, что было выгодно покровительствующим державам. Можно даже предположить, что именно ради этого российское правительство и раздувало скандал со Скржиницким, но если подобный расчёт и присутствовал в действиях Николая I, то в первую очередь он всё же действовал под влиянием эмоций. И это был один из немногих случаев, когда, следуя зову сердца, он поступил вполне разумно с политической точки зрения.

Между тем в самом Кракове обстановка продолжала накаляться. Нарастало противостояние между сенатом и сеймом, начало которому было положено ещё в мае 1838 г., когда конференция решила закрыть учётную палату, которая по конституции 1833 г. контролировала все финансовые операции правительства в соответствии с утверждённым бюджетом. Однако члены учётной палаты отказались исполнить это решение и заявили, что ни правительство, ни конференция не имеют права приостанавливать действие конституционной власти. Правительство, со своей стороны, с согласия конференции осуществило вооружённый захват здания палаты, арестовало все архивы палаты и силой разогнало её членов.

И вот через год после этих событий, 7(19) июня 1839 г., конференция резидентов обнародовала ноту, адресованную краковскому правительству, в которой заявлялось, что покровительствующие дворы уполномочили сенат при содействии конференции составить новый сеймовый устав. В основу этого документа должны были лечь следующие положения:

«1). Сейм вольного города Кракова отныне будет созываться лишь тогда, когда правительство страны сочтёт это нужным или полезным, и особенно в том случае, когда надо ввести перемены в бюджет. Необходимость или полезность такого созвания должны быть, кроме того, признаны тремя высокими покровительствующими дворами.

2). Все должностные лица, за исключением членов сената, адвокатов и нотариусов, могут быть избираемы в представители, если

обладают качествами, требуемыми законом, и если имеют разрешение на то от сената.

3). Список кандидатов на места представителей должен быть сообщаем резидентам трёх дворов, которые, соединившись в конференцию, могут вычеркнуть из него имена тех лиц, против которых имеют важное подозрение.

4). Собрание представителей не может ни под каким предлогом рассуждать о других предметах, кроме тех, которые предложены будут на его рассмотрение сенатом. Лишь только оно окончит обсуждение этих дел, так тотчас же имеет быть распущено.

5). Присутствие по крайней мере половины представителей необходимо для открытия заседаний. Если, по недостатку кандидатов на звание представителей или по какой-либо другой причине, не наберётся и такого числа членов, или если представители пренебрегут обязанностью явиться в заседание в течение трёх первых дней после их созыва, то сейм должен считаться распущенным. В этом случае, равно как и в том, когда сенат сочтёт нужным распустить сейм, уже составившийся законным образом, проекты законов, приготовленные для него, должны быть представлены трём покровительствующим дворам и получить силу закона до следующего сейма в том объёме, в каком они будут утверждены дворами.

6). Президент сената и сенаторы будут назначаться высокими покровительствующими дворами. Главный секретарь будет избираться сенатом, но президент должен предварительно входить в соглашение об этом предмете с резидентами трёх дворов.

7). Все законодательные распоряжения, не согласные с изложенными основаниями, должны считаться отменёнными»¹⁰.

Эта нота стала финальной точкой в долгой истории постепенного подчинения сейма сенату. Именно сенат теперь получал право назначать и распускать собрание представителей, и в то же время сами сенаторы и их президент назначались уже конференцией резидентов, а не сеймом.

Подводя баланс, можно прийти к выводу, что именно конференция резидентов трёх покровительствующих держав, формально по духу и букве венских договорённостей не имевшая оснований

вмешиваться в сугубо внутренние дела Кракова, де-факто становилась теперь верховным органом власти Вольного города.

Столь парадоксальное обстоятельство всё сильнее отражалось на политической жизни республики. Опираясь на поддержку австрийских войск и австрийского резидента, директор полиции Гут настоял на новом пересмотре уставов краковского университета, который он считал главным источником революционной «заразы». Для усмирения академической молодёжи Гут требовал: во-первых, подчинить её строжайшей дисциплине; а во-вторых, отобрать у университетского совета право протестовать против действий полиции.

Официальным инициатором проведения такой реформы выступил сенатор Шиндлер, который также исполнял обязанности правительственного комиссара при университете. Он обратился к конференции резидентов с ходатайством об изменении соответствующих параграфов университетского устава. Естественно, что ходатайство было поддержано конференцией в полном объёме, и 7 (19) июля 1839 г. в «Дневнике» краковских законов был обнародован обновлённый академический устав.

Основной смысл нововведений сводился к расширению полномочий университетского правительственного комиссара, который в конечном итоге и получил практически неограниченную власть над университетом.

Так, в соответствии с параграфом 1, правительственный комиссар имел право не исполнять любое указание высших властей республики, если считал их противоречащими правилам, полученным от конференции резидентов. Окончательное слово в разрешении споров между университетским комиссаром и высшими властями Вольного города также оставалось за резидентами. Кроме того, 100-й параграф подкреплял власть конференции исключительным правом толковать и разъяснять все разночтения, которые могли возникнуть при применении нового академического устава.

В результате вмешательство конференции резидентов в университетские дела стало неизбежным и даже обязательным, как и в случае с сенатом, сеймом, судами, милицией и полицией.

Таким образом, вся жизнь в Вольном городе Кракове к 1839 г. попала под тотальное влияние австрийских властей, которые, помимо резидента, держали в городе свой военный гарнизон. Начальник этого гарнизона фактически являлся и непосредственным начальником руководителей милиции и полиции, также, кстати, состоявшим на австрийской службе.

Не подчинялся ни одной из структур городской власти и даже конференции резидентов австрийский отряд, солдаты и офицеры которого часто злоупотребляли своим бесконтрольным положением.

Так, ещё в 1836 г. произошёл случай, переполошивший весь город. Полиция арестовала некоего горожанина, который, будучи в сильном подпитии, вступил в перепалку с австрийским чиновником. По закону, его проступок подпадал под юрисдикцию исправительной полиции, но начальник австрийского отряда Кауфман решил сам наказать дебошира и потребовал у местных властей его выдачи. Получив отказ, Кауфман приказал тюремному начальству допустить его в тюрьму и насильно забрал протрезвевшего горожанина, наказав его впоследствии по своему усмотрению.

В 1838 г. город был потрясен злодейским убийством австрийскими гусарами сельчанина деревни Костельницы, которого они ошибочно приняли за жителя той же деревни, обвинявшего их в краже своего имущества. Несмотря на то что преступление было доказано, суд над преступниками так и не состоялся; их просто перевели в гарнизон, расположенный в Галиции.

Бесцеремонность поведения австрийских солдат, а самое главное, их безнаказанность, сильно беспокоили местных жителей, но, разумеется, не волновали (по крайней мере внешне) других членов конференции — резидентов России и Пруссии.

Вполне логичным шагом со стороны краковской общественности стала попытка обратиться за помощью к правительствам Англии и Франции как подписантам венских договоров.

Основными инициаторами и составителями этого обращения стали главным образом бывшие члены сената, сейма и судебного ведомства. Они снабдили своё обращение обширным документальным материалом, который наглядно иллюстрировал всю

историю постепенной трансформации краковской конституции, дарованной городу венским конгрессом.

Этот документ был опубликован в Париже и получил широкий европейский резонанс. В частности, в нем говорилось:

«... Мы осмеливаемся обратить беспристрастное внимание правительств Франции и Англии на этот мемуар, который представляет верную картину печального состояния, до коего мы доведены, которое указывает причины его и предлагает меры, от усвоения коих зависит уменьшение зла. Благоволите, господин президент совета министров, принять к сведению это изложение. Положение, в котором мы находимся, даёт нам право обращаться с просьбой о вмешательстве ко всякой державе, подписавшей Венский договор. Правительствам Франции и Великобритании особенно принадлежит право ответить на это воззвание. Действие, к коему мы приглашаем их, будет с их стороны выполнением обязанности, торжественно принятой на себя. А посему, господин президент, мы льстим себя надеждой, что вы не откажетесь быть толкователем нашего ходатайства перед его величеством, который удостоивает вас августейшего доверия, и повергнуть к подножию его трона следующие просьбы, с коими мы обращаемся в глубочайшем почтении: 1) чтобы Франция и Великобритания согласились между собой потребовать полный пересмотр условий, которые определяют существование краковского государства как во внутренних деталях, так и в его отношениях к соседям, чтобы назначена была с этой целью комиссия или конференция от Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии и России; чтобы эти пять держав утвердили своим соглашением, как они сделали это в 1815 году, и притом окончательным образом, главные основания его внутренней организации и привели их в соответствии с позднейшими организационными правилами, коими первоначальная конституция была ограничена, хотя, будучи включена в общий акт Венского конгресса, она должна была оставаться неприкосновенною, подобно другим постановлениям того же договора; 2) чтобы депутаты от вольного города Кракова были допущены совещательным голосом к участию в занятиях этой конференции; 3) чтобы конференция приняла меры, способные обеспечить жителям Кракова как в их коммерческих

сношениях, так и в сношениях с соседними землями благоденствия, которые были им даны Венским договором (ст. 6–14); 4) чтобы основные учреждения, предназначенные управлять жизнью Кракова, будучи раз навсегда признаны пятью державами, не подвергались отныне никаким решительным реформам иным путём, кроме указанного для сего заранее, то есть правильным действием конституционных властей страны; 5) чтобы местные учреждения, утверждённые на возобновлённых таким образом условиях, были отныне свободны от всякого иностранного влияния и были бы ответственны за свои действия только перед властями, которые закон назначит для сего; 6) наконец, для того, чтобы устранить на будущее время необходимость подобных заявлений и чтобы обеспечить значение мер, нами предлагаемых, пусть правительства Франции и Англии назначат, подобно трём державам, соседним с Краковом, своих уполномоченных представителей при этом государстве.

Таковы просьбы, с коими мы обращаемся к правительствам Франции и Великобритании. Мы убеждены, что проверка фактов, представленных в прилагаемом при сем мемуаре, докажет, что эти просьбы вызваны самою настоятельною необходимостью и что только те меры, о коих мы ходатайствуем, могут положить предел порядку вещей, под коим мы ныне стенаем. Проникнутые таким убеждением, мы осмеливаемся надеяться, что Провидение увенчает счастливым успехом нынешнее заявление и что вы, господин президент, поддержите его вашим личным сочувствием»¹¹.

28 июня (10 июля) 1840 г. на заседании французской палаты пэров состоялись прения по поводу этого обращения. Докладчиком выступил граф Таше, подтвердивший, что все перечисленные в обращении нарушения действительно имели место и что Франция должна принять это обращение во внимание.

В частности, им были высказаны следующие соображения: «Я полагаю, что такое состояние дел должно обратить на себя внимание Франции. Оно касается её собственного достоинства. Я, конечно, знаю, что гораздо легче охранить, например, Анкону от папы, чем возратить Кракову его независимость; но силу особенно надо показывать против сильных. Кроме того, на стороне этого дела право,

ибо трактаты 1815 года положительны. Франция подписала их, и мне кажется, что они стоили ей слишком дорого и она должна иметь в свою очередь право ссылаться на них и защищать их»¹².

Президент палаты пэров А. Тьер высказался в том духе, что краковский вопрос не первый раз подымается как во французском, так и в английском парламентах и обстоятельства в очередной раз подсказывают, что благоразумней всего в эти события не вмешиваться. И собрание французской палаты пэров решило в очередной раз внять голосу благоразумия из уст своего президента, поставив точку в прениях по краковскому вопросу.

В английской же палате общин вокруг того же самого вопроса прения развернулись более ожесточённые. Первый выступавший, Ч. Стратфорт-Каннинг (будущий британский посол и поджигатель Крымской войны), обрисовав положение дел в Кракове, сделал акцент на занятии Вольного города австрийскими войсками и заключил, что эта оккупация незаконна и, мало того, вредит торговым интересам Англии. В доказательство своего утверждения Каннинг зачитал петицию, присланную ему из Гуллы, в которой жители этого английского портового города жаловались на прекращение свободной торговли со свободным городом Краковом и ходатайствовали перед палатой общин о восстановлении поправленных прав.

В поддержку Каннинга выступил член парламента Д. Грот, который представил подобную петицию от влиятельных купцов и банкиров Лондона.

Депутаты от Глазго и Бирмингема присовокупили петиции от торговых общин своих городов. В заключение своей речи Каннинг заявил, что коммерческая польза от торговли с Краковом бесспорна и насколько же бесспорно право Англии назначить своего дипломатического представителя в Вольный город.

Затем слово взял М. Галли-Найт и обрушился с критикой на министра иностранных дел Г.Д. Пальмерстона за бездействие в краковском вопросе. Он напомнил, что ещё четыре года назад правительство обещало парламенту уладить спорный вопрос с Россией и водворить в Кракове британского консула.

Министр иностранных дел Пальмерстон парировал в том духе, что хотя военная оккупация Кракова и противоречит условиям

Венского договора, но обстоятельства, которыми она была продиктована (революция во Франции, восстание в Польше) вполне оправдывают действия трёх держав, озабоченных сохранением спокойствия в своих провинциях. При этом, правда, опускалось, что между упомянутыми событиями и оккупацией Кракова прошло не менее 5 лет — срок весьма значительный и вряд ли позволяющий говорить о наличии прямой причинно-следственной связи.

Насчёт же своего обещания отправить в Краков консула Пальмерстон сказал, что, поскольку три великие державы отнеслись к этой инициативе весьма недоброжелательно, правительство Её Величества пришло к выводу, что политические последствия такого шага не смогут перевесить выгоду от развития полноценных экономических связей между Великобританией с одной стороны и странами тройственного альянса с другой. Торговля же с Краковской республикой особо большого значения для британской экономики не имеет.

Министру иностранных дел попытался возразить Роберт Пиль, который в своей речи предложил посмотреть на краковский вопрос не только с точки зрения политической или коммерческой, но и с нравственной: «Нравственные обязательства должны быть сильнее по отношению к малым государствам, чем к большим. Три державы должны сознавать свою абсолютную обязанность по миновании крайней необходимости возратить Кракову его прежнюю независимость»¹³. Но, критикуя виконта Пальмерстона в непоследовательности относительно вопроса посылки в Краков английского консула, сам Пиль не предлагал никаких конкретных действий, кроме упражнений в либеральном красноречии. Мало того, закончил он свою речь, начинавшуюся с критики министра иностранных дел, можно сказать, полной его поддержкой: «Я держу мнения благородного лорда, что таким державам, как Франция и Англия, не следует доходить до крайностей в подобных делах. Нельзя настаивать до того, чтобы подвергать вопросу спокойствие мира; при моём взгляде на нравственную обязанность охранять мир, я не склоняюсь в пользу образа действий, который мог привести к такому печальному результату, как война. Судя по некоторым выражениям первого министра Франции, можно догадываться,

что дела пришли в положение крайне неудовлетворительное даже и после того, как заявлен был протест со стороны Англии и Франции против занятия Кракова. Я кончу повторением надежды, что защитники консервативных принципов в Европе сами, без вмешательства Англии и Франции, восстановят независимость Кракова и примут решение действовать сообразно с их собственным достоинством. Поступив таким образом, они заглушат семена, которые, если б возросли, могли бы сделаться опасными для общего спокойствия»¹⁴.

Все последующие ораторы говорили примерно в том же ключе — критиковали правительство в бездействии, нерешительности, возмущались поведением Австрии, Пруссии и России по отношению к Вольному городу, требовали вернуть ему независимость, но так и не предложили никаких конкретных мер по спасению Краковской республики. Жаркие прения благородных лордов в конечном итоге вылились в обычный дипломатический выверт, известный как «нравственное давление», — в данном случае, «нравственное давление» на политику тройственного альянса, лидеры которого и сами считали себя образцами политической нравственности.

Николай I внимательно отслеживал, что и как говорилось в британском и французском парламентах, и время от времени делился впечатлениями с Паскевичем¹⁵. В марте 1840 г. он затребовал от князя Варшавского ликвидировать в Царстве Польском Краковскую губернию, примыкавшую к территории Вольного города Краков, поскольку считал это название «неприличным»¹⁶. Речь, собственно, шла о том, что термин «Краковская губерния» раздражал австрийское правительство, которое рассматривало его как своего рода заявку на присоединение к Царству Польскому всей Краковской республики. Тот факт, что на пятнадцатом году своего правления Николай I вдруг заметил в этом названии нечто неприличное, свидетельствует: российский самодержец перестал размахивать перед носом австрийцев Краковом как приманкой, твёрдо пообещал им город в качестве приза, а потому больше не собирался дразнить их неполиткорректными названиями.

Получив распоряжение императора, Паскевич Краковскую губернию тут же ликвидировал, распределив её территорию между другими административными единицами.

Однако интерес Николая I к Кракову в этот период был не слишком велик, переключившись на события, которые казались ему более значительными и тревожными. В начале мая 1840 г. российский император с женой и наследником престола отправился в Варшаву, но в Сувалках узнал о тяжёлой болезни Фридриха Вильгельма III, и, срочно сменив маршрут, поехал в Берлин.

26 мая (7 июня) он написал оттуда Паскевичу:

«Бог сподобил меня застать ещё в живых почтенного короля и быть ещё им узанным; и казалось, что это была последняя ему приятная минута. И через 4 часа после он скончался как праведник, без боли, без вдоха, без судорог, заснул! Мы все, русские, должны в нём оплакивать друга нашего Александра Павловича и искреннего друга России, что он в завещании подтвердил своим детям. Вели сейчас надеть траур в армии сходно посылаемого приказа. Жена моя перенесла ужасный сей удар с удивительной твёрдостью духа, и, с помощью Божьей, надеюсь, что он худых для нее последствий иметь не будет...»¹⁷.

В своём завещании Фридрих Вильгельм III требовал от преемника «поддерживать во всех обстоятельствах наитеснейший союз с Россией и Австрией, составляющий основание спокойствия и тишины мира»¹⁸.

Сын его, Фридрих Вильгельм IV, тоже был консерватором, но менее трезвомыслящим и более грубоватым в практической политике. Поначалу это не слишком бросалось в глаза. 29 мая (10) июня 1840 г. царь писал Паскевичу из Потсдама:

«Здесь всё продолжает быть в порядке, и, кажется, при благоразумии короля и преданности к нему, можно того же надеяться впредь; так и чувства его, которые мне давно были известны, выразились ясно вчера, когда он принимал наш отряд кавалергардов; обласкал каждого и, уверив всех в наследственных чувствах к России и к нашей армии, он обнял старшего унтер-офицера и рядового в знак искренности своих слов. Вчера по соизволению его дежурили при теле наши генерал- и флигель-адъютанты, сегодня стоят на часах наши

кавалергарды, словом, всё делается, чтобы доказать, что потеря наша общая и что память к нему общая в нас, залогом и будущей нашей дружбы и союза. Я держусь в стороне, никого не вижу, дабы показать тем, что я прибыл для семьи, для покойного, а не для какого-либо влияния ... >¹⁹.

На самом деле русофобия цвела в Германии пышным цветом. Революционеры не любили Россию как главный оплот монархии, а прусские консерваторы видели в ней главного противника объединения Германии под скипетром Гогенцоллернов. В этом царь мог убедиться во время своего путешествия по Германии.

Да и весь следующий год Николай I чувствовал себя тревожно, ожидая большой революционной бури. В Галиции и в Царстве Польском были арестованы несколько эмисаров. При этом, как признает монархист А.П. Щербатов, «в их деятельности ничего серьёзного не было и не могло быть, но они поддерживали постоянное волнение в стране, распространяли ложные слухи и ту политическую мечтательность, которая при удобном случае легко могла перейти в безумные и кровавые действия»²⁰.

Несколько происшествий, казалось, подтверждали эти опасения. В Лазенках неизвестным, погибшим при катастрофе, был взорван артиллерийский парк.

Около 80 солдат из Царства Польского дезертировали в Пруссию. Летом имели место крестьянские волнения в Лифляндии, а несколько раскольников бежали из-под Гомеля.

22 сентября (4 октября) 1841 г. Николай I писал Паскевичу: «Происшествие в Лифляндии и в твоих гомельских владениях есть важное событие, указывающее на какое-то глухое брожение умов и на тайную работу на глупый народ, но весьма хитро и адски соображённую, против которой вовремя должно направить все усилия»²¹.

Паскевич в письме от 26 сентября (8 октября) 1841 г. разделял его тревоги: «Франция не успокоилась; дух возмущения, поддерживаемый секретными обществами, переменчивым характером французов и страшными налогами, которые заставляют желать какой-бы то ни было перемены, всё сие делает, что при смерти

короля Франции надобно ожидать больших бунтов даже и в других землях, ибо секретные общества, которые по всему свету разбросаны, воспользуются сим случаем... Бросив мысли насчёт Европы, скажу о России. Я уверен, что в Польше и в провинциях есть и, по существующему духу, должны быть секретные общества. Я не ручаюсь за Россию. Нельзя стать, чтобы пропагандисты оставили нас в покое»²².

Беспокойство по поводу козней революционеров и их тайных покровителей не оставляло Николая I и князя Варшавского и в дальнейшем. Во всяком случае, эта тема постоянно всплывает в их переписке.

В общем-то, определённые основания для тревоги у них и вправду имелись. Осенью 1843 г., вернувшись с лечения из Карсблада, Паскевич узнал о раскрытии очередного заговора с участием офицеров-поляков; шесть человек отправились в Сибирь. И тогда же имел место ещё один неприятный эпизод: при возвращении Николая I из Берлина через Познань из толпы был произведён выстрел в сторону экипажа императора.

Прусская полиция попыталась замять дело, хотя её начальник Дункерт лично приезжал в Варшаву, где ему демонстрировали царскую коляску с пулевым отверстием. После личного вмешательства Фридриха Вильгельма IV следствие всё же было начато, но закончилось оно безрезультатно.

В начале 1844 г. всё повторилось: австрийцы арестовывали польских революционеров в Галиции, пруссаки — в Познани, а в Варшаве обер-полицмейстер Соболев рапортовал о раскрытии заговора, участники которого планировали захватить цитадель, арестовать или убить князя Варшавского. В последнем случае опасность, впрочем, оказалась «несколько преувеличенной»: большинство виновников отделались административными наказаниями²³.

Паскевич не был склонен сгущать краски вокруг заговоров пылкой молодёжи, но проявлял недовольство союзниками. В письме от 22 марта (3 апреля) 1844 г. он жаловался государю:

«Если открыт у нас заговор либеральный, я всегда даю знать главным правителям Галиции и Познани, но они никогда не извещают

меня, если у них что случится. Отчего сие происходит, ибо наши интересы одинаковы, я не могу догадаться; разве от дурного понятия о секрете: понятие фальшивое, которое возрождает холодность, а потом и неприязнь»²⁴.

Интересны и размышления фельдмаршала о том, кто именно стоит за всеми этими заговорами, изложенные в письме от 21 февраля (4 марта) 1844 г.:

«Я часто думал, чья столь сильная власть могла все замешательства делать, а особливо нынешнего года? В Позене, в Галиции, в Италии, где берут деньги? В Позене все приехавшие из Франции не только хорошо жили, но даже мотали: покупали имения, дома заводили. В Париже князь Чарторыйский купил дом: известную отель Ламберт: менее миллиона его нельзя было купить. Он давал праздники всему городу. Состояние князя Чарторыйского очень не значущее: он, бывши здесь, был в больших долгах. Откуда он взял деньги? Кроме короля французов, некому ему дать. Луи-Филипп, выиграв теперь доверенность французов [видимо, в связи с завершением алжирских дел], нашёл: чтобы удержаться, то надобно действовать в смысле своего народа, т. е. возмущать соседей, и для того деньги, интриги, секретные общества он употребляет...

Вот как я могу понять теперешние необыкновенные дела, особливо секретные общества, никто их не знает; они везде; они с нами; мы живём с ними и не знаем их.

Если прибавить сие расположение к заговору Европы к нашему здесь быту, в Польше, где национальность и религия противу нас (много ли останется нам преданных?), то положение наше делается весьма трудным»²⁵.

Царь согласился с отцом-командиром, прибавив, что, по его сведениям, Луи-Филипп «ежегодно посылает в Рим от 10 до 12 млн франков для подкупа в пользу революционных прав, а я ничуть не сомневаюсь, что, быть может, он-то и причиной недоброжелательства папы к нам и всех затруднений, сим порождённых»²⁶.

Впрочем, новые антироссийские заговоры совсем необязательно были результатом внешних козней. Осенью 1844 г. вблизи Келец ксёндз Пётр Сцегенный собирал в лесу крестьян и, демонстрируя фальшивую папскую буллу, подговаривал к восстанию. Направлено движение было не столько против российских властей, сколько против своих же польских помещиков. Ксёндз мотивировал это тем, что «дворяне в 1831 году обещали поселянам очиншевание [замену барщины оброком], а теперь уже казна у себя очиншевает, а они, которые все сие обещали, обманули бедных поселян и ещё более притесняют их»²⁷.

О готовящемся мятеже сообщил один из помещиков. Сцегенного и человек 30 крестьян арестовали и доставили в Варшаву. Ксёндза приговорили к повешению, но Паскевич смягчил приговор до каторги.

И он сам, и Николай I видели в случившемся и радужные стороны. 29 октября (10 ноября) 1844 г. царь писал наместнику: «В описываемом событии две вещи мне хороши. То, что помещикам угрожает опасность и что потому их выгода быть с нами заодно, а другие уже плод того, что помещик доносит на ксёндза; это славно! Как-то папа защитит бунтовщика и убийцу?»²⁸.

В любом случае, пускай и не слишком яркие, спорадические вспышки активности патриотов не позволяли считать польский вопрос закрытым. А значит, открытым оставался и вопрос краковский.

Позиции Австрии в Вольном городе были после 1836 г. явно доминирующими, и, вполне вероятно, Габсбурги решились бы на ликвидацию Краковской республики, если бы не очевидное охлаждение между петербургским и венским дворами.

Николай I с большей готовностью сосредоточился бы на воплощении своих амбициозных балканских планов и очень хотел, чтобы Австрия и Пруссия, наоборот, уделяли всему комплексу польских проблем гораздо больше внимания.

Для этого царь в 1836 г. предоставил Австрии карт-бланш, рассчитывая, что, занявшись выяснением отношения с краковскими властями, Меттерних заодно отвлечётся и от балканской

темы, внимание к которой с его стороны было царю весьма неприятно.

Однако австрийский канцлер как человек одарённый вполне мог работать сразу по двум и более направлениям. Всё ту же затягивая петлю на шее Вольного города, он одновременно приглядывал и за Россией. Внимание это оказалось для Николая I весьма утомительным. Более того, боязнь, что Россия укрепит свои позиции на Чёрном море, привела к неожиданному сближению между «закадычными врагами» — Францией и Австрией.

В качестве ответного хода Николай I начал делать дружественные жесты в сторону Англии. Тот факт, что Лондон и Париж в свою очередь стали соперниками по борьбе за колонии, играл в пользу царя. К тому же подобный манёвр должен был вызвать одобрение другого союзника — Пруссии, правительство которой было известно своими англофильскими симпатиями. Наконец, хотя бы тактическое сближение с Великобританией оставляло в одиночестве французских защитников поляков, а следовательно, снижало и остроту польского вопроса.

Визит царя на берега туманного Альбиона состоялся в июне 1844 г. и стал неожиданностью для хозяев, постаравшихся, впрочем, вести себя по отношению к высокому гостю с максимальной предупредительностью.

Сам Николай I, в свою очередь, вёл себя не как самодержавный повелитель самой обширной в мире империи, а как демократический лидер, посещающий другое дружественное демократическое государство. Поскольку британская пресса обычно изображала его тираном, подобное поведение, по методу контраста, вызывало восхищение британской публики.

Так, по окончании скачек в Эскоте он, к ужасу охраны, смешался с толпой, пожимал протягивавшиеся к нему руки, подробно расспрашивал ветерана-полицейского с медалью участника битвы при Ватерлоо о знаменитом сражении.

В этом эпизоде проявилась одна характерная черта русского самодержца, очень точно подмеченная поэтом Ф.И. Тютчевым в написанной им на смерть царя эпитафии:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил одной лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

В Лондоне Николай I с восторгом предавался лицедейству. Словно актёр, утомлённый выступать в одном и том же амплуа сурового властелина, он с удовольствием играл роль политика-демократа, хотя вряд ли согласился бы делать это постоянно.

Интересно мнение королевы Виктории о Николае I, изложенное в двух письмах к дяде — столь неприятному царю бельгийскому королю Леопольду I:

«Он просто поражает: по-прежнему очень красив, профиль изыскан, манеры величавы, отменно учтив — любезен и внимателен до такой степени, что это внушает тревогу. При этом выражение его глаз пугает, такое я видела впервые в жизни... Улыбается он редко, и эта улыбка не кажется радостной. Впрочем, рядом с ним чувствуешь себя вполне непринуждённо... Думаю, его натуру надо понять и принимать такой, какова она есть. Он строг, суров и непреложно следует принципам и собственному пониманию долга — ничто на свете не может заставить его этим принципам изменить. При этом он не очень умён, не слишком хорошо воспитан и недостаточно образован. Императора интересуют только политика и военные вопросы, ко всему прочему, включая искусство, он невосприимчив. При этом, я уверена, он вполне искренен — даже тогда, когда действия его нельзя назвать иначе как деспотичными: они происходят из твёрдого убеждения, что иначе управлять страной невозможно... Я бы назвала его чересчур откровенным: он напрасно высказывает свои мысли столь открыто, и ему с трудом удаётся сдерживать себя. Он очень хочет, чтобы ему верили, и должна признаться, я действительно склонна верить его личным обещаниям. Добавлю, что чувства его сильны, он глубоко ощущает доброту и любит жену и детей, причём всех детей, не только своих. Семейная жизнь для него очень важна...

ещё несколько штрихов для завершения его портрета... Он лыс, но в мундире конногвардейца выглядит великолепно. Не скрою, во время наших совместных выездов меня не покидала тревога — ведь кто-нибудь из поляков мог отважиться на покушение. Поэтому я каждый раз испытывала облегчение, когда император возвращался домой...»²⁹.

Никаких формальных договорённостей по итогам визита Николая I в Англию заключено не было. Царь всего лишь довёл до сведения руководителей британской внешней политики, что не собирается умерщвлять «больного человека Европы» (Турцию), но если больной всё же умрет, то для блага России он (Николай I) постарается захватить из наследства покойного куски «не меньшие», чем другие великие державы. Британские собеседники, с типичной для островитян сдержанностью, о своих планах распространяться не стали, сообщив лишь, что приняли заявление царя к сведению.

Однако и для русских, и для англичан этот визит имел положительное значение. Британское правительство напугало французов фантомом альянса, подобного тому, который некогда свернул шею Наполеона. В результате уровень колониальных амбиций Луи-Филиппа заметно понизился.

Николай I, в свою очередь, напугал аналогичным фантомом Меттерниха. Австрийский канцлер ещё в Вене в 1815 г., сблизившись с Англией (и с Францией, впрочем, тоже), поставил в крайне неприятное положение Александра I. Теперь в неудобном положении оказался сам Меттерних, имевший все основания бояться: если Россия и Англия начнут делить наследство «больного человека Европы», Австрии уже ничего не достанется.

Краковский вопрос в этом пасьянсе решающего значения не имел, но всё же присутствовал. Уже в 1838 г. (завершив внутренние реформы и поставив под свой контроль краковские силовые структуры) австрийцы имели все шансы успешно провести аннексию Вольного города, пользуясь они поддержкой России. Однако именно в 1838 г. между двумя странами наметилось охлаждение по балканскому вопросу. Визит же царя в Лондон показал

Меттерниху, что с Николаем I снова необходимо сближаться, пока он не сблизился с Лондоном. К тому же подобное сближение позволяло австрийцам обзавестись дополнительной внешне-политической опорой, необходимой для ликвидации Краковской республики.

Стоит отметить, что по ходу визита в Англию царь попытался привлечь на свою сторону общественное мнение Великобритании, объяснив чистоту и бескорыстие своих действий, в том числе и в отношении Польши. Правда, особого успеха эти объяснения не имели, но в целом англо-русские правительственные отношения в 1840-х гг. были вполне доброжелательными, что, разумеется, не отменяло традиционный обмен колкостями на идеологических ристалищах.

Зато в русско-австрийских отношениях началась пора ренессанса, замешанная, в том числе, и на таком уже неоднократно применявшемся «цементе», как идеологическая близость. В воздухе ощущалось приближение революционной грозы, гораздо более опасной для Австрийской империи, нежели для Российской. Как писал С.С. Татищев: «В Италии и в Германии замечалось всеобщее возбуждение в национально-либеральном направлении, предвещавшем в самом ближайшем будущем всеобщий революционный взрыв. В самой Австрии с каждым днём усиливалось брожение всех её разноплеменных народов. Славянское возрождение громко проповедовалось в Праге и Загребе. Венгрия требовала восстановления исторических прав своих, немецкие области заражались духом “молодой Германии”, мечтали о молодой свободе и единстве великого германского Отечества. Против всех этих бед, грозивших разложением ветхому и расшатанному государственному зданию, у венского двора оставалась одна опора — Россия, одна надежда — великодушие и высокая политическая честность русского императора»³⁰.

Новое российско-австрийское сближение происходило под аккомпанемент озвучивавшихся на всю Европу протестов английских и французских парламентариев по поводу нарушения протекторатом венскими державами зафиксированного венскими договорённостями суверенитета Кракова. И эта пропагандистская

кампания, направленная главным образом даже не против России, а против амбиций Меттерниха, не прошла для Вольного города бесследно.

Австрийский канцлер, выставявший себя главным архитектором всех венских трактатов, почувствовал себя задетым. Чтобы поддержать своё реноме в глазах европейской общественности, Австрия решила вывести свои войска из Кракова. Тем более что эта мера уже никак не могла ослабить самого австрийского присутствия в Краковской республике. Сформированная милиция получила свой кодекс ещё весной 1839 г., и он вполне отвечал чаяниям венского двора. Так что войска можно было удалить без всяких неблагоприятных для Австрии последствий, что и было сделано в 1841 г., правда, перед этим на место прежнего президента Галлера был назначен сенатор Шиндлер, хорошо проявивший себя во время переустройств, связанных с германизацией Краковского университета.

Каноник Шиндлер стал последним президентом Вольного города, и за время его правления завершился процесс полного подчинения Кракова австрийским властям. Для этого ему не понадобились ни войска, ни конференция резидентов. Опираясь на данные ему полномочия и имея под рукой послушную милицию и полицию, Шиндлер употребил всю свою энергию на укрепление политических и экономических связей Кракова с Австрией.

Сразу после вывода австрийских войск вся судебная система Кракова была окончательно приведена в полное соответствие с австрийской, а дисциплинарный суд оказался просто-напросто упразднён как совершенно лишняя структура.

Главным экономическим проектом Шиндлера стала железная дорога, которая должна была пройти через Краков и связать две австрийские провинции — Силезию и Галицию. По мнению Шиндлера, именно эта дорога переориентировала бы торговые связи Кракова из Пруссии и России на Австрию.

Показательно, что как раз в это время Паскевич активно продвигал проект строительства железной дороги, которая должна была связать южнопольские заводы с Варшавой и далее соединить

эту магистраль с прокладываемой австрийцами дорогой Вена — Триест.

Экономическое сотрудничество, бесспорно, закрепляет сотрудничество политическое, и здесь Николай I был полностью согласен с «отцом-командиром». Железные дороги в то время воспринимались как «ноу-хау», и перспектива слияния ещё только создающейся австрийской железнодорожной сети с железнодорожной сетью Российской империи выглядела весьма заманчивой именно с политической точки зрения. Чуждый подобных расчётов русский министр финансов И.Ф. Канкрин из соображений экономии боролся с этим проектом, однако Николай I поддержал князя Варшавского. В письме ему от 28 января (9 февраля) 1839 г. царь рассуждал: «Дело о железной дороге считаю весьма полезным, ежели австрийское правительство не запретит нам свои границы наподобие Пруссии, чем все наши расчёты рушились бы. Как сие предупредить — не придумаю»³¹.

С Веной, впрочем, удалось договориться, и законченная в 1848 г. Варшавско-Венская железная дорога стала второй железнодорожной магистралью Российской империи после Петербургско-Московской (названной в честь императора Николаевской). Однако Краков остался в стороне от российских железнодорожных проектов как город, способный скорее составить конкуренцию экономическим интересам России. Причём, с учётом замыслов Шиндлера, этот конкурент мог быть довольно опасен, оттягивая на себя определённую часть транзитных потоков.

Краковская республика вообще располагала рядом льгот, позволявших ей успешно развивать собственную экономику. Так, с самого момента обретения статуса вольного города Краков, по венским договорённостям, получил торговые привилегии на беспроцентное посредничество между Царством Польским, австрийскими Галицией и Силезией и прусской Познанью.

Благодаря таким льготам, Краков очень быстро превратился в крупный торгово-транзитный центр, через который шли товары из Франции, Англии и Германии в австрийские провинции и Царство Польское. И наоборот, из Польши и Австрии через Краков

на Гамбург, Лейпциг и Франкфурт уходили сельскохозяйственные товары.

События 1830–1831 гг. привели к серьёзному сокращению торгового оборота Кракова. Пруссия повысила свои таможенные пошлины на товары, шедшие транзитом в Вольный город, Австрия же и вовсе перенаправила свои торговые потоки в обход Кракова, закрыв даже свободную торговую зону в Подгорье.

С Россией у Вольного города в 1834 г. была заключена торговая конвенция, по условиям которой Краков переуступал право на беспошлинную закупку определённого количества австрийской соли, а взамен получал право беспошлинного ввоза своих товаров на территорию Царства Польского. Ввозимые товары сертифицировались специальной комиссией, ежегодно приезжавшей из Варшавы и следившей за недопущением беспошлинного ввоза австрийских и прусских промышленных товаров под видом произведённых в Кракове.

В 1842 г. срок конвенции истёк, и Шиндлер, сославшись на нарушения со стороны русского правительства, отказался её пролонгировать. Представителей городских властей он уверял, что торговый договор с Австрией принесёт намного больше выгод. В результате, потеряв основной рынок сбыта, краковские фабрики и ремесленные мастерские вынуждены были сокращать объёмы производства, а большинство из них просто закрывались.

Вместо промышленности в Кракове и особенно в его предместьях быстрыми темпами стала развиваться контрабандная торговля. Ведущие позиции в этом бизнесе занимали представители еврейского населения этих предместий, которые подкупали таможенных чиновников и организовывали ночные коридоры для провоза товаров как в одну, так и в другую сторону. Рост спекуляции ещё больше способствовал сокращению объёмов промышленного производства, поскольку за одну удачную ночную операцию контрабандист выручал гораздо больше, чем трудившийся целую неделю в поте лица ремесленник или рабочий.

Все эти негативные экономические последствия несколько не волновали Шиндлера, главного блюстителя австрийских интересов в Вольном городе Кракове. Но они беспокоили Паскевича,

который в качестве наместника Царства Польского не мог утешаться тем, что от «гнезда мятежей» вверенный ему край получает хоть какую-то экономическую выгоду.

В фонде князя Варшавского, хранящемся в Российском государственном историческом архиве, имеются Всеподданнейшие отчёты наместника за 1832–1848 гг.³²

Из этих документов следует, что в 1845 г. — в последний год существования Краковской республики — экспорт из Царства Польского в Россию оценивался в 814 164 р., в Пруссию — в 1 241 288 р., в Австрию — в 823 180 р. Импорт в Царство Польское из России оценивался в 2 657 795 р., из Пруссии — в 3 728 892 р., из Австрии — в 995 085 р.³³

Показательно, что отдельные цифры по Краковской республике даже не приводятся, растворяясь в статистике, касающейся Австрии. В любом случае, из этих цифр видно, что торговый баланс Царства Польского был глубоко отрицательным, а главным торговым партнёром являлась Пруссия. Следует обратить внимание на ещё одну интересную деталь. Если объёмы экспорта в Россию и Пруссию практически равны, то объём российского импорта почти в 2,5 раза превосходит объём импорта австрийского. Можно предположить, что структура торгового баланса между Царством Польским и Краковской республикой, даже с поправкой на размеры их экономик, была примерно аналогичной. Однако выявление и анализ подобной статистики позволили бы в принципе прояснить вопрос об уровне рентабельности экономики Вольного города Кракова.

Шиндлер прекрасно чувствовал именно экономическую уязвимость Кракова, понимая, однако, что преференции со стороны могучих соседей должны помочь Вольному городу успешно выступать в роли посредника и, вполне вероятно, способны обеспечить его процветание.

Возможно, этим и объяснялась его сверхлояльная позиция по отношению к Австрии. Что же касается чисто представительских достижений, то здесь президенту действительно было чем похвастаться. При нём заметно изменился внешний вид города. Новые улицы стали прокладываться по заранее разработанным

градостроительным планам. Началось устройство городской канализации, было выстроено новое здание театра и возведён каменный мост через Вислу.

Бюджет городских расходов с 1,09 млн злотых (утверждённый первым сеймом в 1816 г.) вырос до 2,23 млн (утверждённых сеймом 1844 г.). За этот же период население республики увеличилось до 146 000 человек, из которых 46 000 проживало в самом Кракове.

Правда, университетская жизнь пришла в упадок. Количество студентов в университете после запрета 1833 г. на приём иностранных подданных резко сократилось. Если до запрета общее число учащихся превышало 700 человек, то в 1844 г. на всех факультетах числилось лишь 143 студента. Лекции читали профессора в основном из немецких и австрийских учебных заведений.

Но, конечно же, главным достижением Шиндлера как президента стали завершённые им реформы административной, судебной и торговой систем Кракова, полностью подготовившие присоединение территории этой республики к Австрии.

Долгожданным поводом, обеспечившим успешное завершение затянувшейся на годы операции, покровительствующие державы были обязаны обосновавшимся в Париже польским эмигрантам.

В декабре 1845 г. Паскевич писал Николаю I: «Направление умов в Европе отделило Россию от прочих государств. Массы народа в Англии, Франции, Пруссии и вообще на севере Германии заражены идеями демократии, даже анархии. Правительства тех государств или увлечены теми же идеями, или бессильны против них. Австрия могла бы ещё как правление, верное своей системе, удерживать несколько влияние Запада, если бы у неё не было Венгрии, Италии и Галиции, где дух народа не лучше, чем в Пруссии.

Итак, Россия остаётся одна постоянно в идеях монархических, в идеях порядка.

Западу это известно. От сего боязнь и ненависть к России в Европе»³⁴.

Слова Паскевича выглядят почти пророческими, если соотнести их и с событиями «весны народов», и с краковским восстанием, подготовка к которому как раз заканчивалась в период, когда они были написаны...

К началу 1840-х гг., после длительного периода разброда и шатания, характеризующих эмигрантскую жизнь предыдущих десятилетий, лишённые своей родины польские изгнанники сгруппировались вокруг двух основных центров, что в целом повторяло политическую конфигурацию национальных сил, сложившуюся в период Ноябрьского восстания.

Умеренные (Паскевич называл их «аристократической» партией) продолжали группироваться вокруг Адама Чарторыйского, обосновавшегося в своей парижской резиденции Hotel Lambert. Именно лидеры Hotel Lambert воспринимались в европейских столицах как некое подобие польского правительства в изгнании. Они вели активную культурно-просветительскую деятельность, а главное, предлагали вполне умеренную программу, в целом основанную на тех же гуманистических ценностях, что и программа реформаторов времен Станислава Понятовского. И, судя по всему, столь же оторванную от жёстких политических реалий.

Радикалы же смогли относительно консолидироваться вокруг Демократического общества, имевшего свои представительства во многих европейских городах, а также подобие постоянно менявшегося исполнительного органа из пяти человек — так называемую Централизацию со штаб-квартирой в Версале.

Эта организация пользовалась материальной и моральной поддержкой французского парламента, который ежегодно поднимал польский вопрос в своих прениях и привлекал к нему широкую публику.

Чарторыйский сумел частично отыграть свои позиции в Лондоне, где в 1838 г. польская эмиграция объявила об образовании Союза освободителей Польши, который он фактически и возглавил. (Чарторыйского даже прочили в короли; была отчеканена медаль с его профилем и надписью: «Боже! Возврати нам короля нашего!».)

Год за годом возглавляемое Централизацией Демократическое общество расширяло свою деятельность. Печаталась и повсюду распространялась пропагандистская литература. С 1834 г. на окраине Парижа в Батиньоле функционировала польская военная школа, готовившая бойцов для польского дела.

Постепенно революционные ячейки стали возникать сначала в Галиции, затем в Познани и, наконец, в Кракове. Из Парижа в Галицию и Познань отправились польские эмиссары. Но, в отличие от эмиссаров образца 1833 г., перед новым поколением стояли иные задачи. Теперь, по мысли Адама Чарторыйского, прежде всего следовало поднять на восстание поляков Галиции и Познани, чтобы добиться объединения этих двух бывших польских земель с Царством Польским под скипетром русского императора. Чарторыйский даже не ставил в качестве первоочередной задачи захват власти в этих областях, по его мнению, достаточно было продемонстрировать русскому царю стремление к подобному объединению.

Вскоре эта идея получила широкую общественную огласку в Австрии, а в Париже в открытую заговорили о панславизме и его значении для польского вопроса. Французские публицисты всерьёз рассматривали идею панславизма как серьёзное оружие поляков в их многовековом соперничестве с русскими.

Естественно, панславянская идея, поданная под соусом, изготовленным князем Чарторыйским, вряд ли могла заинтересовать такого хотя и увлекающегося, но, в общем, вполне трезвомыслящего политика, как Николай I. К тому же после Ноябрьского восстания царь находился во власти полонофобских настроений, основанных на глубоком убеждении в коварстве поляков, пренебрегших, по его мнению, чувством благодарности к российским самодержцам, даровавшим (Александр I) и сохранявшим (сам Николай) автономию Царства Польского. В Чарторыйском же для него персонифицировались все отрицательные качества поляков. Мог ли царь, с учётом всего сказанного, увлечься мечтой об объединении польских земель под своим скипетром? Стал бы он ради дружбы с Чарторыйским ссориться со своими традиционными, хотя и не слишком надёжными союзниками? Ответ очевиден.

В общем, планы Hotel Lambert грешили утопичностью и к тому же базировались на идее пускай и тактического, но всё же союза с силой, которую другие эмигранты могли воспринимать как главного исторического врага Польши.

Демократическое общество, напротив, никогда всерьёз не рассчитывало на достижение компромисса с державами Тройственного

альянса и, в полном соответствии со своим названием, делало ставку на самые широкие демократические слои соотечественников.

Этой организации не хватало известного и энергичного лидера, но такового она обрела, после того как в 1844 г. в состав Централизации вошёл публицист и оратор Людвиг Мерославский — сторонник радикальных мер, заменивший собой умеренного и осторожного революционера Малиновского. С его появлением Демократическое общество взяло курс на организацию общенационального восстания на территории всех польских «захватов».

Весной 1845 г. Мерославский совершил вояж по землям Царства Польского, Галиции и герцогства Познаньского с целью своего рода инспекции наличных средств и координации усилий признающих первенство Демократического общества нелегальных организаций.

Осенью он вернулся в Версаль и на совещании Централизации честно заявил, что подготовка ко всеобщему восстанию практически не ведётся. Однако дальнейшие его тезисы, как видно с высоты сегодняшнего дня, имели мало общего с реальной действительностью. По мнению Мерославского, польское население настолько созрело для восстания, что для его начала достаточно малейшей искры. Дальнейшее промедление с подготовкой может привести к тому, что восстание вспыхнет стихийно, а Демократическое общество окажется на обочине больших исторических событий.

Видимым подтверждением подобной оценки служили события, произошедшие в герцогстве Познаньском. Там местные комитеты, недовольные нерешительными действиями Централизации, заявили о своём неподчинении и даже назначили срок своего выступления — 17 (29) ноября 1845 г., в годовщину Ноябрьского восстания.

Революционные комитеты рассчитывали поднять на борьбу практически все слои польского населения — солдат, ремесленников и даже крестьян. Звучали призывы уничтожать представителей прусских властей, а немецкое население обложить контрибуцией. Не желавших подчиняться следовало изгонять или даже истреблять.

Но всем этим планам не суждено было сбыться из-за крайне низкого уровня организованности потенциальных повстанцев. Некоторые из них то ли из-за чрезмерного патриотического рвения, то ли из-за элементарной корысти ещё до назначенной даты пытались требовать с немецких ремесленников «налог» на революцию. Дело, разумеется, дошло до полиции, которая в течение ноября арестовала около 80 подозреваемых в Познани и около 30 человек в Каратошине. Выступление оказалось сорванным, однако находившиеся в Версале руководители Демократического общества, наблюдая издали за этими событиями, действительно пришли к выводу, что их час пробил.

Стремясь не остаться в стороне от движения, Мерославский предложил разработать военный план выступления, совершив новую поездку в Познань. Созвав совещание руководителей местных нелегальных организаций, он предложил им ни больше ни меньше как сформировать будущее революционное правительство, которому после начала восстания должны будут подчиняться все поляки.

Претендуя на роль нового национального лидера и понимая, что такое правительство будет нелегитимно даже среди самих революционеров, Мерославский заявил, что в правительство следует ввести и представителей других группировок. В результате обсуждений остановились на том, что эмигрантов в этом правительстве должен был представлять Альциата, Познань — доктор Либельт. Верховным же руководителем стал сам Мерославский, облечённый правом принятия единоличных решений военного характера.

Из Познани члены этого самопровозглашённого правительства перебрались в Краков, где рассчитывали пополнить свои ряды депутатами от австрийской Галиции, Царства Польского и Краковской республики.

6 (18) января 1846 г. прошло первое заседание. Представителем от Галиции был избран Тиссовский, от Кракова и Верхней Силезии — бывший профессор Краковского университета Горшковский, от Царства Польского — Лисовский. На этом же заседании революционное правительство назначило дату восстания — 9 (21) февраля 1846 г.

Затем Мерославский вернулся в Познань, где в скором времени набросал общий план военных действий и назначил предводителей, каждый из которых должен был отвечать за организацию выступления на конкретной территории одного из «захватов».

Особое внимание уделялось Царству Польскому. На краковском совещании его представлял Николай Лисовский, заявивший, что весь край поднимется как один человек, как только в него придут повстанческие колонны из Познани и Галиции.

Однако при всей внешней решительности на роль лидера восстания в Царстве Польском Лисовский не годился, и выбор Мерославского пал на другую кандидатуру — сына создателя польских легионов в наполеоновской армии Бронислава Домбровского. Будучи крупным познанским землевладельцем, он, в качестве приданого супруги, располагал также обширными поместьями в Царстве Польском, не был стеснён в средствах, а его громкое имя до определённой степени могло компенсировать нехватку способностей.

Сам Мерославский остался в Познани, где продолжил встречаться с членами различных комитетов, уточняя и координируя подготовку.

Естественно, что вся эта кипучая деятельность не осталась незамеченной прусской полицией, которая уже давно располагала своей агентурой в рядах польских нелегальных организаций.

Утром 31 января (11 февраля) Мерославский и несколько его товарищей были арестованы в селе Свиняры, куда они прибыли на очередное совещание. Одновременно в Познани начались поквартирные обыски и аресты, по ходу которых были изъяты тайники с оружием и важные документы.

Как следствие, в назначенный срок никакого восстания в прусском «захвате» не произошло. Правда, уже после начала волнений в Кракове оставшиеся на свободе революционеры попытались организовать нападение на Познанскую цитадель с целью освобождения Мерославского и его товарищей, но, не сумев скоординировать свои действия, потерпели неудачу.

Столь же неудачной была и попытка организации восстания в Царстве Польском. Домбровский поначалу энергично взялся за

дело, подобрав 13 «офицеров» для своего предприятия (11 чиновников и 2 студентов). Все они отправились в расположенное неподалёку от Варшавы имение супруги Домбровского — Куфлев, где, под видом собравшейся на охоту компании, стали готовиться к выступлению. В качестве целей нападения были определены крепость Ивангород и уездный центр Седлец.

Правда, осмотр укреплений Ивангорода убедил в полной бесперспективности любых попыток взять эту твердыню внезапным налётом. Взятие Седлеца представлялось более лёгким, однако «офицеры» никак не могли обзавестись подчинёнными: на любые разговоры о любви к Родине крестьяне категорически заявляли, что «бунтовать не будут».

Настроение заговорщиков падало, но присоединившийся к ним помещик Панталеон Потоцкий убеждал не опускать руки. С тремя «офицерами» он отправился в своё поместье, где, выставив обильное угощение, уговорил девятых крестьян присоединиться к своему отряду.

В Куфлеве между тем супруга Домбровского заставила гостей разъехаться от греха подальше, сама же вместе с мужем отправилась в герцогство Познаньское.

Потоцкий об этом не знал и с наступлением даты восстания в полночь 9 (21) февраля на санях во главе отряда из 9–10 человек (ещё двое-трое крестьян сбежали по дороге) прибыл в Седлец. Последующие метания этой горстки людей выглядели трагично. Сначала они попытались захватить гауптвахту, где ранили двух солдат, затем атаковали казначейство, где ранили ещё двух солдат и жандарма. Наконец ворвались в здание дворянского собрания, где проходил бал, ранив унтер-офицера и двух гардеробщиков. Потоцкий ревел: «Кто поляк, соединяйся со мной!», но кавалеры предпочли успокаивать дам: «Не бойтесь — это наши». Окончательно протрезвевшие и испуганные крестьяне топтались в прихожей, делая вид, что зашли на огонёк случайно, а при появлении уездного начальника Гинча и нескольких офицеров с явным облегчением сдались. Потоцкий и его «офицеры» бежали в лес, где к утру следующего дня были захвачены, опять-таки местными крестьянами.

Обрадованный этим обстоятельством Николай I писал Паскевичу 24 февраля (8 марта) 1846 г.: «Меня душевно радует поведение мужиков у нас; награждай щедро и более усердствующим давай медали; надо сколь можно их поощрять и награждать их за верность и усердие»³⁵.

Узнав о событиях в Седлеце, фельдмаршал приказал выставить дополнительные войска вдоль границ с Познанью и Галицией, а также отправил доверенных офицеров в разные концы Царства Польского отследить ситуацию. Иногда эти эмиссары заставляли подозрительные компании, съезжавшиеся на «охоты», которые тут же отменялись.

Если судьба Мерославского и его товарищей сложилась относительно благополучно (в 1848 г. с началом революции в Пруссии они вышли на свободу, а потерпев неудачу с организацией польских легионов, удалились в эмиграцию), то арестованных седлецких заговорщиков подвергли серьёзному наказанию. Потоцкий и двое его «офицеров» (Коцишевский и Жарский) были повешены. Под следствием оказались многие участники «охоты» у Домбровского, а сам он был арестован прусской полицией.

Хотя в целом общественное мнение Пруссии в 1846 г. относилось к польским революционерам скорее сочувственно, Николай I мог испытывать удовлетворение, поскольку во многом благодаря именно его усилиям правительства трёх держав в польском вопросе продолжали демонстрировать единодушие, а их охранные органы наладили вполне успешное взаимодействие.

И всё же усилия Мерославского не пропали даром, хотя и привели к результатам, к которым он вовсе не стремился. Этими событиями стали «галицийская резня» и гибель Краковской республики.

В Галиции численность польского населения превышала численность населения австрийского, аналогичная картина наблюдалась и в национальном составе квартировавших в крае воинских частей. Среди поляков при активном участии агентов Централизации были созданы нелегальные организации, которые не без успеха ликвидировались австрийской полицией, но сразу же заменялись другими.

Николай I с интересом наблюдал за происходящим. 23 января (4 февраля) 1840 г. он писал Паскевичу: «Известия из Галиции подтверждают открытие важного заговора и что наконец правительство принялось за строгие меры. Но с Краковом, я уверен, так не кончится, и придётся приступить к решительной мере, как Меттерних сего ни боится»³⁶.

Показательно, что спокойствие в Галиции русский царь увязывал с ситуацией в Кракове. Ещё через полгода русский царь снова был взволнован событиями в Галиции, где австрийские полицейские органы за месяц арестовали в войсках 20 человек молодых офицеров и более 100 юнкеров и унтер-офицеров польского происхождения по обвинению в связях с Демократическим обществом. Впрочем, как полагал Николай I, «австрийское правительство действует слабо, ибо барон Криг (губернатор Галиции. — А. С.), чтобы приобрести популярность, не настаивает на строгия меры... Где долго потакали, потом должны строгости употребить, которые ожесточают»³⁷.

Некоторые чиновники в Вене даже предлагали поголовно заменить состав войск в Галиции, но от подобных решительных мер всё-таки решили воздержаться.

Следуя старинному принципу «разделяй и властвуй», австрийцы сделали ставку на национальные и сословные противоречия.

Здесь имеет смысл привести сравнительную характеристику сословных различий, существовавших на территории российского, прусского и австрийского «захватов», данную на заседании французского парламента 7 (19) марта 1846 г. графом Монталамбером: «Социальное устройство Царства Польского (прежнего Варшавского герцогства), Великого княжества Познаньского и королевства Галицкого далеко не одинаково. В Царстве Польском личные крепостные отношения не существуют с введением наполеоновского кодекса, но обязательные отношения остались, хотя барщина и значительно сокращена; в Галиции, находящейся под владычеством Австрии, и холопство и барщина существуют; в Познани, управляемой Пруссией, уничтожено и то и другое. Пруссия следовала в этом случае политике верной и справедливой; она одинаково отнеслась ко всем классам своих подданных; она дала им

равномерные права. Австрия поступила иначе; она сохранила всё общественное неравенство между землевладельцами и сельчанами. Правда, её правительство приняло под свою защиту крестьян против шляхты, взяв на себя разрешение их нескончаемых споров; но оно сохранило самую причину распри, отказавшись уничтожить рабство, возложив в то же время на шляхту правительственные обязанности, наиболее неприятные для населения, и увеличило таким образом причины к сословному разделению, возбуждавшие естественную ненависть между двумя классами жителей... система, введённая Иосифом II в польских провинциях Австрии, возложила на земледельцев надзор за выполнением сельским классом его повинностей перед государством, т. е. сделало их проводниками всего, что в австрийской системе правления ложится на сельское население самым тяжёлым образом, угнетает и разоряет его. Шляхта обязана была производить рекрутские наборы, взимать подати, отправлять полицейские обязанности и даже заменить собою исправительный суд в первой инстанции, с наложением телесных наказаний... Некоторых из этих обязанностей, наложенных на Галицкую шляхту, не существовало даже в древней Польше, каковы: наблюдение за рекрутчиной и собирание государственных податей.

Таким образом, все народные повинности в Галиции австрийское правительство взыскивало через посредство польской шляхты. Такая власть или, лучше сказать, столь чрезвычайное поручение, возложенное правительством на шляхту, выполнялось людьми, находившимися на содержании у земледельцев, так называемыми мантадорами, но в то же время зависевшими от правительства, от опеки многочисленной немецкой бюрократии, лично заинтересованной в поддержке разъединения между различными классами Галицкого населения. Таким образом, эта бесчисленная бюрократия вмешивалась в жизнь сельского класса не для того, чтобы самой взимать подати, чтобы самой собирать рекрутов, но чтобы пользоваться некоторого рода опекой над сельчанами, чтобы принимать их жалобы, выслушивать неудовольствия, удовлетворять их и, надо сказать правду, чтобы беспрестанно возбуждать крестьян против шляхты, на которую возложена столь печальная обязанность

отягощать крестьян самыми трудными государственными повинностями. Хотя шляхта и не раз во время сеймов ходатайствовала не только о снятии с неё подобных обязанностей, но и об уничтожении барщины, однако ж просьбы её не были удовлетворяемы. Австрийское правительство не отвергало их, но, как оно всегда делает, откладывает их в долгий ящик. Так оно действовало в течение тридцати лет; единственное объяснение такого поведения заключается в желании разделять оба сословия, чтобы тем вернее властвовать над ними. Рано или поздно, такой образ действий должен был привести к плачевным последствиям»³⁸.

Характерно, что в своём выступлении Монталамбер не стал углубляться в характеристику социальных отношений, существовавших в Царстве Польском, поскольку понимал, что объективный анализ в данном случае говорит в пользу политики, проводимой российскими властями.

Благодаря усилиям Николая I и Паскевича, шляхта фактически утратила роль польской политической элиты. Ещё 19 (31) декабря 1831 г. императором был издан указ, согласно которому к дворянству причислялись лишь те, кто смог доказать его соответствующими документами. К концу 1838 г. в дворянском звании были утверждены 3863 лица — ничтожнейшее количество по сравнению с теми почти десятью процентами населения, которые относили себя к шляхте. Прочие причислялись к мещанам и однодворцам.

Государственные крестьяне были переведены на чинш — то есть фактически получили свободу в обмен на обязательство выполнять набор строго фиксированных повинностей. И при этом плавными законодательными мерами чинш стал распространяться и на крестьян частновладельческих. Таким образом, довольно глубокая канава, разделявшая крестьян и помещиков, стала превращаться в глубокий ров, что и проявилось в полной мере во время событий в Седлеце.

Крестьяне симпатизировали русской власти, помещики же, традиционно претендовавшие на роль главных носителей национального самосознания, выступая с патриотическими призывами, не находили должного отклика.

В австрийской Галиции власти пытались проводить сходную политику, тем более что к сословным противоречиям здесь прибавлялись противоречия национальные. Если землевладельцы почти поголовно были поляками, то крестьяне — украинцами или русинами. Поляки воспринимались русинами как угнетатели, зато австрийские власти, представители которых при разборе конфликтов между помещиками и крестьянами обычно принимали сторону последних, скорее как союзники.

Эту копившуюся десятилетиями ненависть к «панам» всколыхнули и факторы субъективного порядка. В 1845 г. наблюдался падеж скота, неблагоприятные погодные условия привели к неурожаю, а наводнение разрушило сельские дома во многих районах.

Лишившиеся средств пропитания крестьяне начинали нищенствовать или разбойничать. И было очевидно, на кого в первую очередь они хотели бы выплеснуть своё недовольство и свою ненависть.

ГЛАВА 7

«ПРИСТУПИТЬ К РЕШИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ...»

Уверенность эмиссаров Мерославского в успехе в глазах их противников выглядела странной, иррациональной и зачастую просто глупой.

Так, прибыв в Тарнов и поселившись в гостинице, революционеры устроили пирушку, во время которой открыто обсуждали ход предстоящего восстания и даже приглашали австрийских офицеров выпить за возрождение Польши.

Впоследствии немецкие и русские авторы неоднократно высказывали убеждение, что правитель Галиции эрцгерцог Фердинанд находился под сильным польским влиянием, а потому не проявил необходимой распорядительности. Однако у эрцгерцога имелся энергичный помощник.

Начальник местной полиции Брейндль, опять-таки через своих агентов, знал о появлении беспокойных гостей и до поры до времени не предпринимал никаких мер для их ареста. Более того, он постарался максимально успокоить своим бездействием заговорщиков и одновременно провёл целый ряд мероприятий, призванных лишить их потенциальных сторонников.

Австрийские подразделения были выведены из сельской местности в города, солдаты-поляки отправлены в бессрочные отпуска, а среди крестьян распущены слухи, будто польские паны-помещики собираются поднимать мятеж, не желая, чтобы правительство раздало крестьянам землю, отменило холопство и барщину.

В результате, когда польские повстанцы попытались силой привлечь крестьян в свои ряды, те оказали ожесточённое сопротивление.

Дело дошло до крупного боя, в котором было убито 130 заговорщиков, взято в плен 80. И живых, и мёртвых крестьяне привезли в Тарнов, где представили Брейндлю. И тут начальник полиции совершил неосмотрительный, хотя и стратегически верный шаг: он поощрил верноподданных крестьян, заплатив им за каждого живого заговорщика по 5 флоринов и по 10 за мёртвого. По всей западной Галиции разнёсся слух, что за мёртвого шляхтича дают в два раза больше, чем за живого, что было воспринято крестьянами как руководство к действию.

Доведённые до нищеты крестьяне устроили настоящую охоту за своими панами. С 6 по 10 (18–22) февраля 1846 г. в одном только Тарновском округе было убито около полутора тысяч человек шляхетского сословия. За убитых уже не выдавались денежные премии, но насилие продолжалось. Ходили слухи, что австрийские чиновники, переодевшись в крестьянское платье, зачастую выступали в роли подстрекателей.

Эти события, получившие название «Галицийской резни», привели к истреблению почти восьми сотен дворянских семей. Участник Венгерского похода Н.Д. Лихутин вспоминал, что в 1849 г. познакомился с одним галицийским помещиком, человеком гуманным и образованным. С горечью тот признался, что ненавидит крестьян, которые тремя годами ранее зверски убили его отца и всей деревней изнасиловали красавицу жену¹. Мемуаристы приводят и более душераздирающие случаи зверств крестьян над своими господами. Таким образом, польское восстание в Галиции, ещё не начавшись, было залито кровью.

Между тем, по замыслу эмигрантских комитетов, восстание с западной Галиции должно было перекинуться в Краков, которому в дальнейшем предназначалась роль центра всеобщего польского восстания.

Возле границ Краковской республики повстанцы организовали несколько отрядов, которые в назначенный день должны были захватить город.

Австрийский резидент докладывал князю Меттерниху, что в Вольном городе и его окрестностях наблюдается подготовка к мятежу, а правительство неспособно к решительным мерам,

поскольку напугано неуправляемостью вышедших из-под контроля народных масс.

После того как конференция резидентов получила данные, что восстание назначено на 8 (20) февраля, её члены обратились к сенату и его временному президенту Ксенжарскому с запросом, сможет ли правительство своими силами обеспечить порядок в городе. Сенат не решился взять на себя такую ответственность. Тогда конференция резидентов потребовала от начальника австрийских войск, располагавшихся в Подгорье, ввести несколько соединений в Краков, что и было выполнено 6 (18) февраля 1846 г.².

Сенат опубликовал в этот день обращение к гражданам Вольного города, в котором, в частности, говорилось: «...стечение чрезвычайных обстоятельств, угрожающих личной и имущественной безопасности граждан и жителей вольного города Кракова, настоятельно требовало увеличения вооружённых сил в этой стране. Помощь, в которой она имела надобность по этому случаю, оказана вольному городу отрядом войск одной из высоких покровительствующих держав, который вступил ныне в город. Эта мера принята единственно с целью поддержать законный порядок и отвести от города покушения, которыми ему угрожают. Сенат, доводя о том до сведения обывателей, надеется, что граждане и жители примут эту меру как доказательство заботливости о благе страны и вполне оценят её благодетельные последствия; сенат надеется также, что они своим мирным и законным поведением поддержат правительственные усилия, направленные к поддержанию порядка»³.

Появление в Кракове австрийских войск, а также известие об аресте Мерославского привели в замешательство членов революционного правительства. Собравшись под Краковом, Альциата, Тиссовский и Горшковский сначала решили было разослать во все отряды гонцов с приказом об отмене восстания. Однако затем внезапно поменяли свою точку зрения на прямо противоположную. Отправленные ими гонцы помчались во все стороны с приказом выступить на сутки ранее.

Между тем сидевший в Варшаве Паскевич бдительно следил за развёртывавшейся на его глазах драмой, с тем чтобы в решающий момент принять в ней участие. В своём официальном донесении

императору от 9 (21) февраля 1846 г. он следующим образом излагал события, приведшие к вступлению в город австрийского отряда:

«Резидент наш в Кракове доложил мне, что, по достоверным известиям, мятеж должен был вспыхнуть в вольном городе около 20 февраля. Президент сената сознаётся в невозможности ответственность за сохранение спокойствия и порядка, что в случае народного волнения трудно, а по состоянию Вислы, может быть, и невозможно будет призвать Австрийские войска из Подгуржа. По сим уважениям, все три Резидента признали необходимость просить Покровительствующие Державы о неотлагательном занятии своими войсками Кракова.

Как по многим сведениям можно было точно ожидать беспорядков, я приказал собрать на нашу границу батальон Кременчугского егерского полка и казачью полусотню. Барону же Унгерн-Штернбергу я приписал не приступать к занятию вольного города, как:

По разрешению Венской конференции, и в таком случае распорядился таким образом, чтобы австрийские или прусские войска вошли если не прежде, то вместе с нашими.

В случае поднятия мятежниками оружия призвать наш батальон по удостоверению, что австрийский резидент получил дозволение вызвать австрийские войска.

В случае только явной опасности потребовать объявление Сената, что он не в состоянии удержатъ порядок одними своими способами, и письменное объявление австрийского резидента, что он призывает австрийские войска, и тогда распорядиться так, чтобы город занят был австрийскими войсками, а потом и нашим батальоном.

На другой же день отправления моего предписания резидент мне донёс, что волнения в городе всякий день усиливаются, что везде разосланы приглашения юношеству вооружаться за отечество, что генералу Хлопицкому предлагали принять начальство над мятежным войском, что люди спокойные оставляют город и что за тем Резидент решились призвать австрийские войска.

На другой день, 6/18 февраля, бригадный генерал Колин должен был вступить в Краков с 1200 человек пехоты, 270 конницы и полу-батарею.

Я приказываю нашему батальону оставаться на границе и только в случае нужды допустить призвание его в Краков. Этот батальон будет состоять в распоряжении Резидента в Кракове, и командиру одного полковнику Менгдену приказано действовать соответственно его требованиям»⁴.

В ночь с 8 (20) на 9 (21) февраля в предместье Кракова Звержинец на австрийские войска напали два отряда повстанцев, но их атака была отбита. Аналогичная участь постигла и три другие отряда, которые попытались прорваться в город через предместья Клепаж, Весола и Страдомя. Остатки разгромленных отрядов повстанцев ушли в Галицию. В Вольном городе власти объявили военное положение.

Казалось, всё было кончено. Но на следующий день, 10 (22) февраля, в шесть часов утра командующий австрийским отрядом генерал Коллин принял решение оставить Краков.

О причинах столь странного решения до сих пор нет однозначного мнения. Скорее всего, на генерала повлияли слухи о том, что в его тылу повстанцы разбили австрийский гарнизон и теперь двигаются к Кракову, рассчитывая взять в окружение и уничтожить небольшой отряд австрийцев⁵.

Так или иначе, но 10 (22) февраля город остался без защиты и без руководства, поскольку вслед за австрийцами город покинули и президент со своим правительством, и полицейские власти.

В Варшаве Паскевич по-прежнему отслеживал ситуацию, пытаясь определить, до какой степени волнения в Кракове могут отразиться на ситуации в Царстве Польском. Его тревога отражена в очередном донесении императору от 11 (23) февраля 1846 г.:

«В Кракове мятеж предполагали начать только 8/20 числа, действительно, как доносит Резидент наш, с 8/20 на 9/21 числа между 4 и 5 часов по полуночи толпы людей с оружием и косами бросились на город, предводимые, как полагают, некоторыми помещиками и ксёндзами. При этом случае много было убитых и раненых как военных, так и возмутителей; стреляли из окон: вели атаку на дом миссии, где находится почта, но не сильную, так что караул и патруль рассеял

бунтовщиков. В полдень восстановилось спокойствие, но брожение продолжалось и ожидали новой атаки ночью. На отряд из 60 легкоконцев с 2 офицерами, посланный в Кшешов в имение графини Артур-Потоцкой, сделано нападение, когда все спали. Все они побиты, кроме 1 офицера и 1 кадета, кои спаслись и объявили о сем происшествии. Один полицейский Комиссар убит...

По сведениям, от пограничных начальств наших полученным, большого убийства не было, и в Кшешове только обезоружены 12 человек. В ту же ночь шайка возмутителей до 20 человек, пришедшая из Краковской области, пришла к нам, и на посту Видома напала на спавших казаков, забрала их лошадей, оружие и 9 человек увела с собой.

Вследствие всех этих происшествий я сделал следующие распоряжения:

— Послал моего адъютанта полковника Аничкова ускорить прибытие батальона Кременчугского егерского полка в Краков, а Командиру того полка, так как он сам ведёт этот батальон, велел поспешить с командою казаков вперёд и по прибытии в Краков состоять в распоряжении г. Резидента. После же отъезда Аничкова получил донесение, что сотня казаков приходит уже в Краков сего дня, а батальон, ускорив марш, прибывает туда завтра...

Прибывшая сию минуту почта из Кракова привезла известие, что там 10-го числа было спокойно, но лавки закрыты и никакого торгу не было в ожидании нового нападения. Эта же почта встретила казаков наших за Меховым, а батальон не доходя оного. Следовательно, первые должны быть теперь уже в Кракове, а последний придёт туда завтра непременно»⁶.

Ситуация в Кракове была накалена до предела, жители пребывали в тревоге. Чтобы избежать анархии, влиятельные люди города решили организовать хоть какой-нибудь орган управления и обратились к графу Иосифу Водзицкому. Тот согласился возглавить Комитет общественной безопасности.

Первым делом комитет учредил городскую стражу, которая должна была следить за порядком на улицах и охранять тюрьму и казначейство.

Тем временем слух об отступлении австрийцев дошёл до членов революционного правительства, и они отправились в Краков, собирая по пути своё разрозненное войско. Вскоре Вольный город заполнили плохо вооружённые и полупьяные толпы повстанцев. На улицах стали раздаваться стрельба и призывы к восстанию. Тюремная стража разбежалась, а освобождённые из заключения узники вливались в ряды восставших. Естественно, присутствие в городе столь недисциплинированной воинской силы приводило к грабежам и скандалам.

Водзицкий попытался призвать повстанцев к порядку и выступил на торговой площади с обращением от имени комитета.

В это же время члены революционного правительства составляли свой первый документ — протокол об утверждении национального правительства польской республики. В частности, в нём говорилось:

«... четырнадцать лет усилий храбрых сынов отечества, направленных на то, чтоб возвратить ему его национальное существование, создали во всех частях Польши многочисленные общества, члены которых приготовились ко всевозможным опасностям. Все их желания устремлены к одной цели — восстановить отечество, возвратить свободу всему польскому народу. 12 (24) января сего года комитеты всех польских обществ вручили правительственную власть пяти лицам и секретарю, которые были избраны в великом княжестве Познанском, Вольном городе Кракове с его округом, Галиции, России и между эмиграцией; это правительство должно потом пополниться избранием двух членов, одного для воссоединённой Польши, другого для Литвы. Избранные члены и секретарь приняли порученную им власть с тем, чтобы явиться им в Краков к 9 (21) февраля. Члены от Кракова и его территории, от Галиции и от эмиграции, действительно явились к назначенному сроку, между тем как представитель великого княжества Познанского был арестован, а представитель России и секретарь до сих пор не прибыли. Член от эмиграции, возымевший, по прибытии австрийских войск в Краков, опасение за свою свободу, внезапно скрылся за границу. Всеобщее возбуждение, господствующее в эти минуты в Кракове, и известия, приходящие со

всех сторон, показывают, что революция вызвана волею Бога и всего польского народа. Эти события налагают на членов правительства, ещё не прибывших сюда, священную обязанность вступить в свою должность не медля, тем более что наши братья-земледельцы могут пасть под тяжкими ударами и не осмелятся в настоящее время принять участие в восстании»⁷.

Творческий процесс работы над этим протоколом был прерван сообщением о том, что в городе существует другое правительство и сейчас граф Водзицкий зачитывает от его имени обращение к народу. Тиссовский потребовал доставить графа к нему. Через некоторое время вооруженная толпа привела Водзицкого и остальных членов Комитета общественной безопасности.

Тиссовский объявил перепуганному графу, что все бразды правления в республике берёт на себя революционное правительство и никакого другого правительства оно не потерпит.

На вопрос Водзицкого, кто же уполномочил революционное правительство на такие действия, Тиссовский сослался на прибывших из Франции представителей польской эмиграции и «де-факто» уже не существующий познанский комитет Мерославского. Тогда граф поинтересовался, не желают ли новые власти объявить королём Адама Чарторыйского. Тиссовский ответил, что принятие столь судьбоносных решений не входит в компетенцию его правительства, которое создано для руководства революцией, и что вопрос о будущем политическом устройстве возрождённой Польши будет решать польская нация.

Эти слова произвели на всех присутствующих восторженное впечатление. Водзицкий и Тиссовский обнялись, и граф объявил, что Комитет никоим образом не претендовал ни на какую власть и теперь приостанавливает свою деятельность.

Однако по завершении этой патетической сцены следовало приступить к конкретным делам и для начала как-то организовать разгуливающие по улицам города толпы вооружённых людей.

Тиссовский приказал собрать всех состоявших в прошлом на военной службе поляков для проведения выборов командного состава. В конце концов пост командующего был поручен

старому генералу Ржуховскому, участвовавшему ещё в восстании Костюшко.

Первым делом генералу надлежало собрать всех повстанцев под своё начало и разрушить мост, который соединял город с предместьем Подгурже, чтобы предотвратить внезапное появление австрийских или русских отрядов⁸.

Ржуховский собрал подчинённых, которые смогли сжечь один пролёт моста, но затем снова разбрелись по улицам, продолжая бражничать и наводить ужас на обывателей.

Тем временем революционное правительство пыталось придать своему успеху форму пролога к общепольскому восстанию, сочинив и отпечатав манифест, который Тиссовский решил обнародовать на площади перед общегородским собранием.

Текст данного документа был следующий:

«Манифест польской республики к польскому народу!

Поляки! Час восстания пробил. Вся разорванная Польша встаёт и собирает свои части. Встали наши братья в княжестве Познанском и Конгрессовой Польше, на Литве и на Руси и бьются с супостатом за свои святые права, отнятые у них коварством и насилием. Вы знаете, конечно, что творилось там и творится постоянно. Цвет нашего юношества гниёт по тюрьмам; старцы, которые нас поддерживали, преданы поруганию; духовенство лишено всякого значения, — словом, каждый, кто только делом или даже хоть одной мыслью стремился жить и умирать для Польши, уничтожен, либо ждёт с часу на час в тюрьме этой участи. Отдались в наших сердцах и растерзали их до крови стоны миллионов, засечённых, замученных по темницам, служащих солдатами в рядах угнетателей; стоны терзаемых всем, что только может человек вынести. Враги отняли у нас нашу славу, запрещают нам говорить по-польски, исповедовать веру отцов, препятствуют улучшениям всяких учреждений, вооружают братьев против братьев, распространяют клеветы о достойнейших сынах отечества. Братья! Ещё один миг — и Польши не будет! Не будет ни одного поляка! Внуки наши будут проклинать нашу память за то, что вместо лучшего края земли мы оставили им пустыню и развалины; допустили оковать цепями самый доблестный из народов мира; что

они должны исповедовать чужую веру, говорить на чужом языке и быть невольниками похитителей прав своих. Прах отцов наших, мучеников за народное дело, вопиёт к нам из могил, чтобы мы отмстили за них; вопиют к нам дети, чтобы мы сохранили им отечество, вверенное нам Господом Богом; вопиют к нам свободные народы всей земли, чтобы мы не дали погибнуть святым основам народности; взывает сам Бог, который потребует от нас отчёта в делах жизни нашей.

Нас двадцать миллионов: встанем как один человек, и силы нашей никто не одолеет! Будет у нас свобода, какой ещё не видали на земле; дойдём до такого устройства общества, где каждый будет пользоваться доходами с земель по мере заслуг и способностей. Ни о каких привилегиях, под какой бы то ни было формой, не будет и помину. Напротив, каждый поляк найдёт обеспечение для себя, жены и детей; каждый, страдающий каким-либо недугом, душевным или телесным, будет призрен, не слыша ни малейшего укора с чьей-либо стороны. А земля, состоящая только в условном владении крестьян, сделается их безусловной собственностью; всякий чинш, панщина и тому подобное уничтожаются; а служба народному делу с оружием в руках будет награждена землей из народных имуществ.

Поляки! Забудем всякую между собой разницу, станем братьями, сынами одной матери-отчизны, одного Отца Бога на небесах! Его призовём на помощь, и Он ниспошлёт силу нашему оружию и даст нам победу. Но дабы Он услышал наши молитвы, не будем позорить себя пьянством, грабежом, самоволием, убийством безоружных иноверцев и чужеземцев; ибо не с народами, а с притеснителями нашими мы имеем дело. Теперь же в знак единства наденем народные кокарды и произнесём такую присягу: “Клянусь служить моей отчизне, Польше, словом и делом! Клянусь посвятить ей все мои личные интересы, имущество и жизнь. Клянусь исполнять беспрекословно всякие приказания народного правительства, учреждённого в Кракове, 22 сего февраля, в 8 часов пополудни, в доме под Христофорами и слушаться всякой власти, от него поставленной. Господи Боже, помоги мне в этом!”»⁹

Как свидетельствовал Н.В. Берг, «Манифест сей должен был быть напечатан в правительственной газете и разослан по целой Польше в отдельных экземплярах, дабы его оглашали с амвонов по костёлам, а в гминах прибивали по стенам, на видных местах»¹⁰.

Разумеется, обнаружение манифеста вызвало в толпе взрыв патриотического энтузиазма.

Оратора на руках под крики «ура» доставили к месту заседания правительства. Тиссовский приободрился и совместно с товарищами сочинил революционный устав, состоявший из семи статей и предписывавший всем поляком беспрекословно повиноваться национальному правительству под страхом смертной казни за любое противодействие или непослушание. Также устав восставлял национальный флаг и герб.

Отпечатанный манифест и приказ ко всем отрядам повстанцев немедленно сосредоточиться в окрестностях Кракова были разосланы с курьерами по всей территории Краковской республики. Вскоре количество вооружённых лиц в Кракове стало увеличиваться, что привело к новому всплеску надежд у борцов за восстановление Польши¹¹.

В городе ходили слухи о 10-тысячной армии повстанцев, которая вот-вот прибудет на помощь. Однако реальность была иная: и в Царстве Польском, и в Познани восстание провалилось, в Западной Галиции крестьяне резали шляхту, и вскоре сведения, подтверждающие, что Краков остаётся единственным островком в бующем море реакции, притушили взрыв энтузиазма.

Дамокловым мечом висели австрийские войска, к тому же добавились вести о приближении русских войск. Члены революционного правительства так и не могли определиться, что же им делать со своими завоеваниями.

Однако надежда, казалось, снова забрезжила после вступления в Краков кавалерийского отряда Эразма Скаржинского, который состоял из 50 улан и примерно 5 тысяч плохо вооружённых сельчан и ремесленников.

Тиссовского объявили диктатором, а Скаржинский стал главнокомандующим. Диктатура Тиссовского началась с обнаружения приказа:

«Диктатор Иван Тиссовский к народу польскому.

Беспорядки, начавшие вторгаться в коллективное правительство, и получаемые отовсюду вести, что крестьяне, не понимая, в чём дело, бросаются на помещиков, заставили меня взять власть в свои руки, о чём, извещая в особенности жителей города Кракова, предостерегаю всех, что часовые, стоящие у моих дверей, получили приказание не впускать ко мне никого, кроме тех, кто является за известным знаком с рапортом. А рапортовать могут только те, кто имеет сообщить что-либо существенно важное. С проектами и советами могут являться только те, кого я вызову.

Краков. Февраля 24-го дня 1846 года. Иван Тиссовский. Секретарь Рогавский»¹².

Затем началась работа по организации разношёрстной толпы в некое подобие освободительной армии. Мобилизованные бывшие офицеры, как правило, весьма преклонного возраста, назначались на командные должности. Так, бывший артиллерист Каминский стал инспектором артиллерии. В его распоряжении имелась одна пушка «древнего образца» и 20 бочек с порохом.

Одновременно формировались министерства и профильные ведомства для управления военными и хозяйственными делами.

Пытаясь расширить социальную базу восстания, но явно импровизируя и выходя за рамки инструкций, данных ему ликвидированным Познаньским комитетом, Тиссовский издал прокламацию под названием: «Ко всем поляком, которые могут читать». В ней диктатор от имени революционного правительства объявлял народу, что во всех польских землях уничтожается всякое сословное неравенство, отменяется барщина, а помещичья земля, на которой крестьяне трудились на помещика, переходит в собственность самих крестьян. Крестьяне, не работавшие на помещичьих угодьях, теперь, в случае поступления на военную службу, могли получать наделы из государственных земель.

Столь радикальная программа была в новинку для польского национального движения и вполне справедливо оценивалась как «коммунистическая», хотя о том, как будет выглядеть коммунизм

в его большевистской, сталинской интерпретации тогда, разумеется, никто не догадывался.

Постепенно волнения стали распространяться и на соседние с Краковом области, особенно после ухода оттуда австрийских войск. Сначала повстанцы завладели Подгорьем, которое Тиссовский объявил краковским предместьем, назначив туда инспектором Антона Стоевского. Затем агент революционного правительства Эдуард Дембовский прибыл в городскую думу города Велички и также провозгласил там республику.

Двадцатичетырёхлетний Дембовский, приобретший известность в общепольском масштабе философ-гегельянец, в своих революционных начинаниях шёл даже дальше Тиссовского. Если «диктатор» объявил крестьян собственниками обрабатываемых ими земель, то Дембовский, по крайней мере в городах, пытался выдвинуть на первые роли пролетариев.

Разумеется, вся эта коммунистическая деятельность революционного правительства не устраивала и откровенно пугала умеренные слои краковского населения, которые снова сплотились вокруг графа Водзицкого и постановили свергнуть диктатуру Тиссовского, считая, что она приведёт к окончательной гибели республики.

Получив информацию о готовившемся перевороте, Тиссовский с отрядом сторонников явился на собрание контрреволюционеров. Здесь он нашёл всех членов бывшего комитета безопасности и множество именитых краковских граждан. Собрание охраняли вооружённые студенты из городской гвардии. Председательствовал на собрании бывший директор полиции профессор Вишневский, потребовавший от Тиссовского сложить с себя полномочия диктатора. Понимая, что перевес сил не на его стороне, Тиссовский согласился и подписал предложенный документ.

Но в эту же ночь, с 12 (24) на 13 (25) февраля, в город пришло известие, что на Краков идут казаки. Действительно, наместник Царства Польского фельдмаршал Паскевич приказал полковнику барону Менгену силами сотни казаков и батальона Кременчугского егерского полка занять Краков к 12 (24) февраля. Однако приказ этот был вскоре отменён, поскольку фельдмаршал получил

сведения об отступлении австрийских войск и взял своего рода «тайм-аут» для корректировки своих планов¹³.

Благодаря переполоху, вызванному слухами о русских казаках, Тиссовский снова перехватил инициативу. Он распорядился выслать на границу кавалерийский отряд под командованием Мазарака, который после небольшой стычки вернулся в город, не доставив никаких значимых сведений. Любопытно привести рассказ об этом единственном, в сущности, за всю краковскую кампанию бое между русскими войсками и повстанцами, сделанный одним из участников кампании:

«В г. Мехове, ближайшем нашем пограничном городе от Кракова, в это время находился 2-й батальон Кременчугского егерского полка, а у таможи в Михаловицах, на самой границе, сотня казаков. Отряд этот, под командою командира полка, ждал приказания, чтобы перейти границу. Жители Кракова, видевшие жестокую расправу австрийцев в городе, слышавшие о резне, начавшейся в Галиции, с радостью ждали прибытия русских. Комитет безопасности, образовавшийся в городе, по уходе оттуда Тиссовского подумывал, после того как австрийцы отступили, о посылке делегации в Михаловицы. Но тут опять явился Тиссовский, разогнал комитет, некоторых членов его отдал под суд, который успел приговорить к смерти профессора Вишневого, спасшегося только тем, что ему — «дали уйти», по выражению Берга. Вместо депутации Тиссовский отправляет в Михаловицы два эскадрона кракусов, под командою Мазараки и Йордана. Их далеко заметили по дороге наши таможенные чиновники и дали знать казакам. Поравнявшись с последним вестовым столбом, кракусы придержали лошадей, подтянулись и на полных рысях понеслись к шлагбауму. Сторож долго суетился, пока искал ключ, однако отпер, и повстанцы поскакали дальше... Из-за корчмы казаки встретили их залпом — и наезд был окончен. Кракусы повернули назад, увозя с собой раненого Йордана. До пехоты дело так и не дошло. Эта стычка была первая и последняя у русских с поляками, — дальше ни столкновений, ни нападений не было»¹⁴.

Через день к Мехову подошёл отряд Бебутова из 3 батальонов пехоты, 3 сотен казаков и 4 сотен горцев при 12 орудиях, чтобы

проследовать далее напрямик к Вольному городу. Впереди с гиканьем и свистом, на карабахских конях мчался мусульманский конвой Паскевича.

События вступали в решающую фазу, и 16 (28) февраля 1846 г. Паскевич в весьма лаконичном стиле информировал о происходившем шефа жандармов и главного начальника III отделения А.Ф. Орлова:

«12/24 февраля толпа бунтовщиков, вышедших из Кракова, напала в Михаловицеском уезде на казачью команду из 70 человек, находящихся на посту при Михаловицеской таможене под командой есаула Смолякова. В схватке один мятежник ранен, у казаков одна лошадь ранена, одна убита.

Краковские мятежники заняли Бохню и через Подгуже отправились к Вадавицам. В Михаловицах в 16 часов слышали выстрелы. В Кракове учреждено мятежное правительство. Порядок восстановлен, личное имущество охраняется.

По показаниям Липинского, в Кракове мятежники формируют кракусы, уланов и народное ополчение. В числе краковских заговорщиков есть знатные помещики — Адам Потоцкий, Скаржинский, Валецкий, Врублевский, Садовский, Гельцель и др.

Сенат уничтожен. Обнаружена конституция, Чарторыйжский провозглашён Польским Королем. Границы объявлены от Балтийского до Чёрного морей»¹⁵.

Разумеется, мириться с происходившим Паскевич не собирался, и эта записка представляет всего лишь уведомление от одного высокопоставленного советника к другому относительно проблемы, решать которую им следовало вместе. Впрочем, естественно, что основная тяжесть решения падала на Паскевича как наместника Царства Польского и командующего расположенной в западных губерниях Главной армией. Орлову же следовало лишь обеспечить стабильность внутри империи...

Поскольку налёт на Михаловицы происходил одновременно с борьбой Тиссовского в Кракове за свою диктатуру, следует перенестись в Вольный город и рассказать о том, что же именно там происходило в период после 15 (27) февраля 1846 г.

Тиссовский, не встречая никакого противодействия со стороны своих соперников, обнаружил прокламацию, в которой заявил, что его вынудили отречься от власти силой оружия и поэтому он передает Михаила Вишневого суду революционного трибунала.

В состав этого трибунала вошли нотариус Севастьян Кориловский, Эдуард Дембовский и Юлиан Савичевский, с революционной непоколебимостью вынесшие обвиняемому смертный приговор, но потом заменили его тюремным заключением.

Чтобы в дальнейшем избежать повторения подобного рода заговоров, Тиссовский решил из консервативного крыла краковской общественности организовать городской совет. В него вошли восемь наиболее именитых городских жителей, в том числе граф Водзицкий, граф Мошинский и генерал Вонсович.

Упрочив таким способом свою власть, Тиссовский попытался закрепить её и в масштабах всей Краковской республики, а также в примыкающих областях Галиции.

По инициативе Дембовского был организован своего рода пропагандистский рейд по сельским окрестностям с целью привлечения галицких крестьян на сторону восстания. Для участия в этом предприятии Дембовский собрал местных ксендзов и монахов, которые, взяв хоругви, кресты и прочие церковные реликвии, организовали подобие крестного хода. Правда, молящихся духовных лиц оберегали от возможных нападений крестьян вооружённые повстанцы. Впереди процессии шествовал сам Дембовский в простой крестьянской одежде.

Но когда 15 (27) февраля 1846 г. процессия подошла к Подгору, оказалось, что здесь уже находилось австрийское войско под командованием генерала Коллина, выбившее после небольшого боя из этого населенного пункта его защитников.

Организованная Дембовским процессия также была разогнана, а сам он погиб.

Заняв Подгору, генерал Коллин принялся восстанавливать разрушенный мост через Вислу, чтобы переправиться на краковскую территорию и уничтожить последний очаг восстания¹⁶.

Между тем по распоряжению фельдмаршала Паскевича под городом Кельц к 18 февраля (2 марта) должна была сосредоточиться

большая группа русских войск из 10 батальонов пехоты, 4 эскадронов кавалерии, 13 сотен казаков и горцев, 2 рот сапёров, 2 стрелковых рот и 20 орудий.

Кроме того, фельдмаршал приказал командиру 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Ф.С. Панютину занять Краков своими силами, не дожидаясь полной концентрации войск. В инструкции говорилось: «Идти сейчас с 3 батальонами, артиллерией и казаками, которые у вас уже есть, и отрядом князя Бебутова, вперёд к Михаловице, а Краков окружите казаками. Бояться нечего, стыдно! Держитесь и держите бунтовщиков в страхе!»¹⁷.

Видимо, чтобы проследить за тем, как будет исполнено приказание, к Панютину был отправлен генерал-майор от артиллерии Безак. Решительный боевой настрой содержится и в инструкции, данной непосредственному начальнику Панютина командиру корпуса Ф.В. Ридигеру: «Артиллерия должна расстроить неприятеля. Она действует предпочтительно прежде, и пехота не должна её заслонять. Если неприятель выдержит картечь, послать пехоту, которая должна быть в двух линиях, никак не в одной. Потом кавалерию. Мусульман не посылать в атаку на пехоту, ибо они будут только горячиться, а употреблять их только в перестрелках и фланкерах против кавалерии, равно на флангах, когда атакуют казаки... А лучше, чтобы он (Панютин) по получении сего предписания форсированно пошёл до Мехова; ибо, ставши там, он ближе будет к секурсам, которые идут из Пруссии или Австрии. Ему же нечего бояться. Странно будет, если австрийцы или пруссаки прежде нас придут. А генералу Панютину нечего опасаться»¹⁸.

Панютин выступил 17 февраля (1 марта) рано утром и к 19 февраля (3 марта) подошел к Кракову.

А в промежутке между этими двумя датами. 18 февраля (2 марта), покинувший Петербург курьер помчался к Паскевичу с письмом Николая I, в котором император всероссийский одобрял распоряжения фельдмаршала:

«Вчера рано утром получил я письмо твоё, любезный отец командир, с неожиданным известием оставления австрийцами Кракова.

Сколь ни непонятна подобная мера, однако, соображая с прочими известиями из Галиции, кажется, приписать это можно или ненадёжности войск, или опасению быть отрезанными от своих главных сил. Ты очень хорошо сделал, что собираешь значительный отряд, дабы ничего не компрометировать; но вели теперь Панютину идти брать Краков и, ежели защищаться будет, город не щадить и бомбардировать; надо это гнездилище в зародыше уничтожить, но не грабить. Верить нельзя слухам из Галиции; но буде подтвердятся, последствия могут быть двойки, т. е. что австрийцы будут силой брать назад своё или не будут в состоянии это сделать. Мы должны оставаться в покое, но готовыми на всё. Полагаю, что ты сам уже распорядился нужными движениями войск; сие тем нужнее, что распутица скоро весьма затруднит их движение; потому, ежели они неминуемо предстоят, гораздо лучше их начать ранее»¹⁹.

Выражения «не щадить и бомбардировать» и «но не грабить» были Николаем I подчёркнуты. По-видимому, в первом случае он вспоминал штурм Варшавы 1831 г., который можно было расценить как образцовый с военной точки зрения и при этом обошедшийся без эксцессов в отношении местных жителей. Во втором случае мысль императора уносилась в более раннюю эпоху, к штурму варшавского предместья, Праги, А.В. Суворовым, который сопровождался резнёй мирного населения и произвёл весьма неприятное, если не сказать скандальное, впечатление в Европе. Первый сценарий, красивое взятие Кракова марширующими под грохот орудийной пальбы пехотными колоннами, Николая I устраивал. Зато штурм «по-суворовски», с истреблением жителей, был для царя совершенно неприемлем, о чём он и счёл нужным деликатно напомнить «отцу-командиру».

В свою очередь, 19 февраля (3 марта) 1846 г. Паскевич пишет императору:

«В Царстве Польском спокойно. Войска наши двигаются: сегодня должны быть под Краковым; я думаю, Краков сдастся без защиты. Странная претензия пруссаков, чтобы их генерал командовал в Кракове, заставила меня послать ген.-ад. Ридигера, не так как

командира отряда, а чтобы быть и наблюдать за происшествиями и, не отдаваясь в команду, не брать оной. Главное рассуждение моё в том, что австрийцам, скорее всего, предлежит иметь команду, ибо бунт у них в Галиции, а пруссаки и мы должны, посему, быть в их распоряжениях. Притом ген. Ридигер в последнюю войну там командовал, знает местоположение, людей тамошних и войну. Фонтон светренничал, предлагая команду. Беспрестанные, так сказать, вспышки к бунту в Царстве Польском сделали то, что нужно было дать отдельным воинским начальникам, и даже ротным командирам, в кругу их расположения власть брать, кого хотят, и представлять за караулом. Преступников необходимо казнить смертью и судить их по полевому положению. Это и выдачи больших сумм для войск заставили меня просить объявить Польшу в военном положении...

При сем имею счастье представить два отношения эрц-герцога Фердинанда ко мне. Положение дел в Галиции удивляет тем более, что крестьяне там горячо взялись и истребили в начале бунт. Посылаю адъютанта моего, графа Коновницына, для объяснений лично о галицийском деле. Замечательно, что жиды в сие возмущение стреляли из окон в Кракове, большое охлаждение к сему бунту показали; так что известия самые неверные были во всё время в местах, где бунтовщики были; а в прежнюю войну почти каждый шаг мы знали о бунтующих. В прокламации жиды от бунтовщиков названы братьями поляками-израильтянами»²⁰.

Общая тональность этого письма может быть сформулирована одной фразой: «Можете не беспокоиться, Ваше Величество!». Здесь имеет смысл остановиться на личностях русских военачальников, непосредственно руководивших операцией по взятию Кракова. Старшим из них по званию и опыту был Фёдор Васильевич Ридигер (1783–1856) — выходец из старинного дворянского рода, самым известным представителем которого на сегодняшний день является недавно скончавшийся патриарх Русской Православной Церкви Алексей II.

Фёдор Васильевич Ридигер был из курляндских немцев, составивших в рядах русской армии особую сплочённую касту. Лютеранин по вероисповеданию, он закончил частное учебное заведение

в Митаве (современная Елгава) и в 1799 г. был зачислен в звании прапорщика в один из двух самых привилегированных полков русской армии — лейб-гвардии Семеновский. В 1805–1806 гг., во время кампании против Наполеона, его храбрость была отмечена самим императором Александром I.

Следующей важной вехой в биографии Ридигера стала война против Швеции, развернувшаяся на территории Финляндии. Участие в переходе войск Багратиона по льду Ботнического залива и разгром неприятельского отряда под Гамлекарлсбю принесли ему младшую, 4-ю степень почитаемого среди русских военных ордена Св. Георгия.

В 1812 г. он служил в корпусе П.Х. Витгенштейна, прикрывавшем петербургское направление, и отличился, захватив под Друей в плен французского генерала Сен-Жермена.

Наполеоновские войны он закончил в звании генерал-майора, а следующий чин — генерал-лейтенанта — получил только в 1826 г., в связи с коронацией Николая I.

Будучи всего на год младше Паскевича, Ридигер, как и будущий князь Варшавский, делал карьеру, не имея серьёзных покровителей, собственным усердием и дарованиями. Но, в отличие от Паскевича, он не попал вовремя в окружение будущего великого князя Николая Павловича, мимо него «пролетела» война с персами 1826–1828 гг. И только во время войны с турками 1828–1829 гг. он сумел не затеряться в толпе многочисленных генералов, которые отправились на Балканы вместе с Николаем I. Войну он закончил уже командиром корпуса, а в 1830 г. весьма энергично боролся с холерой, проявив незаурядные административные способности.

В кампанию 1831 г. Ридигер обратил на себя внимание Паскевича. Следует отметить, что он командовал на юге Царства Польского фактически самостоятельным корпусом, действовавшим в Люблинской и Краковской губерниях. В августе, уже после падения Варшавы, преследуя отряд Ружицкого, он занял Краков, но вскоре был вынужден очистить город по распоряжению русского правительства. В этих операциях Ридигер продемонстрировал способность к самостоятельному командованию и вскоре стал одним из ближайших сподвижников Паскевича и фактическим его

заместителем по командованию Главной армией, расположенной в западных губерниях империи и предназначавшейся быть своего рода главной ударной силой Российской империи в случае общеевропейского конфликта.

Операция по занятию Кракова, во время которой Фёдор Васильевич командовал III корпусом, при всей локальности как раз и стала таким конфликтом, где чисто военный аспект переплетался с факторами дипломатическими и политическими.

И Ридигер, уже имевший сходный опыт хотя бы по событиям 1831 г., оказался поистине идеальным кандидатом для выполнения подобного рода задания.

22 мая (3 июня) 1846 г., по завершении Краковской операции, он был удостоен благодарственного рескрипта Николая I, а через год получил титул графа. Австрийский император наградил его орденом Леопольда большого креста 1-й степени.

Широкую известность Ридигеру принес Венгерский поход 1849 г., во время которого он был правой рукой Паскевича и принял капитуляцию армии А. Гергея при Вилагоше.

Австрийский император Франц Иосиф пожаловал ему орден Св. Стефана большого креста, а один из фортов в недавно построенной в месте впадения реки Вепржа в Вислу крепости Ивангород (названной так Паскевичем) получил название форта Ридигера.

Перевод Ридигера в Петербург в 1850 г. и назначение его членом Государственного совета формально выглядело как повышение, но вряд ли могло трактоваться как оптимальный способ использования заслуженного и талантливого генерала. Некоторые современники считали, что здесь не обошлось без Паскевича, который разными способами стремился избавляться от всех потенциальных соперников, но версию эту нельзя признать бесспорной. Будучи всего на год младше князя Варшавского, он вряд ли был для него опасным конкурентом. Однако, когда, получив контузию под Силистрией, Паскевич фактически самоустранился от активной деятельности, именно Ридигер стал исполнять обязанности наместника в Польше — то есть находился на том участке, который должен был стать основным в случае, если бы Восточная война не завершилась мирным договором. Однако здоровье Ридигера

оставляло желать лучшего. В конце 1855 г., когда смертельная болезнь уложила в постель князя Варшавского, отправился на лечение и Ридигер. Паскевича он пережил менее чем на полгода, скончавшись 11 (23) июня 1856 г.

Следующей по значимости после Ридигера фигура в этой операции был Фёдор Сергеевич Панютин (1790–1865).

Сын отставного гвардейского прапорщика, он, как и Паскевич, окончил самое привилегированное учебное заведение Российской империи — Пажеский корпус. Участвовал в наполеоновских войнах, дослужившись, впрочем, к 24 годам только до чина поручика — результат, не особо выдающийся. Зато он служил в уже упоминавшемся престижном лейб-гвардии Семёновском полку, который в 1820 г. прогремел своим выступлением против собственного командира — известного своей жестокостью полковника Шварца. Хотя всё выступление свелось к подаче солдатами жалобы на Шварца, многие офицеры были заподозрены в сочувствии к своим подчинённым и с понижением оказались переведены на другие должности. Однако безукоризненной службой Панютин добился прощения и в 1828 г. дослужился до звания генерал-майора. Получив под командование бригаду, он был направлен на Кавказ, подкрепить корпус Паскевича, который вёл неравную, но успешную борьбу с превосходящими силами турок. Широкую известность ему принесла оборона города и крепости Баязет, где он получил ранение в правую ногу.

Довольно успешно действовал Панютин и в кампанию 1831 г., но в июне оказался захвачен в плен и получил свободу только под занавес боевых действий. Командуя 8-й пехотной дивизией, он уже находился во главе русского контингента, введённого в Краков в 1836 г. Нынешняя операция позволила ему выдвинуться, а в 1849 г. Панютин приобрёл широкую, практически общеевропейскую известность, когда вместе со своей дивизией по Варшавско-Венской железной дороге был отправлен спасать терпящих поражение австрийцев. В военной истории это был один из первых случаев переброски войск по железнодорожной магистрали. В дальнейшем дивизия Панютина в составе главной австрийской армии участвовала

во всех важнейших сражениях против венгров, получив рыцарскую степень военного ордена Марии Терезии.

Третьей и, пожалуй, самой колоритной фигурой среди русских военачальников был командир Закавказского конно-мусульманского полка Давид Осипович (Иосифович) Бебутов (1793–1867). В российской военной истории гораздо больший след оставил его брат, Василий Иосифович (1791–1857), прославившийся своими победами при Башкадыкларе (1853 г.) и Кюрюк-Дара (1854 г.), благодаря которым во время Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.) России удалось отразить все попытки турок перехватить инициативу на Кавказе.

Давид Бебутов участвовал в наполеоновских войнах и в 1814 г. впервые побывал в Кракове. Долгое время, служа на Кавказе, он находился в тени своего старшего брата и лишь в 1830–1833 гг. обратил на себя внимание во время походов против Кази-муллы, предшественника Шамиля.

Особую известность ему принесло формирование в 1834 г. по поручению Паскевича Закавказского конно-мусульманского полка, личный состав которого комплектовался уроженцами современного Азербайджана.

С 1835 г. этот полк нёс службу в Царстве Польском, выполняя функции личного конвоя князя Варшавского. Ещё сотня отборных джигитов были откомандированы в состав Императорского конвоя, где самим фактом своего присутствия должны были демонстрировать, что все народы, независимо от вероисповедания, в одинаковой мере пользуются благами российского самодержца.

Срок службы в Конно-мусульманском полку составлял четыре года, общая численность достигала почти 1000 человек, разделённых на шесть подразделений — сотен.

Из его рядов в будущем вышли шесть генералов русской армии.

В 1846 г. закавказцы сыграли если не самую героическую, то по крайней мере самую шумную роль при взятии Кракова, навлекая своим диким видом такой ужас на почтенных обывателей, что у тех пропала всякая тяга к сопротивлению. Затем полк великолепно проявил себя во время Венгерской кампании Паскевича, особенно

в битвах при Вайцене и Дебрецене. Сам Бебутов был произведён в генерал-майоры и награждён несколькими орденами. Однако в 1851 г. грянул скандал. Несколько десятков его подчинённых подняли бунт и, попытавшись укрыться на территории Пруссии, почти все погибли в жестоком бою с пограничной стражей.

Расследование обстоятельств этого дела не отличалось глубиной, но полк, лояльность которого оказалась под сомнением, сначала сократили до четырёхсотенного состава, а в 1856 г. и вовсе расформировали. Бебутов, однако, оставался при Паскевиче и в 1856 г. оказался едва ли не единственным русским генералом, сумевшим блеснуть при Силистрии. В 1861 г. он был назначен варшавским комендантом, занимая эту должность до самой своей смерти.

Самой же видной в общеисторическом плане фигурой среди участников краковской операции был Александр Иванович Барятинский (1815–1879). Представитель старинного аристократического рода, он за различные «проказы» фактически был выдворен из гвардии и отправился на Кавказ воевать с горцами. Начиная с 1832 г. его жизнь проходила в походах, которые перемежались поездками в Петербург и за границу. Впрочем, относительная кратковременность этих вояжей не помешала ему сблизиться с цесаревичем Александром Николаевичем. В 1856 г., вступив на престол под именем Александра II, новый император назначил заместителем на Кавказе именно своего друга и тёзку Александра Барятинского. Тот полностью оправдал оказанное доверие и через три года завершил многолетнюю Кавказскую войну, пленив в ауле Гуниб предводителя горцев имама Шамиля. За одержанную победу князь получил высшее в русской армии звание генерал-фельдмаршала.

Дальнейшая судьба Барятинского складывалась далеко не безоблачно. В 1862 г. из-за болезни он удалился с поста кавказского заместителя, а когда здоровье несколько улучшилось, лидирующие позиции в Военном ведомстве уже перешли к его главному сопернику, Д.А. Милютину. Князь некоторое время пытался вернуть себе былое влияние, но после 1873 г. фактически удалился от дел, проводя большую часть времени либо за границей, либо в своих курских владениях.

Даже если не брать в расчёт Барятинского, Ридигер, Панкратьев и Бебутов были военными способными, энергичными и достаточно инициативными, насколько инициативность вообще могла присутствовать в русской армии того времени. Именно в операции по занятию Кракова, наряду с профессионализмом чисто военного плана, они продемонстрировали определённые политические и дипломатические способности, действуя где с тактом, а где, напротив, с напористостью и стремительностью, присущими лучшим кавалерийским военачальникам. Судя по последующим событиям, хотя занятие Кракова и стало ещё одним тяжёлым ударом для национального достоинства поляков, стремительность действий русских частей не позволила повстанцам организовать сопротивление и тем самым спасла десятки, если не сотни жизней, которые в противном случае оказались бы принесены на алтарь польской свободы, и без того заваленный жертвами.

И снова вернёмся к событиям 20 февраля (4 марта) 1846 г., когда русские войска приближались к Кракову. Оперативная обстановка менялась стремительно, новости, доходившие в Петербург, катастрофически запаздывали, и Николай I, не знавший, как именно развиваются дела в Кракове, опасался, что восстание в Вольном городе уже распространилось на территории всех трёх «захватов». Приведём фрагмент из отправленного им в этот день письма к Паскевичу.

«Ежели нас потребуют в Галицию, трогаться не дробями, а двумя корпусами полагал бы я, дабы наше появление было как гроза, все подавляющее, т. е. 3-м и 4-м, заняв Польшу 2-м, Литву и Киев 1-м корпусами. Вот куда всё, дальнейшее зависеть будет от хода дел; шутить не стану; а буде меня хотят, заставляю плясать по своей дудке, и для того хочу иметь силы в руках, чтоб действовать согласно тому. Признаюсь тебе, что не верю ни депеше эрцгерцога, которая во многом противоречит тому, что сами знаем, и не верю вообще их удалству, зная коренные их недостатки. Главное, что меня тревожит, это довольствие для движения войск по Литве; как ты сделаешь?»

Этого фельдъегеря, который везёт письмо к жене, отправь как за лучшее сочтёшь, на Калишь и Бреславль ли? или на Познань и Бреславль.

Буде же Краков взят и дорога в Вену свободна, то прямо; предоставляю тебе вполне решить, что вернее будет. От жены 11 дней нет фельдбегеря; крепко боюсь, не попался ли он к бунтовщикам, что было б крайне мне неприятно. Что про Варшаву открыл тебе Жарский? Здесь на поляках крайне злы; и хорошие поляки в отчаянии; и есть от чего! Покуда и всё тут. Дай Боже, чтоб всё шло хорошо, и наши б смирны были; но ежели нет? то знаешь, как тебе с ними поступать должно»²¹.

Как видим, письмо это не просто наполнено тревогой, в нём уже намечаются контуры возможной общеевропейской войны, которая, по мнению царя, вполне могла вспыхнуть вслед за общепольским восстанием. В такой войне Россия, Австрия и Пруссия должны были противостоять Франции и, вполне вероятно, Англии, причём подобная перспектива Николая I не пугала. Его настроение было скорее деловито-сосредоточенным, хотя присутствовал определённый скепсис по поводу решительности Австрии.

На самом деле австрийцы были настроены гораздо решительней, чем русское правительство могло бы рассчитывать.

Впрочем, поначалу не собирались отступать и повстанцы, о чём свидетельствуют действия Тиссовского и его главнокомандующего Скаржинского, получивших известия о стычке под Меховом. Не впадая в панику, они собрали под свои знамёна 200 кавалеристов и около тысячи плохо вооружённых пеших повстанцев. Еще пять тысяч примкнувших к восстанию крестьян располагали только топорами и косами.

Городской совет был против того, чтобы Тиссовский со своим войском оборонялся в Кракове, и требовал от него покинуть город.

Тиссовский отправил парламентёров к австрийскому генералу Коллину, но тот отказался вести какие-либо переговоры с мятежниками, заявляя, что будет вести переговоры только с депутатами от города.

Когда в Подгорье прибыли граф Водзицки и банкиры Вольф и Гельцель, австрийский командующий потребовал от них выдачи Тиссовского, восстановления моста и сдачи всего имеющегося у горожан оружия.

Одновременно представители Вольного города Кракова, в лице Временного комитета безопасности, пытались выстроить диалог с русскими, а именно с генералом Панютиным, направив к нему так называемое «Отношение...»: Комитет сообщает Панютину, что мятежники выступили из города и теперь они ждут указаний от генерала и надеются на его благородное отношение к безвинным.

Подписано председателем комитета графом Иосифом Водзицким и членами: А.З. Гельцелем и Леоном Бохенек²².

Показательно, что Тиссовский и его союзники характеризуются в этом «Отношении» как мятежники. Более того, в качестве подтверждения своей лояльности члены Временного комитета прилагали подписанную ими же «Прокламацию к обывателям города Кракова», состоявшую, впрочем, всего из трех предложений: «Комитет призывает граждан соблюдать порядок. Гвардии нести службу в соответствии с инструкциями. Вооружившимся сдать оружие и разойтись»²³.

Ответное послание Панютина было предельно лаконичным:

«Жители города Кракова!

Сильное русское войско идёт для восстановления нарушенного спокойствия в вашем городе. Спешите принять его в ваши стены, дабы оно могло защитить невинных. Всякий, кто положит оружие, будет пощажён. Смерть ожидает тех, кто будет взят с оружием; а сверх того и город, если в нём станут защищаться, будет предан без пощады огню и мечу. Объявляю вам это по повелению его светлости наместника Царства Польского, фельдмаршала князя Варшавского.

Начальник войск, назначенных для занятия города Кракова, генерал-лейтенант Панютин».

Члены революционного правительства и городской совет собрались на экстренное совещание. Тиссовскому было предложено сложить с себя полномочия и удалиться с войском из города. После некоторого раздумья он написал нечто вроде приказа:

«Диктатор — министрам-товарищам.

Обстоятельства принуждают меня выступить в поход с вооружённой силой, почему передаю власть управления министрам,

предписывая им соблюдать в делах существующий порядок и представить мне, по возвращении, отчёт в своих действиях».

Между тем русские перешли в наступление.

20 февраля (4 марта) 1846 г. Паскевич официально рапортовал императору:

«В ночь с 18-го на 19-е число февраля бунтовщики, узнав о приходе наших войск в Михайловицы, оставили Краков, а наши войска заняли его в 3 часа пополудни.

Первыми вступили 100 казаков, потом вошли — один батальон с 4-мя донскими орудиями, затем горцы и черкесы.

Бунтовщики в количестве 500 конных и 1000 пеших отправились, по одним сведениям, в Шиц, по другим — на Кршешовицы к прусской границе.

В погоню за ними отправлен князь Барятинский с 300 казаками Сборно-Учебного полка. На дороге к нему присоединились еще 120 человек Кадетского № 15 полка.

В Кракове стоят три батальона при 12 орудиях и 500 человек иррегулярной кавалерии. Жители складывают оружие на площади. Австрийцы чинят мост на Висле и готовятся вступить в Краков»²⁴.

Для сравнения имеет смысл процитировать автора воспоминаний о занятии Кракова полковника Менгдена, напечатанных в «Историческом вестнике»:

«Стычка казаков с кракусами происходила 13-го февраля (по старому стилю. — А. С.), а 15-го “на заре мы услышали, со стороны Келец, резкий конский топот — это был авангард Панютина, мусульманский конвой наместника на своих лихих карабахских лошадях — изрядная вольница, позволявшая себе по пути всякие шалости. Коней своих дорогих они ставили в лучших домах и сами спали с ними. Наместник за всё щедро платил из своего кармана. С прибытием отряда генерала Панютина пришёл и 4-й батальон Кременчугского полка, кроме того, силы наши были увеличены ещё казачьим полком князя Барятинского и артиллерией... После дневки в Мехове тронулись к Михаловицам,

а оттуда к Кракову только на четвёртый день. Накануне выступления на Краков от генерала Панютина была отправлена прокламация к жителям, с приказанием покориться и с угрозами послушникам, в конце которой было сказано, что объявление это делается по приказанию наместника Царства. Послали в Краков с этой прокламацией подполковника Повало-Швейновского, но он не возвращался. Выступив из Михаловиц утром и пройдя немного, отряд остановился и стоял до двух часов дня. Приказано было вперёд выдвинуть батарею, зарядить орудия. Неприятеля нигде не видеть, а до Кракова всего вёрст десять. Князь Бебутов, начальник мусульманского отряда, просится вперёд, и, после долгих соображений, его отпускают. Он входит в Краков и беспрепятственно разъезжает по всем улицам, и когда узнаёт, что город уже сдан подполковнику Повало-Швейновскому, останавливается на площадке в Клепаже, в ожидании прибытия Панютина. Благодаря этому австрийцы, подступавшие к Кракову с другой стороны, приняв издали мусульман наших за кракусов, задерживаются и опаздывают. Первой вступает в Краков карабинерная рота Кременчугского полка, следовавшая от заставы в Михаловицах почти всё время бегом. Она сейчас же заняла все караулы в городе, сменив городскую стражу, выставленную комитетом безопасности. Три егерские роты располагаются в замке на Вавеле, но ненадолго. Вместо Коллина с австрийскими войсками прибывает фельдмаршал-лейтенант граф Кастильоне и, как старший, принимает начальство над гарнизоном и немедленно выдворяет русские войска на окраину; в самом городе оставлены только полковые штабы. А на следующее утро 2-й батальон с четырьмя орудиями казачьей конной батареи вслед за отрядом князя Бебутова, опять ушедшего в авангард, отправляется по силезской дороге, вдогонку за бандами Тиссовского. Грязь была страшная. Солдаты еле передвигали ноги, приходилось ещё часто вытаскивать из грязи орудия, хотя каждое орудие вели восемь добрых лошадей. В течение какой-нибудь недели Тиссовский со своим отрядом и обозами прогулялся по этой дороге три раза — не мудрено, что она была вконец испорчена. Но он всё-таки успел уйти, даже Бебутов его не нагнал — задерживали только отсталых, — и, сделав два перехода, наши войска получили приказ возвращаться обратно»²⁵.

Теперь постараемся дополнить этот рассказ сведениями, полученными из других источников. Панютин выступил 17 февраля (1 марта) рано утром и к 19 февраля (3 марта) подошёл к Кракову. Всю ночь с 18 на 19 февраля (со 2 на 3 марта) Тиссовский и Скаржинский собирали своё войско в предместье Клепарж. К утру у них в строю насчитывалось 210 кавалеристов, 200 пехотинцев, вооружённых огнестрельным оружием, и 900, имевших только холодное. Повстанцы прихватили с собой и единственную раритетную пушку, правда, все военные припасы пришлось оставить в Кракове. После дневного форсированного марша войско остановилось на ночлег в деревне Кржешевицах. Всю ночь вожди повстанцев жгли оставшиеся от их бурной законотворческой деятельности документы и прокламации. Наутро, посоветовавшись, приняли решение вступить в переговоры с пруссаками об условиях сдачи, направив парламентёром Скаржинского. Вскоре он вернулся с отрядом прусских улан. Повстанцев сопроводили к городку Хелмна, где и разоружили и передали прусским войскам²⁶.

Более яркая картина нарисована в послужном списке князя А.И. Барятинского, возглавлявшего преследование частей повстанцев и получившего за эту операцию орден Св. Анны 2-й степени. Согласно документу, он «во время сей командировки следовал с вверенным ему отрядом на сел. Кржежовицы, где по разным домам много скрывалось с оружием мятежников, из которых некоторые стреляли из домов; в этом селении найдено и взято им, кроме оружия, много пороху и австрийская зарядная фура. Узнав затем, что мятежники ретируются в Хржанов, где намерены были ночевать, он, невзирая на усталость лошадей, поспешил за ними и преследовал до Тржебиня; но по совершенному изнурению лошадей вынужден был остановиться, выслав аванпосты к Хржанову, с которыми командующий кавалерией повстанцев Мазараки завязал перестрелку, но по подкреплению аванпостов сотнею казаков Мазараки обращён в совершенное бегство, причём у него убито 20 человек и 17 взято в плен и, сверх того, освобождён из плена один офицер австрийской службы»²⁷.

Диктатора Тиссовского прусская сторона приняла как просто-го офицера, предоставив ему возможность выехать в Дрезден под

именем купца Бодэ (Н.В. Берг указывает другое имя — Шевалье Ганри де Тонд)²⁸. Но всё же в Саксонии его арестовали и заключили в крепость Кенигштейн, где он был допрошен австрийско-саксонской следственной комиссией. Тиссовский подробно рассказал о своём участии в краковских событиях и намекнул, что в случае снисхождения готов вернуть почти 20 000 флоринов, взятых повстанцами на соляных копиях Велички. Саксонское правительство выразило готовность выдать бывшего диктатора Австрии. Тиссовский подал прошение на имя императора Фердинанда, и тот разрешил ему выехать в Америку, снабдив даже проездными и подъёмными в размере 2000 флоринов. В Новом Свете Тиссовский воссоединился со своей семьёй, высланной немногим ранее, и осел в Бостоне. Последние десять лет своей жизни бывший диктатор проработал простым учителем рисования и, судя по всему, в польском патриотическом движении больше не участвовал.

Но вернёмся в Краков и осветим те события, о которых ещё не было упомянуто.

После ухода повстанцев Тиссовского бразды правления в городе вновь перешли в руки Комитета общественной безопасности, который 19 февраля (3 марта) обратился к жителям города с прокламацией:

«Чтобы успокоить обывателей, мы доводим до их сведения, что для выслушивания воли трёх высоких покровителей относительно города Кракова, равно как и для вручения их великодушию жителей сей столицы, поражённой столь великим несчастьем, были посланы уполномоченные депутаты к начальникам войск, расположенных на границах. Нижеподписавшиеся члены комитета, прося всех обывателей спокойно выждать последствия такого действия, сим извещаются: 1) что под строжайшим наказанием запрещено стрелять на улицах; 2) что, за исключением охранительной стражи, никто не может носить оружия; 3) что оружие и военные припасы должны быть сданы полицейской дирекции, за исключением принадлежащих охранительной страже. Иосиф Водзицкий, Пётр Мошинский, Иосиф Коссовский, Лев Бохеннек, Антон Гель. Секретарь Гилярий Мцишевский»²⁹.

В этот же день рано утром в городе появилась конница князя Бебутова, а за ней вступили и остальные русские войска. Многие уставшие от беспорядков горожане приветствовали их криками: «Да здравствуют русские!».

Прежде всего были взяты под охрану городская тюрьма, гауптвахта, казначейство. Затем, собрав сведения о повстанцах, Панютин отправил в погоню за Тиссовским и его войском князя Бебутова с четырьмя сотнями горцев, батальоном егерей и четырьмя конными орудиями. Вот как описывает эту погоню командир 2-го батальона Кременчугского егерского полка: «Едва в 9 часов вечера достигли мы до м. Кршешовиц, не выдавши никаких повстанцев, кроме нескольких отсталых. Князь Бебутов, как уверял после, сталкивался с ними не раз, но не решался, не имея пехоты, ударить».

На следующий день, 21 числа, мы получили предписание вернуться в Краков, куда прибыли, между тем, корпусные командиры трёх покровительствующих держав: австрийский фельдмаршал-лейтенант граф Врбна, наш генерал-адъютант граф Ридигер и прусский генерал от инфантерии, граф Бранденбург»³⁰. Тремя часами позже русских войск в город вошли австрийцы в составе пяти рот пехоты и двух эскадронов кавалерии.

На следующий день от имени Панютина и Коллина были обнародованы следующие условия военного положения в городе:

«1) вольный город Краков находится отныне в осаждённом положении и никто не может оставить его без особого на то разрешения; 2) личность и собственность мирных жителей будут уважаемы; 3) все домовладельцы или управители домов, не желающие привлечь на себя всю строгость военных законов, должны под личную ответственность представить военным властям всех, кто принимал участие в последних беспорядках; 4) все те, которые, не принадлежа к числу главных вождей, имели однако ж слабость присоединиться к последним, должны для собственных своих выгод и во избежание всякого принуждения явиться добровольно к властям, ибо только в этом случае будут приняты во внимание их собственные показания; 5) все, кто удержит при себе оружие и не выдаст его до полудня 22 февраля (6 марта), будут подлежать всей строгости военных законов;

б) президент и члены краковского сената, удалившиеся вследствие обстоятельств и возвратившиеся теперь в город, составят управление, которое займётся текущими внутренними делами. Сенатор Кофф будет до возвращения президента Шиндлера исправлять его должность; 7) каждый оккупационный отряд назначил одного плац-коменданта и одного плац-адъютанта, в соглашении с коими и будут действовать; 8) будет учреждена смешанная военная следственная комиссия для определения степени виновности задержанных лиц. Те, которые признаны будут невинными, получают тотчас же свободу; с виновными же будет поступлено сообразно с законами»³¹.

24 февраля (8 марта) в город вошли прусские войска в составе 2 рот и 4 эскадронов. Интересно, что опять-таки, даже не получив ещё сведений о занятии Кракова, всего двумя днями раньше Николай I высказывает предположения насчёт возможного поведения союзников и мотивов, которые ими двигали.

«По-видимому, пруссаки хотят первые быть в Кракове, чтоб иметь право распоряжаться как их завоеванием, но это глупо. В Вене не знали ещё про глупости их генерала, но резидент их на меня жаловался, вообще в Вене смотрели на это легче, как должно. Э.Г. [эрцгерцогом] Фердинандом они недовольны, ибо он ручался им за спокойствие и был, кажется, сам поляками обманут. Что из этого выйдет, право, ещё не знаю. Меттерних облечён полною властью на это время, и это хорошо, а то бы ещё хуже пошло. Ты, полагаю, знаешь уже, что викарный епископ Гнезенский арестован как избалованный в заговоре! Каков! Пора было им дать карачун!»³².

На самом деле все предположения в процитированном письме не соответствовали действительности. И в первую очередь это касалось прогнозов в отношении пруссаков, которые вообще предпочитали держаться несколько особняком.

Зато именно в день появления пруссаков в Кракове до Петербурга дошла весть о том, что восстание подавлено и отряд Бебутова вступил в город. Николай I был в восторге и немедленно ответил Паскевичу:

«Слава Богу! Слава тебе, мой отец командир, дело вёл прекрасно, и за то и славный конец. Признаюсь, что не могу довольно выразить тебе моей радости, что мы под носом выгнанных из Кракова австрийцев поспели ранее всех и заняли Краков. Теперь и более силы будет поставить на нашем, ибо мы, а не австрийцы, не пруссаки, заняли Краков!»³³.

Дважды повторенное и дважды подчёркнутое слово «мы» хорошо характеризует определённую ограниченность мировоззрения императора, видевшего в занятии Кракова удачно проведённую военно-политическую операцию, призванную укрепить авторитет России в Европе. Погоня за престижем отодвигала на задний план простые и прагматичные соображения о том, что сама Россия непосредственно из краковского наследства ничего не получит, политический же успех операции в долгосрочной перспективе весьма относителен. Рассчитывать на благодарность Вены ему не следовало, поскольку австрийцы неоднократно доказывали, что благодарность умирает в их душах сразу же после оказания услуги. Бесспорно, царь укрепил свой имидж непримиримого борца с революционерами, однако, позиционируя себя как непримиримого консерватора, он лишь усложнял себе путь к внешнеполитическим договорённостям с представителями иностранных либеральных правительств. А то, что либералы постепенно будут играть всё большую роль в делах Европы, было очевидно. В сущности, именно в либералах Николай I и должен был искать опору на случай борьбы с движениями социалистического характера или с тем, что сам царь называл «комюнизмом». Именно о «комюнизме» он и рассуждал в следующих строках письма Паскевичу:

«Меня душевно радует тоже поведение мужиков у нас; награждай щедро и более усердствующим давай медали; надо сколь можно их поощрять и награждать за верность и усердие. Известия, которые привёз мне вчера Коновницын из Галиции, весьма любопытны. Мне кажется, что комюнизм, ибо он точно есть, мужики там поняли по-своему, т. е. резать помещиков при законном предлоге. Здесь оно

хорошо, но опасно дать этому развиваться. Теперь настало время соседям наказывать виновных, будет ли у них столько духу?»³⁴.

Как видим, даже и «комюнизм», пускай и несколько ложно понятый, оказывался для Николая I приемлемым в случае, когда речь шла о борьбе с таким давним историческим врагом, как польская шляхта. Далее царь снова возвращается к проблемам Кракова, а затем мимоходом пробегаются и по другим темам, свидетельствующим о продолжающемся (Николай I надеялся, что затухающем) в Европе революционном брожении.

«Сегодня писал я к ним, что требую уничтожения Кракова, не хотят взять его австрийцы, как условлено в Теплице, возьму я, ибо мы вышли; но не желаю того. Французы и Англия, может быть, протестуют по Венскому конгрессу, но так как Бельгию по революции они же отняли у Голландии, то имеем и мы право по революции же уничтожить это вредное гнездо и уничтожим. Принятые тобой меры нахожу прекрасными, но побереги войска и лишних не держи на площадях, тогда как жители теперь обезоружены и всё притихает. Сомнительных молодцов помещиков хорошо бы прибрать к рукам. Седлецкое дело просто убийство мерзкое. Не мешало бы взыскать с тех мужчин, которые по вызову уездного начальника не подали ему помощи. Как ведут себя духовные? Любопытен знать, исправно ли явятся бессрочные в Царстве, всякому, кто явится исправно, вели выдать по злоту сер., то же дай войскам, вошедшим в Краков, и по ½ з. сер. прочим, в отрядах бывшим. Спроси у эрцгерцога, какие у него и от кого сведения насчёт бунта, готовящегося в Петербурге ко Святой, о котором начальник полиции говорил Коновницыну, подобного нельзя упустить из виду, не проясня. Посмотрим, как у них-то кончится и что будет в Венгрии.

На днях пришлю тебе своего сына. Прощай, мой любезный отец командир, обнимаю тебя от души, навеки твой искренно доброж. Н.»³⁵.

Тем временем командующим оккупировавшими Вольный город контингентами покровительствующих держав довольно быстро удалось договориться о том, что в самом Кракове останутся

только австрийцы, а русские и прусские части разместятся в окрестностях. Командовать объединённой группировкой войск было поручено австрийскому фельдмаршалу-лейтенанту Кастильоне, он же исполнял обязанности генерал-губернатора Кракова. Деятельность сената была приостановлена, вместо него учреждено временное правительство под председательством австрийского фельдмаршала-лейтенанта графа Врбна. Вообще при проведении подобного рода акций военные трёх держав всегда умели договариваться лучше, чем дипломаты³⁶.

Находясь в Петербурге, царь продолжал внимательно следить за событиями, мечтая только о том, чтобы австрийцы избавили его от надоевшего краковского вопроса. Интенсивность переписки Николая I и Паскевича становится на редкость высокой. 28 февраля (12 марта) он отправляет новое письмо к князю Варшавскому, где снова возвращается к волнующим его темам — Краков и готовность австрийцев аннексировать Вольный город, ненадёжные пруссаки, Галиция:

«Ежели австрийцы глупо дали созреть всему заговору, ничего не хотя ни знать, ни видеть, ежели с обыкновенной своей мешкотой и формами собирали войска воевать на Краков, когда мы всё кончили 2-мя бат., за то, при всем их глупом важничании, объявили они Штанд-Рехт, т. е. la loi martial [закон военного времени], и я уверен, что за Меттернихом дело не станет и с канальями поступят они начисто. Но повторяю, на пруссаков ничуть не полагаюсь. Жаль, что не удалось краковских шельм переловить нам, у них половина уйдёт или отпустят, и опять шельмы будут варить кашу по-своему; вряд ли не так будет. Из Вены мне пишут, что мужики в Галиции душат не только помещиков, но и попов, а других вяжут и представляют к начальству. Как это им здорово, да и Императрицам и фанатической партии, дабы убедились наконец, что за народ эти попы, и прав ли был я, что их привожу к порядку!».

И в конце как приговор: «Писал в Вену и в Берлин, и предлагаю по Теплицкому условию кончить Краков, не хотят — я кончу!»³⁷. Последняя фраза любопытна и показательна. Тот факт, что крупный русский воинский контингент оказался в роли

арбитра в охваченном смутами крае, поневоле вводил в соблазн дерзких внешнеполитических комбинаций, связанных с расширением западных границ Российской империи. И даже Николай I, которого англичане, возможно, и считали тираном, но всё-таки и джентльменом, не устоял перед соблазном поразмышлять над возможностью нарушения данного им императору Австрии слова. Тем более что и сам австрийский коллега, кажется, не очень на соблюдении этого слова настаивал. Бесспорно поддался этому соблазну и Паскевич, даже рискнувший перевести мечты в практическую плоскость. Ссылаясь на Ридигера, он сообщал, что в Галиции и Кракове существуют влиятельные местные партии, мечтающие о вхождении в лоно Российской империи. Но то ли верность данному слову, то ли трезвое нежелание ввязываться в авантюры помогли Николаю I устоять на прежних позициях. Из его письма князю Варшавскому от 3 (15 марта) 1846 г.:

«Все распоряжения, сделанные Ридегером, очень хороши, и все попытки в Кракове просить к нам передаться — принимаю ещё менее, чем когда-либо; подавно из Галиции. Тем более не хочу о том слышать, что должно осторожнее, чем когда-либо, избегать всего, что б могло навести тень сомнения на чистоту и прямоту наших намерений. Верю очень, что теперь австрийцам нелегко будет приводить народ к порядку, ибо сколько народное орудие в том случае им не было полезно, оно самое опасное, ибо выводит из порядка и послушания, а тут и комунизм готов. Этого-то примера я боялся для наших на Вольни и Подоле и сейчас послал Бибикова с строгим приказом отнюдь не допускать никакой подобной попытки, ибо никогда не позволю расporядков с низу, а хочу, чтоб её ждали сверху!»³⁸.

Паскевич же был обеспокоен явным недовольством пруссаков и в качестве компромисса предложил Николаю I поделить всю территорию республики на три равные части — по одной каждому из союзников. Догадываясь, что ответ будет отрицательный, но надеясь урвать с пресловутой «паршивой овцы» (Австрии) хоть «шерсти клочок», фельдмаршал предложил ещё один вариант: взять

с австрийцев компенсацию закупаемой у них солью (в размере импорта за два года) или деньгами.

Но Николай I был категоричен.

«По краковскому делу я с тобой не согласен. Брать себе ничего не хочу. Дело решено ещё в Теплице, Краков должен быть австрийским, а не прусским, так тому и быть. Но ежели хотят австрийцы променяться и отдать мне Галицию взамен всей Польши по Бзуру и Вислу, отдам и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край!»³⁹.

Понимая, что австрийцы на такой размен не согласятся, Паскевич предоставил событиям идти своим ходом. Известия о реакции пруссаков на краковские и галицийские события вдохновили его на интересные социологические рассуждения:

«Общественное мнение в Пруссии составляет средним классом, т. е. гражданами от банкира до сапожника, и чиновниками, которые так сильны в Пруссии и все заражены духом своевольтва. Партия эта никогда не думала о народе, т. е. о поселянах и крестьянах; крестьяне же, чувствуя, что одни правительства о их благе пекутся, не послушались бунтовщиков и вооружились против них. Такими действиями крестьяне сняли маску с третьего сословия, которое с 1793 г. называло себя народным. Я сказал: маска снята, и они сего очень боятся; она снята не только со шляхты польской, которая, будучи во всегдашнем возмутительном положении, везде и во всякое время пристаёт к бунту, но со среднего сословия в целой Европе — и вот истинная причина, отчего все люди сей партии так ожесточены»⁴⁰.

Судьба Кракова между тем обсуждалась своим чередом, и дело близилось к неизбежной очевидной развязке.

ГЛАВА 8

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ ПРОЛОГ К «ВЕСНЕ НАРОДОВ»

В Вене была образована особая конференция из трёх представителей покровительствующих держав. Конференция должна была решить дальнейшую судьбу Вольного города Кракова. От Австрии в состав конференции вошёл канцлер Меттерних, от России — глава российского посольства в Вене граф Метем и от Пруссии — граф Вестфален.

Возможно, вопрос этот был бы решён быстро и решительно, кайся он исключительно трёх перечисленных держав. Но всё было сложнее. Образование Краковской республики лежало в рамках решений Венского конгресса. И Франция, и Англия считали себя связанными трактатами 1815 г.

В связи с этим уже 2 (14) марта на заседании французской палаты депутатов де Ларош-Жакелон заявил, что восстание в Кракове нельзя характеризовать как революционное, так как оно носит явно национальные признаки. Обвинив австрийское правительство в натравливании галицких крестьян на местную шляхту, де Ларош-Жакелон потребовал от министра иностранных дел Ф. Гизо конкретных действий, направленных на защиту Краковской республики от неминуемой мести Австрии. Гизо сделал заявление в том смысле, что польский вопрос не является приоритетным в международной политике Франции. Но депутатов не удовлетворил такой ответ, и они открыли прения.

В процессе этих прений приводились различные факты, доказывающие намеренный и провокационный характер действий

австрийского правительства, за которыми лежала единственная цель — уничтожение Краковской республики. С парламентской трибуны звучали громкие призывы к министру Гизо не дать свершиться коварным австрийским планам. Эта дискуссия из нижней палаты поднялась в верхнюю палату пэров. Здесь уже всплыли подробности кровавой расправы в Тарновской округе, приводились конкретные суммы гонораров, выплачиваемых полицией за голову шляхтичей. Пэры указывали на явное нарушение европейского международного права. Но министр Гизо и тут стоял на своём — поляков следует поддержать всеми доступными средствами в рамках интересов Франции, но не подавать им ложных надежд и не возбуждать напрасных иллюзий. В итоге палата пэров утвердила закон о тайных расходах, по которому французское правительство должно было выделить средства на поддержку новой волны польской эмиграции.

После закрытия прений в палате пэров Гизо отправил в Вену две депеши. В одной, адресованной австрийскому правительству, он в дипломатичной форме выражал надежду французского правительства на то, что Австрия не воспользуется своим превосходством в отношении Кракова и после наведения порядка войска покинут город: «... я не сомневался с самого начала, что... оно есть мера исключительная, которая будет тотчас же отменена, лишь только обстоятельства позволят возвратиться к положению, созданному венскими договорами. Уважение к трактатам есть одно из самых существенных оснований консервативной политики, и мне известно, насколько эта политика согласна со всеми видами австрийского кабинета»¹.

Другая депеша вменяла французскому посланнику при австрийском дворе снабжать паспортами всех поляков, пожелавших выехать из Кракова и Галиции во Францию.

Английское правительство также интересовалось судьбой Краковской республики. Министр иностранных дел лорд Абердин запрашивал своих поверенных в Петербурге, Берлине и Вене о намерениях покровительствующих держав. Из Петербурга ему докладывал лорд Блюмфильд, вынесший из своих бесед с графом Нессельроде убеждённости в том, что, поскольку Краковская

республика, несмотря на свои крохотные размеры, причиняет огромные неудобства соседним державам, весьма вероятно, что её свободы будут значительно ограничены.

Из Берлина приходили противоречивые сведения от лорда Уэстморланда. С одной стороны, в кулуарах Министерства иностранных дел Пруссии ходили слухи, что вопрос о независимости Краковской республики является первостепенным в совещаниях между тремя державами. С другой стороны, министр иностранных дел Пруссии барон фон Каниц в официальных беседах обходил этот вопрос как вовсе несуществующий.

В целом ситуация оставалась достаточно нервной, и в опасении то ли общеевропейской войны, то ли нового польского восстания в письме от 16 (28) марта 1846 г. Николай I интересуется у Паскевича: «Скажи мне, полагаешь ли, что жене моей в мае месяце можно будет безопасно избрать любой обратный путь, на Богемию ли и Краков, или чрез Шлезию и Калиш?»².

Паскевич, в сомнительных случаях всегда предпочитавший перестраховаться, отвечает, что по указанному маршруту ехать можно без опасений.

Тем временем между Веной, Петербургом и Берлином шли интенсивные переговоры о дальнейшей судьбе Кракова. Позиция России была однозначной и отражена в переписке Николая I и фельдмаршала Паскевича. Русский император стоял на лишении Кракова статуса вольного города. Австрия поддерживала Россию, но оставляла за ней право договориться по этому вопросу с колеблющейся Пруссией.

Из письма Николая I Паскевичу от 18 (30) марта 1846 г.: «Слава Богу, что всё приходит в порядок. Надеюсь, что у австрийцев на время хотя дело пойдёт на лад, но за Пруссию никак не ручаюсь и твой взгляд на положение дел делу в полной мере. Однако я не могу отказаться от принятого пути по делу Кракова, ибо оно основано и на взаимном нас трёх обязательстве, и на моем убеждении в необходимости; двое нас, которые хотим, как Пруссия не хочет? стыдно б было, да и нельзя!»³.

Для урегулирования этого вопроса фельдмаршал Паскевич отправил в Берлин генерала Ф.Ф. Берга. Со своей стороны

австрийский канцлер князь Меттерних отправил в Пруссию графа фон Фикельмона.

29 марта (11 апреля) Николай I снова делится своими тревогами с князем Варшавским:

«Получил сегодня утром ответ короля на моё письмо с Бергом; отказывается кончить Краков, но ждёт, что ему Фикельман везет; а ему Митерних велел объявить королю, что хочет ли или не хочет, а мы Краков уничтожаем. Как-то это ему полюбитя? Посмотрим, а объявление хорошо, по-моему. Меттерних думает, что король связан обещанием, которое тайно дал французам, Краков отстоят, ежели так, то тем хуже ему, солгал. Жене писал, чтоб ехала на Краков; она была серьёзно больна желчной лихорадкой с рожей на лице, слава Богу, что не было хуже!»⁴.

Употребление глагола «солгал» о короле Пруссии и местоимения «мы» о России и Австрии характеризуют состояние и уровень жизнеспособности тройственного союза. Некоторая напряжённость между покровительствующими державами в вопросе о будущем Вольного города не оставалась незаметной для наблюдателей, прорываясь, например, в том напряжении, которое установилось между солдатами и офицерами союзных контингентов. Во всяком случае, если русские и австрийцы вели себя по отношению друг к другу вполне доброжелательно, то, по мнению Паскевича, прусаки держались особняком, если не откровенно враждебно. Впрочем, возможно, князь Варшавский несколько сгущал краски. Приведём для сравнения фрагмент из мемуаров русского участника тех событий:

«За отъездом всех старших начальников, полковник Менгден вступил в должность начальника всего русского отряда. Но у австрийцев граф Кастильони никуда не уехал и остался. Австрийцы были со всеми очень предупредительны и вежливы, хотя всем заметно было, что они только и думали, как бы поскорее совсем нас выпроводить. Во время стоянки в Кракове в Кременчугском полку умер подпоручик Чайковский, католик. Гр. Кастильони пригласил всех

офицеров гарнизона приехать на похороны и сам прибыл со свитой. Костёл “Панны Марии” был весь обит чёрным сукном и освещён. Хор местных артистов заменил клир. Были почти все члены бывшего комитета безопасности. Дамы убрали гроб цветами и гирляндами. За процессией, кроме полкового хора, следовал австрийский конный. Когда же гроб опустили в могилу, дамы разобрали венки и цветы, понаделали из них маленькие букетики, которые и раздавали в толпе *na pamiekte*... Так хоронил Краков русского подпоручика, — пишет полковник, — по-видимому, в пику австрийцам... На долю этого же полка выпало отпраздновать в Кракове и день тезоименитства Государыни Императрицы. Завтрак для приглашённых, на 500 человек, заказан был ресторану “La Pose”, а нижние чины угощались в монастырском саду. Горожане приехали на праздник вместе с жёнами, а офицеры прусского и австрийского отряда были почти все. Тосты провозглашались за Государя Императора и Государыню Императрицу, за Императора Австрийского и Короля Прусского. Музыканты играли национальные гимны, а песенники пели русские песни, всё шло чином»⁵.

Между тем на дипломатическом фронте раздавались другие песни. Прусская сторона стала склоняться в сторону решительных намерений союзников относительно Краковской республики. Об этом информировал своё правительство французский поверенный в делах при берлинском дворе генерал Фланг, приводя свой разговор с министром иностранных дел Пруссии фон Каницем, который сообщил ему следующее: «... действительно, мы никогда не думали протянуть за пределы, предписываемые крайнею необходимостью, военное занятие Кракова и его территории; русские и прусские войска очистили самый город, как вы знаете, почти тотчас же; но мы должны всё восстановить; правительство не существует более; президента Шиндлера мы уже не можем поставить во главе сената; всё это требует времени и связано с затруднениями; мы сознаём всю необходимость покончить с этим скорее. Восстановить порядок, надо восстановить правильное течение дел, составить правительство, которое могло бы действовать. Общественное спокойствие нарушено было в течение немногих дней; но бедствия,

причинённые этим страшным кризисом, потребуют много времени для своего устранения»⁶.

Николай I был в восторге от того, что между тремя державами стало восстанавливаться согласие по краковскому вопросу. 22 апреля (4 мая) 1846 г. он делился с Паскевичем подробностями трёхсторонних переговоров в Берлине:

«Конец делу краковскому в Берлине столь удачен, что не могу ему нарадоваться и надивиться; кажется, король, по словам его ко мне, убедился и в пользе, и в необходимости, и в праве нашем в сем приговоре; но он опасается, что известие о сем сломит шею Гизо и даст охоту другим, под этим предлогом, стараться нарушить всякий трактат; но, не отвергая возможности подобного, я замечаю, что Венский трактат противниками нашими уже нарушен был в их пользу отторжением Бельгии, здесь же мы не выходим из прав наших. Происходящее в Галиции урок добрый и доказывает ещё разом более, что никогда черни воли давать не должно, что у нас отнюдь не попущу. Чернь должна слушаться, а не действовать по себе. Затем я и отправил сейчас Бибикова восвояси, дабы у нас не переняли, на что бы охотников много было, но я-то не охотник до подобных орудий. Оно, может быть, отохочит Австрию от Галиции и расположит к обмену, когда время придёт об этом замолвить. Они эрцгерцогом Фердинандом недовольны за то, что дал себя полякам одурачить, но не смеют ему решительно отказать возвратиться. Слава Богу, жена благополучно прибыла Флоренцию, завтра 23-го (5-го) числа должна была выехать в Венецию, а оттуда 1-го (13-го) мая в Зальцбург, на Линц, Прагу и Краков в Варшаву, и, по расчету, может быть, туда около 20-го мая (1-го июня); я с помощью Божию полагаю пуститься к тебе прямо 2-го (14-го) числа и могу быть в Варшаве 6-го (18-го)!»⁷.

Чтобы подготовить правительства Англии и Франции к решению союзных держав изменить политическое положение Кракова, князь Меттерних направил в Париж и Лондон депешу, в которой подробно изложил взгляд Австрии на события, произошедшие в Галиции и Кракове.

В частности, в депеше говорилось:

«...трудно было бы дать объяснение событиям, совершившимся в течение последних недель, если бы не было ключа к ним в духе, свойственным эмиграциям и в беспредельном легкомыслии поляков. Всякое предприятие, от коего участвующие в нём могут понести только потерю и от коего не последует выгод ни для кого, всякое подобное предприятие носит на себе следы безумия. Между тем именно таков отличительный характер событий, нарушивших мир нашей империи. Предприятие это проникнуто было тою страстью к разрушению, которая ослепляет всех, предавшихся ему со всеми его последствиями. Чего не могла рассчитать эта страсть, то подсказано было легкомыслием. Польская эмиграция, чуждая интересам и потребностям страны, которую она покинула, пропитанная идеями, которые ни в каком смысле не могут быть доступны массе жителей этого края, возбуждённая и восхищённая почестями, которыми она пользуется за границей, забыла, что освобождение от повинностей, не только общественных, но равно и тех, которые связаны с собственностью, может сделаться крайне опасным учением, если проповедовать его массам. И однако ж именно к этому средству прибегла партия, называющая себя в эмиграционной среде демократическою; на него же согласилась и аристократическая партия, чтобы обеспечить себе (таково было обольщение, разделяемое всею эмиграцией!) поддержку со стороны сельского населения. Ошибка была великая, и последствия, принесённые ею, составляют ныне целый ряд затруднений для правительства и для страны. Нельзя безнаказанно разрушать социальные отношения в каком бы то ни было политическом теле, а между тем именно в эту сторону направлены были события в Галиции в течение четырёх или пяти дней, или — что будет вернее с исторической истиной, — в течение 6 и 7 (18 и 19) февраля в Тарновском округе, над которым заговор выполнил свой план всеобщего потрясения. Восстание, которое эмиграция возбудила против общественных властей, обратилось против землевладельцев в ту самую минуту, когда они хотели заставить своих крестьян повиноваться им при помощи силы. Смерть нескольких крестьян, которых раздражённые собственники убили пистолетными выстрелами, послужила знаком для сельчан, чтобы кинуться

на провозглашавших восстание. Они бросились на них, умерщвляя всех сопротивлявшихся и представляя местным властям тех, которые сдавались. Такова во всей её простоте история Галицкой революции; она задумана была в смысле политическом, на самом деле обратилась против тех, кто были её двигателями и соучастниками. Вожди и главные руководители виновного предприятия представили миру новое доказательство личного благоразумия. Никто из них не явился лично на поле битвы; лица, убитые крестьянами в ночь с 6-го на 7-е (с 18 на 19) февраля, равно как и арестованные ими, были только соучастниками. В числе первых, можно быть уверенным в этом, нет ни одного, который бы пожертвовал жизнью ради дела, выполнение которого так несогласно с ожиданиями сельского населения Галиции. Говорить о восстановлении древней Польши — значит напоминать людям, бывшим рабами при прежнем управлении и состоящими теперь собственниками в Галиции, несчастья, которые они испытывали под этим управлением. Всё это так просто и так понятно, за исключением обобщения, с каким люди, жившие на месте и находившиеся среди так настроенного населения, рассчитывали даже на возможность своего предприятия! Единственное объяснение этой загадки заключается в способности, с какою люди, руководимые страстью, надеются встретить и в других чувства, которые одушевляют их самих! Так как мы не принадлежим к этому классу людей, то и не рискуем потеряться в химерах; потому и наши затруднения, действительные и очень сильные, в чём мы и сознаёмся, совершенно отличные от тех, которые волнуют разгорячённые мозги в наше время, столь богатое умами такого рода. Я не сомневаюсь, что люди умные и, стало быть, практические, составляющие английское правительство, разделяют нашу точку зрения и способ суждения о настоящем положении; я льшу себя надеждой, что их мнение не отличается от нашего по вопросу о громадном различии, которое существует между правом убежища, которое мы имеем привычку уважать, и злоупотреблениями этого права, против коих мы боремся, не потому только, что имеем право на то, но и по убеждению, что страдаем от зла, происходящего вследствие покровительства, оказываемого в известных местах касте, поставленной данными условиями вне мирного общества, которая, однако ж, должна быть удерживаема в пределах приличия, если пользуется убежищем»⁸.

Таким образом, австрийский канцлер недвусмысленно давал понять европейским державам, что краковское правительство, давая приют польским эмигрантам, само нарушило условия сохранения нейтралитета и подвергло опасности свою независимость⁹.

Эта депеша имела воздействие на английское правительство, которое стало весьма сдержанно высказываться по краковскому вопросу, предпочитая дожидаться окончательного решения, которое примут три покровительствующие державы.

Однако в Париже реакция была иная. На заседании палаты пэров 20 июня (2 июля) граф Монталамбер снова инициировал прения по Кракову и Галиции. По его мнению, австрийская сторона намеренно вывела войска из Кракова, чтобы спровоцировать крупные беспорядки, хотя могла пресечь их в самом зародыше.

Он настаивал на том, что Франция имеет право вмешиваться в дела Краковской республики, и поэтому потребовал от правительства направить своего представителя во временное правительство Вольного города для получения точных данных о февральских событиях, произошедших не только в самом Кракове, но и в Галиции. И хотя министр иностранных дел Франции Гизо не поддержал идею Монталамбера послать французского агента в Краков, все эти громкие высказывания вызвали бурный отклик в дипломатических кругах Австрии.

В Петербурге внимательно наблюдали за кипевшими в Париже дебатами, о чём свидетельствуют донесения агента III отделения в Париже Я.Н. Толстого¹⁰, однако от активных демаршей воздерживались.

Зато «практичный» Меттерних ответил делом, а не словом. По его инициативе из Кракова были отозваны резиденты всех трёх покровительствующих держав на том основании, что временное правительство и так действует от их имени. Затем с территории Краковской республики были выведены и остававшиеся там русские войска. Таким образом Меттерних лишил Францию и Англию даже формальных оснований для посылки своих представителей в Краков. Правда, атмосфера, в которой прошёл выход русского отряда, вызвала много толков в европейской прессе.

Это событие описал командир Кременчугского егерского полка полковник барон Менгден:

«Около 28 июня пришло известие из Вены, что, по согласию трёх покровительствующих держав, Вольный город Краков присоединяется к Австрийской империи; русские же и прусские войска должны очистить Краковскую область к 1 (13) июля. Надо было видеть, как вдруг подняли нос австрийцы, и наши взаимные отношения мгновенно изменились. Граф Кастильони дошёл до того, что разослал маршруты нашим и прусским войскам, куда и как идти. Нам предписывалось выступить ночью и миновать Краков. Это нас взорвало, тем более что в маршруте, полученном тогда же из корпусного штаба, требовалось, чтобы мы шли именно на Краков и, разумеется, днём. Я уведомил об этом графа, но получил от него новое предписание, уже в виде совета, чтобы я, следуя на Краков, расположил войска ночевать по деревням, а не в городе, так как последнее будто бы менее удобно солдатам. В сущности, австрийцы боялись демонстрации жителей в пользу наших войск. Нечего делать, я согласился, и, когда полк стал под Краковом, я с корпусом офицеров пошёл откланяться бывшему нашему начальнику. В кратких словах мы благодарили графа за постоянное к нам внимание. Он отвечал такой же точно речью, выразив благодарность офицерам и в лице их войскам за сохранение порядка и проч. и проч. Не мог, однако, скрыть некоторого внутреннего удовольствия, что мы завтра всё-таки уходим. Когда офицеры вышли, я объявил графу, что по существующим узаконениям и обычаю мы должны перед уходом отслужить напутственный молебен, почему я прошу его сиятельство назначить для этого в городе соответственный плац. Граф Кастильони стал резко возражать, что это, вследствие разных причин, неудобно; и когда я объявил ему, что отступить от правил никоим образом не могу, он сказал, что никакого распоряжения относительно плаца не будет и что русские войска к рассвету должны быть на границе.

Я поклонился и вышел. Дело этим, разумеется, кончиться не могло. Явясь немедленно к нашему резиденту, барону Унгерн-Штернбергу, я просил его отправиться к графу Кастильони и объяснить ему, что выступление наших войск в том виде, в каком он желал, помимо уже

нарушения наших военных постановлений, прямо неприлично в политическом смысле; что так бегут только от врага, но не расстаются с союзником, с которым жили до тех пор мирно и решали общие важные вопросы. Унгерн-Штернберг отправился и всё это изложил графу в таком виде, что тот немедленно отменил первое приказание, написав всем своим генералам, штаб- и обер-офицерам собраться к 8 часам утра (2/14 июля) в моей квартире для провода русских войск; велел усилить караул на главной гауптвахте, дав ему знамя, и, когда мы пошли в колоннах через город, этот караул отдал нам честь и знамя салютовало нашим знаменам. Сборное место для молебна было назначено в предместье Клепаж, — та площадь, на которой князь Бибутов дожидался прибытия пехоты 19 февраля. Батальоны командуемого мною полка были построены правым флангом к Флорианским воротам, во взводных колоннах. Граф Кастильони приехал с огромной свитой раньше назначенного времени, именно в 5-м часу утра, когда войска только ещё строились. Несмотря на такую рань, народу из Кракова и предместий собралось очень много. Граф Кастильони, поздоровавшись с солдатами, благодарил их за службу и примерное поведение. После этого был отслужен молебен, по окончании которого батальоны переменили дирекцию налево, став лицом к Флорианским воротам, и пошли церемониальным маршем, повзводно, мимо меня, к заставе, имея впереди песельников. Граф Кастильони ехал во главе колонн до первой деревни, после чего, съехав с шоссе, пропустил батальоны мимо себя, раскланялся со мною и уехал. А народ провожал нас гораздо дальше, иные до самой границы, крича поминутно “ура”.

В заключение замечу, что за несколько дней до нашего ухода из Кракова явилась ко мне депутация от города с предложением дать нам прощальный завтрак; но я, вследствие происшедшей у нас размолвки с австрийцами, должен был отклонить от себя эту честь и только просил передать городу нашу глубокую благодарность»¹¹.

В австрийских газетах поспешили сообщить, что овацию русским устроили евреи, которые сильнее других жителей пострадали от восстания. Прусские публицисты трактовали это происшествие как доказательство пробуждения в поляках идей панславизма. Ну а

польские публицисты заявляли, что таким способом жители Кракова выразили свое отвращение к австрийским властям, устроившим резню в Галиции¹².

Итак, русские оставили Краков, однако австрийцы по-прежнему не объявляли об аннексии Вольного города, и Николай I снова занервничал. Из письма императора Паскевичу от 24 августа (5 сентября) 1846 г.:

«Последние сведения из Познани и Галиции довольно жалки. Ещё важнее сведения, сообщённые из Кракова Унгерн-Штернбергом через агента, всегда ему верные сведения доставлявшего. Полагаю, что что-то скоро готовится опять, теперь уж и яд в моду должен войти, чему и были уже пробы! ужасно и подумать! Скоро должно последовать от Австрии объявление о присоединении Кракова, и надо быть готовым слышать много вздору и марать много бумаги; но не думаю, чтоб дошло до формальной ссоры ни с Францией, ни с Англией»¹³.

Однако следующее письмо, где упоминается Краков, датировано уже 24 октября (5 ноября) 1846 г.: «Сей же вечер получил я из Вены донесение, что наконец решились приступить к объявлению об уничтожении Кракова; пора было, и я должен был по почте писать в Вену очень сильно, что буде они трусят приступать к делу, то я готов взять Краков себе; но не дождалась и сделали, и тем лучше. Крику будет много, этому верю, но последствий никаких!»¹⁴.

На следующий день, 25 октября (6 ноября) 1846 г., стало известно, что Австрия, Пруссия и Россия подписали совместный договор, поставивший черту под спорами о независимости Вольного города Кракова.

Договор гласил:

«Принимая во внимание, что заговор, вызвавший в феврале 1846 г. в великом княжестве Познанском, в Кракове и Галиции всем известные события, был подготовлен за границей при содействии многочисленных участников, пребывающих в крае; принимая во внимание, что преступный замысел поддержан был оружием, в назначенное для того время, и привлёк к открытию неприятельских

действий и к появлению прокламаций, приглашавших жителей к общему восстанию; принимая во внимание, что Краков служил местопребыванием центральной власти, называвшейся революционным правительством, и что от этого правительства исходили предписания, направлявшие восстание; принимая во внимание, что все эти обстоятельства, взятые вместе, поставили город Краков, так сказать, в военное положение, которое уполномочивало три двора, австрийский, прусский и русский, воспользоваться всеми правами, которые даёт война; принимая во внимание, что по этому одному они имеют право располагать территорией, которая приняла относительно их враждебное настроение; принимая во внимание, что три державы не имеют намерения подвергать город Краков праву сильного, так как этот закон не может найти себе применения при столь громадной несоразмерности сил; принимая во внимание, что тем более не может быть вопроса об акте мести или наказания над этим городом и что три высокие покровительствующие державы желают только восстановить порядок и спокойствие в краковской территории и не имеют другой цели, кроме обеспечения их народов от повторения событий, столь сильно нарушающих их спокойствие; принимая, кроме того, во внимание, что в силу договора, заключённого между нами 21-го апреля (3-го мая) 1815 г., город Краков с его территорией объявлен был вольным, независимым, строго нейтральным и поставленным под покровительство трёх высоких договорившихся сторон и что такую конвенцией три двора хотели исполнить условия, относящиеся к городу Кракову и включённые в различные трактаты между ними, из коих один заключён между его величеством императором австрийским и его величеством императором всероссийским того же 21-го апреля (3-го мая) 1815 года, а другой от того же числа между его величеством императором России и его величеством королём Пруссии; принимая во внимание, что существование вольного города Кракова, вместо того чтобы отвечать их видам, сделалось источником волнений и беспорядков, которые в течение почти двадцати шести лет не только нарушали мир и процветание этого города, равно как и безопасность соседних государств, но и имели целью низвержение порядка вещей, основанного на трактатах 1815 года; принимая во внимание, что многочисленные факты этого рода,

которые слишком известны, чтобы исчислять их здесь, совершенно изменили в самой сущности положение вольного города Кракова, который, допустив действия, противные требованиям договоров, разорвал условия, наложенные на него строгим нейтралитетом, что эти действия вызывали в различное время вооружённое вмешательство трёх держав и что все перемены, внесённые в его внутреннее устройство с целью сообщить силу его правительству, не помешали, однако ж, возобновлению сих печальных событий; принимая во внимание, что самое долготерпение трёх покровительствующих держав, выразившееся в этих благосклонных распоряжениях, вместо того чтобы достигнуть своей цели, послужило только к утверждению неисправимых врагов существующего порядка вещей в их замыслах, и что город Краков сделался очагом нового заговора, несравненно обширнейшего, разветвления которого простиралась на все старинные польские провинции; принимая во внимание, что к столь незаконному и преступному предприятию присоединилось нападение, с оружием в руках, вышедшее из того же города, и что Краков был центральным пунктом, откуда революционный дух действовал разрушительно на внутреннее спокойствие соседних государств; принимая во внимание, что, следовательно, Краков есть политическое тело, очевидно, слишком слабое, чтобы противостоять непрестанным интригам, которые держат этот город в нравственном подчинении, и что он по этому самому не даёт соседним державам никакой гарантии против повторения попыток к восстанию, что предприятие такого рода суть очевидное нарушение трактатов 21-го апреля (3-го мая) 1815 года, а равно второй статьи конституционного устава 18-го (30) 1833 года города Кракова; принимая во внимание, что вышеупомянутая конвенция между тремя державами относительно Кракова не воспроизведена в статьях 6, 7, 8, 9 и 10 акта Венского конгресса от 28-го мая (9-го июня) 1815 года, хотя этот акт заключает в себе различные постановления конвенции, принятой в частных сношениях между кабинетами; принимая во внимание, что если ныне три двора изменяют относительно Кракова порядок вещей, установленный их собственной волей в 1815 году, то пользуются через то лишь правом, которое не может быть оспариваемо у них; принимая во внимание всё это и обращая взоры, наконец, на безопасность их собственных государств, столь часто нарушавшуюся вольным

городом Краковом, три двора: австрийский, прусский и русский, приняли сообща следующие решения: 1) три двора: австрийский, прусский и русский отменяют статьи, касающиеся города Кракова в трактатах, заключённых с одной стороны между его величеством императором австрийским, а с другой между его величеством императором России и его величеством королём Пруссии, и подписанных 21-го апреля (3-го мая) 1815 года; дополнительный договор между Австрией, Пруссией и Россией, присоединённый к вышеупомянутым, также отменяется и уничтожается с сего дня; 2) вследствие сего город Краков и его территория переданы Австрии и воссоединены с Австрийской монархией, в качестве владения его императорского и королевского апостолического величества, каковым он был до 1809 года»¹⁵.

Австрийский император Фердинанд I назначил графа Маврикия фон Дейма комиссаром по вопросам, связанным с присоединением территорий Краковской республики к Австрийской империи. В своём обращении к жителям города император обещал «поддержку и покровительство нашей святой религии, беспристрастное правосудие, равное распределение податей, полное и совершенное обеспечение безопасности тем, которые окажутся достойными нашей милости, подчинившись немедленно настоящей мере, принятой в их интересах, и заявив о своей преданности к нашему дому»¹⁶.

А что же Николай I? Хотя он и упрекал австрийцев в нерешительности, но и сам испытывал серьёзное беспокойство. Из письма Паскевичу от 8 (20) ноября 1846 г.:

«Так как на днях должно было быть в Кракове объявлено присоединение к Австрии, то легко быть может, что будут беспорядки и дорога будет небезопасна; в таком случае я прошу сыну не дозволять ехать тем путём, а обрати его на Шлезию; даже и в таком случае, ежели ты полагать будешь, что проезд его через Краков может подать повод к неприличным изъявлениям»¹⁷.

Однако постепенно в душе русского императора утверждалось чувство облегчения, о чем свидетельствует следующее письмо, от 14 (26) ноября 1846 г.:

«Слава Богу, что с Краковом конец; шуму и крику будет много, не полагаю, чтоб было другое; впрочем, пусть суетятся, принять будем мы готовы. Ренневаль здесь очень испуган и говорит, что опасается, что Гизо не устоит; я так не полагаю этого; но ежели бы и было так, что нам за дело; хоть бы и Тиер его заменил, не боюсь ничуть. Пальмерстон тоже будет шуметь и грозить, но почти уверен, что сим и кончится. Положение Галиции весьма ненадёжно, в том нет сомнения, и будет им худо, ежели не будут строже поступать и не облекут, кого послать хотят, полной властью. Уверен, что пропаганда и эмиграция будут беситься и всячески искать будут новых способов нам вредить; надо быть осторожными»¹⁸.

Англия и Франция, действительно, восстали против решения покровительствующих держав, принятого без всякого предварительного обсуждения с другими подписантами Венского договора. В Вену, Берлин и Петербург полетели депеши с протестами. И Англия, и Франция настаивали на неправомерности такого решения и нарушении прав других держав, участвовавших в Венском конгрессе.

В ответ Пруссия выступила с двумя нотами, в которых фон Каниц весьма подробно излагал все обстоятельства и причины, приведшие к присоединению Кракова к Австрии. В очередной раз прусский министр напоминал своим оппонентам, что дарованные тремя покровительствующими державами городу Кракову свобода, независимость и строгая нейтральность были нарушены февральским восстанием и отвергнуты провозглашением революционным правительством Польской республики, что, в свою очередь, привело к возмущению порядка уже на территории трёх покровительствующих держав. Игры с новой конституцией и независимостью после всего случившегося прусский министр считал дешёвой «комедией». Также фон Каниц отвергал все обвинения в нарушении Венских конвенций, мотивируя это тем, что акт Венского конгресса был подписан восьмью державами 28 мая (9 июня) 1815 г., тогда как договор о Кракове и остальных польских землях три державы заключили 21 апреля (3 мая) без привлечения остальных участников конгресса. И хотя, замечал фон Каниц, 10-я статья

акта Венского конгресса включает все постановления касательно Вольного города Кракова в правовое поле этого самого акта, она не ограничивает права трёх покровительствующих держав пересматривать договорённости без участия других подписантов акта. «... Три державы не нанесли ущерба правам других, но только воспользовались своим правом, насколько их обязывало к тому положение дел», — резюмировал в конце своей ноты прусский министр¹⁹.

Во второй ноте фон Каниц выразился ещё более определённо: «... если правительства Франции и Англии придают большое значение общественному мнению в их странах, даже когда оно взволновано, пристрастно и подчинено предубеждениям и сомнениям, то из этого не следует, что другие независимые правительства должны руководствоваться в своих собственных делах иностранными мнениями и подчинять им своё поведение. Спор между кабинетами едва ли восстановит соглашение по этому вопросу; но три державы ответят на протесты общею декларацией, спокойною и основательною, в полном убеждении, что они не нарушили никакого права других держав, защищая своё собственное и поражая революцию»²⁰.

В том же духе выступил австрийский канцлер князь Меттерних, направив в Париж и Лондон депешу и пространный меморандум, в которых подошёл к краковской проблеме с позиций общего польского вопроса, стоявшего перед тремя державами, участницами раздела Речи Посполитой.

«Краковский вопрос, — писал он, — в продолжение всей слабой и ненормальной жизни этого маленького государства не касался одного только Кракова; он всецело заключался в условиях полонизма, который покушался даже на существование трёх великих монархий. Самый город и его территория объявлены были свободными для торговли. Участь такого *porto-franco*, который не имеет других границ, кроме трёх соседних государств, окружённых таможенными линиями, кидается в глаза. Он должен или погибнуть от нищеты, или превратиться в пропасть нравственной и материальной пропаганды; и Краков действительно стал местопребыванием контрабандистов и искателей приключений всякого рода. Этот город, который в 1809 году был богатым и цветущим,

ныне нищ, мало населён и предан материальным и нравственным бедствиям. Не надо искать Кракова в его собственных стенах, но в клубах Франции и Брюсселя. Что носит имя торговли, было большею частью ядом, который берегли в республике для распространения в соседних государствах, согласно предписаниям вождей польской эмиграции. Из Кракова доставлялись в Галицию произведения польской радикальной печати, которые подготовили и произвели ужасные сцены, залившие кровью эту провинцию в феврале прошлого года; Краков снабдил сотнями тысяч ружей, которыми землевладельцы и собственники вооружили своих крестьян, но которые обращены были сельчанами против них самих... Три державы столько времени сохраняли за Краковом часть той независимости, которая была дарована ему договорами 1815 года; но республика сама заставила их прекратить её воображаемую свободу, которую она уступила эмиграционному правительству. Это была единственная причина, заставившая союзные державы поступить так, как они сделали. Если бы это решение исполнено было ранее, то Галиция и другие соседние страны не подверглись бы тем кровавым событиям, которые они испытали. Краков, конечно бы, сохранил своё существование, если бы польская эмиграция не избрала её своим постом. Три двора, нисколько не обманывая себя насчёт затруднений времени, поостереглись бы созидать новые, если бы не были убеждены в крайней необходимости нанести решительный удар революционной партии, вызвавший с её стороны такие неистовые крики. Они совещались в этом случае с главным законом, обязательным для каждого государства, с правом собственности и покровительства своим подданным; а потому они и действовали, убеждённые в своём праве и своих обязанностях. В этом именно, а не в чём-либо другом, заключается весь краковский вопрос».

Далее австрийский канцлер от имени трёх держав обосновал принятое ими решение, обрисовав положение Вольного города Кракова в следующих чертах: «Краков объявлен был политическим организмом единственно по воле покровительствовавших ему держав; русский двор, в согласии с Австрией и Пруссией, отделил от земель, завоевание которых дало ему беспорное право

располагать ими свободно, известную долю территории, которой даровал независимость, каковою эта территория никогда в прежние времена не обладала; три двора могли бы дать Кракову иное устройство и иначе определить его судьбу; но его независимость не была абсолютною; она связана была с исполнением известных условий; Краковская республика не была стороною договаривающейся, когда решался вопрос об её существовании, и потому не была призвана занять в системе европейских государств определённое место, для которого ей недоставало равенства происхождения и исторического права; Европа не могла входить в соглашение с Краковом, который политически был представляем покровительствующими державами, что необходимо вытекало из самых свойств этого покровительства; три двора, имевшие право объявить Краков свободным государством, имели в то же время право определить формы и условия его существования. Но Краков не выполнил этих условий, и его существование прекратилось. Три двора в 1815 году заключили между собой договоры, определявшие бытие Кракова, не испрашивая на то согласия никакой другой державы и не встретив в том протеста ни с чьей стороны; точно так же эти дворы имели право отменить, по взаимному соглашению, некоторые условия помянутых договоров, как и совершенно уничтожить их. Право участия держав, участвовавших в Венском конгрессе, ограничивается самым свойством договоров. Кроме договоров общего характера, внесённых в главный трактат, были договоры частные, и в течение тридцати лет, протекавших после конгресса, эти частные условия нередко изменялись только по соглашению дворов, имевших непосредственные отношения к ним: Пруссия, получившая по венским трактатам Саксонию, уступила большую часть Нейштадского округа великому герцогу Веймарскому; параграф 52 Венского трактата дал Австрии верховную власть над княжеством Изембургским, а она в 1819 году уступила это право великому герцогу Гессенскому; Венский конгресс присудил княжество Лихтенбергское герцогу Саксен-Кобургскому, который в 1834 году уступил его Пруссии. Таким образом, венский конгресс не обязывал державы, отдельные договоры которых внесены в его акты, производить в них изменения не иначе как по соглашению со

всеми остальными державами. Три двора своим общим постановлением о Кракове не только не нарушили буквальный текст актов Венского конгресса, но и действовали в его духе, ибо Краков в течение многих лет действовал вопреки ясных условий, внесённых в эти акты. Право дворов, подписавших главный акт Венского конгресса, заключается в посредничестве между договаривавшимися сторонами в случае, если б между ними возникли несогласия и если б они пригласили другие дворы к такому вмешательству; в краковском же вопросе не существует разногласия между сторонами, заключившими договор 21-го апреля (3-го мая) 1815 года, и, стало быть, материального условия, которое могло бы вызвать такое вмешательство, не существует в данном случае»²¹.

Однако решающим фактором, предопределившим успех операции по ликвидации Краковской республики, стали не стремительность действий русских войск и не красноречие Меттерниха, а наличие серьёзных (хотя и не имеющих отношения к польскому вопросу) противоречий между Англией и Францией. Об этом же писал князю Варшавскому 9 (21) декабря 1846 г. Николай I:

«По Краковскому делу шуму и вранья много, но, кажется, тем и кончится; а что хорошо, то явная вражда между Англиею и Франциею, которая и при сем обстоятельстве не могла быть предлогом для сближения и взаимного против нас действия!»²².

В общем, как констатировал князь А. П. Щербатов: «Несколько натянутые в то время отношения между Англиею и Франциею способствовали безмолвному согласию Европы»²³.

Итак, вполне справедливо расценив молчание Парижа и Лондона как знак согласия, «покровительствующие державы» запустили юридические механизмы по ликвидации покровительствуемого ими Вольного города Кракова.

В административном отношении территория бывшей Краковской республики вошла в состав принадлежавшей Австрии провинции Галиции. Благодаря прагматизму Паскевича, Россия, выполнив свои обязательства по Берлинской конвенции 1835 года, получила скромный экономический приз — права, ранее принадлежавшие

Вольному городу Кракову, на получение из соляных копей Велички беспошлинно и по льготной цене оговорённого количества соли. Кроме того, Австрия отказалась от всех денежных претензий бывшего Вольного города Кракова к Царству Польскому.

Зато взаимозачёты между Австрией и Пруссией привели к новым конфликтам

28 декабря 1846 г. (9 января 1847 г.) Николай I писал Паскевичу:

«Сведения, которые ты сообщаешь про готовящееся в Пруссии, совершенно подтверждаются со всех сторон; но что всего хуже, король в своём ослеплении начал теперь ссориться с австрийцами за подчинение Кракова общему австрийскому тарифу; и так как Австрия весьма справедливо не соглашается на бессмысленные требования короля, — то он выходит из себя, ругается впропалую, и, право, не знаю, до чего дойти может. Я ему решительно объявить должен был, что, находя его требования совершенно несправедливыми, объявляю ему, что не могу допустить его неправильных притязаний к Австрии и в случае серьёзной ссоры присоединюсь к Австрии, так, как бы присоединился к Пруссии, ежели б считал вину со стороны Австрии; — авось этим предупрежу крайности. Этот пример безрассудства короля не один, таких много и по всем делам, и легко вообразить, что из всего этого происходит! просто срам и жалость»²⁴.

Разумеется, противостоять дружному и энергичному натиску своих партнёров — России и Австрии — Пруссия, уже погружающаяся в пучину внутриполитического кризиса, оказалась не в силах. Но обида, разумеется, осталась...

В Петербурге и особенно в Варшаве между тем пытались осмыслить все происшедшее и в очередной раз проработать меры, способные предотвратить возможности повторения польского национального восстания.

При этом Паскевич, например, никогда не рассматривал краковские события в отрыве от событий в Галиции, Познани и Седлеце. Об этом свидетельствует составленная им ещё в мае 1846 г.

записка «Краткое обозрение начала, последствий и причин неуспеха последнего Польского заговора». Приведем её с выдержками:

«Но главною пружиною влияния на простой народ и в особенности женщин было католическое духовенство, которое прибегало для того к мерам преступным, и таинство исповеди употребляло как средство, именем Бога побуждая народ к восстанию. В Галиции и Позене, как известно, оно не только участвовало, но приготавливало и устраивало бунт; в Кракове монастыри служили складочным местом оружия и запасов. В царстве, — с достоверностью сказать можно, — духовенство католическое не лучше; но оно действует более скрытно, и не так смело».

Далее он достаточно точно излагает замыслы Мерославского и продолжает:

«Таковы были намерения и средства эмиграции и мятежников.

Их главные надежды обращены были на Позен и на Краков. Они основывали их на слабости правительства Краковского и на множестве недовольных вообще в Пруссии.

К счастью, в Позене случайно были сделаны некоторые открытия, которые навели правительство на следы заговора.

В Кракове волнение было так заметно, что резиденты трёх держав, не имея ещё никаких положительных сведений, по отзыву сената, что он не ручается за сохранение спокойствия, признали необходимым занять город небольшим австрийским гарнизоном.

Несмотря на то, бунт в Кракове вспыхнул. Австрийские войска выступили, и мятежники старались учредить своё правление.

Вслед за тем они бросились в Галицию, но здесь нашли против себя всех поселян.

В то же время они пробовали сделать попытку и в Царстве, напад на Седльце; но не имели никакого успеха. К ним никто не пристал, и мужики связали бунтовщиков.

По сим причинам, хотя я и мог надеяться на удержание злоумышленников беспрерывным надзором пятнадцати лет и на усмирение

всяких покушений силою оружия; но для сохранения спокойствия в крае признал я необходимым по первому известию о происшествиях в Кракове, Галиции и Седльце усилить меры обыкновенной осторожности и вместе с тем принять следующие меры:

1) Послать отряд войск для занятия Кракова, если не прежде, то вместе с войсками других двух покровительствующих держав. К нему впоследствии командирован генерал Ридигер, снабжённый надлежащею на все случаи инструкциею;

2) Собрать другой отряд войск на Галицийской границе и предложить эрцгерцогу Фердинанду вступление сего отряда в Галицию в его распоряжение....

Крестьяне, показавшие преданность и представившие бунтовщиков, награждены деньгами, медалями, избавлением от рекрутской повинности. Другие же, соседние с Краковом и Галициею, увлечённые примером и побуждаемые Галицийскими поселянами, начали было буйствовать и отказываться отправлять работы; но мерами скорого, безотлагательного наказания зачинщиков и внушениями настоящего их долга повиновения и преданности законной власти они усмирены и возвратились к мирному исполнению своих обязанностей.

Таким образом, явные и тайные злоумышленники были обузданы, и спокойствие в Царстве после седлецкой попытки было сохранено. Смее ручаться, что оно нарушено ныне не будет; но удерживает Польшу только неусыпный надзор и страх наказания; ибо нет сомнения, что заговор распространён был по всем частям, некогда Польшу составлявшим. В Кракове ожидаемы были депутаты из пяти частей, на которые мятежники разделяли бывшую Польшу; на карте, ими составленной, черты доведены до Днепра; места были розданы, начальники назначены; везде и в Позене, и в Галиции затеяло заговор дворянство польское, связанное родством и с нашими польскими помещиками в Царстве и Империи»²⁵.

Судя по последним строкам, чувства, обуревавшие Паскевича да и царя, были скорее двойственными — с одной стороны, ощущение успеха от того, что первое нападение польских революционеров оказалось отбито по всем направлениям, а с другой — тревога.

Причина этой тревоги заключалась не только в ощущении незавершённости польского вопроса, но и в боязни той силы, которая таила для монархической консервативной Европы немало опасностей. Речь идет о коммунизме, причём коммунизме ещё не оформившемся в качестве идеологии и, разумеется, очень далёком от коммунизма в ленинской, сталинской или брежневской интерпретации.

Более того, этот коммунизм в сознании Николая I и его окружения ещё всё же не отделялся от вдохновляемого мировым масонством «революционизма» вообще, являющегося традиционным оружием геополитических противников (Англии и Франции) в борьбе против «Святой Руси», воплощающей в себе старые добрые монархические и религиозные традиции. Об этом свидетельствует хранящаяся в архиве Паскевича запись его разговора с графом Лубенским.

«Граф Т. Лубенский ездил в Позен и, возвратясь оттуда за две недели до бунта в Краков, рассказывал мне с видом удивления и сожаления о брожении умов в Познани, о распространении там коммунизма.

Я заметил ему, что в настоящем волнении есть два движения: одно коммунизма, другое полонизма, который, пользуясь коммунизмом, старается им прикрыть свои действия. Это объясняется историей всех тайных обществ, социальных и политических. Стоит вспомнить историю масонских обществ. В начале Масонские Ложи были собранием, может быть, одних добрых людей, которые увлекались мыслью, что несколько человек, соединяясь в общество, могут сделать более добра, чем одно отдельное частное лицо. Их заманивали также мистические формы и обряды масонства. Так было до появления Иллюминатов, которые образовались уже с целью преступною, или, как ныне говорят, — политическою. Иллюминаты видели возможность воспользоваться собранными в ложи масонами, из которых иные были увлечены, другие сами пристали к их политическим замыслам. Тогда масонство образовало первую низшую ступень тайных Обществ, куда завлекались адепты и приготавливались к поступлению на высшие степени.

Тем же путем следовали Общества, образовавшиеся позднее, с более или менее преступными целями.

Каждое из них употребляло другие слабейшие, менее энергические Общества как орудие, как средство воспользоваться им и действовать вместе или, в случае нужды, им заслониться.

Так и ныне. Коммунизм существует и распространяется по всей Западной Европе. Но полонизм им старается воспользоваться как силою, как орудием, в надежде потом в случае успеха отдалиться и подавить его.

Через две недели после сего разговора вспыхнул бунт в Кракове и Галиции. События оправдали мои слова»²⁶.

Получалась забавная вещь: «полонизм» (т. е. польское национальное движение) оказывался союзником и коммунизма и рвущейся к власти буржуазии. Подтверждение же этого тезиса Паскевич находил в судьбе Тиссовского.

Даже после ликвидации Вольного города князь Варшавский внимательно следил за судьбой бывшего краковского диктатора. Об этом свидетельствует хранящаяся в архиве III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии копия с «Протоколов показаний мятежника Ивана Тиссовского, снятых в Саксонской крепости Кенигштейн судьей Зайончковским». Документ этот был прислан из Саксонии начальнику III отделения А.Ф. Орлову, тот же переслал его для сведения Паскевичу. В протоколе указывалось, что «Иван Тиссовский родился в Тарнове, 35 лет, окончил Львовский университет. 24 января 1846 г. прибыл в Краков, там собрались Мерославский, граф Франц Велосовский и Николай Лиссовский, порешили бунт поднимать 21 февраля». Далее излагались события, о которых уже достаточно говорилось в этой книге²⁷.

Паскевич изучил показания Тиссовского и, как обычно, сделал из них определённые обобщающие выводы. О характере этих выводов можно судить по записи ещё одной беседы князя Варшавского с неким Mr. Д.:

«Mr. Д. в разговоре о Краковских мятежниках изъяснял удивление, как люди решаются на подобные дурачества, рискуют всем — и для чего?»

Я отвечал ему, что, напротив, они делают это по расчёту и ничем не рискуют, ибо в минуту опасности они бегут и уверены, что — по крайней мере — в Париже их примут с участием и с распростёртыми объятиями. Тиссовскому, например, терять нечего, а надежды много. — Расчёт почти верный, и это сделалось промыслом. Если бы ему удалось добраться до Парижа, — он явился бы там как бывший Диктатор, прослыл Графом, сделался бы Львом. Ему нельзя бы дать обыкновенного польским выходцам пособия, по три франка в день; ему бы дали 11 т. франков в день, везде бы принимали, назначили в его пользу бал, концерт и ужин, его жизнь из безвестной и ничтожной сделалась бы весьма приятною... И так не в одном Париже люди, подобные Тиссовскому, находят награду великих дел своих? — Прискорбно, что таким образом поддерживается дух беспокойств, бессмысленных надежд и преступных замыслов поляков; что этот дух противодействия Правительствам рано или поздно точно так же обратится против Правительств Франции и Англии, как теперь он возбуждается против держав монархических чисто; ибо он действует против всякого порядка и законной власти»²⁸.

Конца этой борьбы, по мнению Паскевича, не предвиделось. Следовательно, предстояло готовиться к новым схваткам. Ликвидация восстания 1846 г. позволяла перевести дух, и в качестве отклика на замечания царя о том, что «мы не вечны», написать ему служебную записку о возможном реформировании общих принципов управления Царством Польским. Многие её положения заслуживают особого внимания с учётом восстания 1863–1864 гг. и последующих перегибов русификации.

В преамбуле Паскевич заявляет: «Я всегда был того мнения, что короче всего было бы присоединить Царство к Империи и устроить общее русское Правление. К сожалению, сделать этого нельзя, ибо после мятежа дан был Царству Польскому статут. Но статут слишком ограничивал власть правительственную и затруднял ход управления. Не прошло несколько месяцев, как непрерывные заговоры и попытки революционеров потребовали мер более поспешных и власти более сильной, чем та, которую правительство предоставило себе статутом. От этого сама собой явилась

необходимость власти исключительной, то есть изъятий из закона и отступлений от форм, законом установленных. Власть эта всегда будет необходима в Польше. Между Неманом, Вислою и Одером — гнездо всех беспокойств для России; язва Империи»²⁹.

Дальнейшее содержание документа посвящено отстаиванию этих тезисов. Однако при всей убедительности приводимых доводов главный вопрос остался без ответа: власть исключительная предполагает наличие исключительных личностей, но где взять новых Паскевичей? Их, собственно, больше и не было, а методы преемников всего лишь с большим или меньшим успехом пытались повторять методы Паскевича. Язва не лечилась, а заглашалась обезболивающим.

Сходная ситуация наблюдалась и во внутренней политике Российской империи в целом. Царствование Николая I не было связано с абсолютной стагнацией, но плавное реформирование осуществлялось темпами, почти неразличимыми для современников. Критическая масса нерешённых проблем накапливалась, чтобы рвануть в самое неподходящее время.

Впрочем, аналогичная картина с запаздыванием назревших реформ наблюдалась и в других странах Европы, хотя везде имелась своя специфика. В Англии и Швейцарии с их давними демократическими традициями речь шла прежде всего о расширении избирательного права — то есть о расширении демократии. Во Франции существенную роль играло стремление к социальным преобразованиям; в Италии — к национальному единству. В Пруссии и Австрии в оппозиционном брожении присутствовали все вышеперечисленные факторы плюс необходимость борьбы с феодальными пережитками.

В бывших же польских землях по-прежнему доминирующим оставалось стремление к восстановлению собственной государственности. И ликвидация Краковской республики стала не финальным, а всего лишь промежуточным актом в этой борьбе, продолжавшейся ещё более семи десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вступление

¹ *Гетка-Кениг М.* Александр I и поляки // Новая Польша. 2012. № 3. С. 7.

² *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 1–6.

Глава 1. Дитя «танцующего конгресса»

¹ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 266.

² Цит. по: *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871 г. С. 4.

³ Цит. по: Внешняя политика России XIX и начала XX веков. Документы Российского Министерства иностранных дел. Т. 8. М., 1972. С. 106–107.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Политика — Дипломатия. СПб., 1877. С. 280–281.

⁸ Цит. по: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1892. С. 422.

⁹ Цит. по: Внешняя политика России... Т. 8. С. 133.

¹⁰ Цит. по: *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 32–33.

¹¹ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. 3. С. 299–300.

- ¹² Цит. по: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. С. 435.
- ¹³ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Император Александр I. С. 294.
- ¹⁴ Там же. С. 295
- ¹⁵ Цит. по: *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 16–17.
- ¹⁶ Там же. С. 17.
- ¹⁷ Цит. по: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. С. 437–439.
- ¹⁸ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. С. 300.
- ¹⁹ Цит. по: *Внешняя политика России...* Т. 8. С. 127.
- ²⁰ Цит. по: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. С. 443–444.
- ²¹ Цит. по: *Внешняя политика России...* Т. 8. С. 644.
- ²² Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. С. 285.
- ²³ Цит. по: *Внешняя политика России...* Т. 8. С. 165.
- ²⁴ Цит. по: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. С. 443–444.
- ²⁵ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. С. 285.
- ²⁶ *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 473.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 369. Л. 209–212.
- ²⁸ Там же. Л. 92.
- ²⁹ Там же. Л. 92–96.
- ³⁰ Там же. Л. 98–99.
- ³¹ Там же. Л. 99–100.
- ³² Там же. Л. 103.
- ³³ Там же. Л. 104.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 104–105.
- ³⁶ Там же. Л. 105–106.
- ³⁷ Там же. Л. 106.

Глава 2. Между тремя державами

- ¹ Цит. по: *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел.* Т. 8. М., 1972. С. 311–314.

² Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 507.

³ Там же. № 3. С. 105–106.

⁴ Там же. С. 108–109.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 55. Л. 1–2.

⁷ Там же. Д. 43. Л. 1–12.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ *Смит Ф.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. 3. СПб., 1864. С. 221.

Глава 3. Царь и его сатрап

¹ Цит. по: *Сахаров А.Н.* Исторические портреты. 1762–1917 гг. М., 2002. С. 201.

² *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899.

³ *Кюстин А., де.* Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 443.

⁴ *Соснора В.А.* Николай I // www.rulit.net/books/nikolaj-read-265530-4.html.

⁵ Письма Николая I к родным // dugward.ru/library/nikolay1/nikolay1_pisma_rodnym.html.

⁶ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Царствование Императора Николая I. Т. 2. СПб., 1993. С. 27.

⁷ Цит. по: *Боханов А.Н.* Николай I. М., 2008. С. 211.

⁸ Цит. по: *Бутаков Я.* Наш великий охранитель Николай Павлович // www.pravaya.ru/look/2471.

⁹ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1882. Тула, 1990. С. 47–48.

¹⁰ Там же. С. 76.

¹¹ *Соловьёв С.М.* Избр. труды. М., 1983. С. 311.

¹² *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция LXXXV. СПб., 1992.

¹³ Граф Бенкендорф о России в 1831 и 1832 гг. // Красный архив. Т. 3. 1931. С. 343–346.

¹⁴ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 46–47.

¹⁶ Граф Бенкендорф о России... // Красный архив. Т. 3. С. 349–350.

¹⁷ Смит Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. 3. СПб., 1864. С. 55–57.

¹⁸ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 279.

¹⁹ Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 гг. М., 2008. С. 26–27.

²⁰ Цит. по: Боханов А.Н. Николай I. С. 193.

Глава 4. «Гнездо всему нынешнему злу...»

¹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 2. Л. 19.

² Цит. по: Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 12.

³ РГИА, Ф. 1018, Оп. 4, Д. 2, л. 4

⁴ Цит. по: Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. СПб., 1896. С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. СПб., 1896. С. 22.

⁷ Цит. по: Там же. С. 87–88.

⁸ Цит. по: Там же. С. 101–102.

⁹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 51. Л. 1.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 44. Л. 1–4.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 97.

¹⁶ Цит. по: Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. СПб., 1896. С. 93–94.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Там же. С. 254–255.

²¹ Там же. С. 76–77.

²² РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 76. Л. 1.

²³ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 86–87.

²⁴ *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 621.

²⁵ Там же. С. 622–623.

²⁶ Цит. по: *Митюрин Д.В.* Милый демон // Секретные материалы XX века. Украина. 2007. № 12. С. 7–8.

²⁷ *Муромов И.* Сто великих авантюристов // www.modernlib.ru/books/muromov_igor/100_velikih_avanturyristov/read.

²⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 72.

²⁸ Там же. Оп. 4а. Д. 65.

³⁰ Там же. Оп. 2а. Д. 113.

³¹ Там же. Оп. 4а. Д. 29.

³² Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 102.

³³ Там же. С. 86–87.

³⁴ Там же. С. 190.

³⁵ Там же. С. 142–143.

³⁶ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. СПб., 1896. С. 292–294.

³⁷ Там же. С. 294–295.

³⁸ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 143.

³⁹ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 144.

Глава 5. Вперед, австрийцы!

¹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 149.

² *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 643.

³ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 150–151.

⁴ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 150.

⁵ Там же. Д. 151.

⁶ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 628–629.

⁷ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 152.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 630.

¹⁰ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 152.

¹¹ Там же. Д. 153.

¹² Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 651–654.

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 300.

¹⁵ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 154.

¹⁶ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 4 С. 656.

¹⁷ Там же. С. 656–657.

¹⁸ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. С. 284.

¹⁹ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. С. 155.

²⁰ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 4 С. 662.

Глава 6. Новые «злодейства» непокорного Кракова

¹ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 242.

² Там же. С. 246–248.

³ Там же. С. 249–250.

⁴ Там же. С. 252–253.

⁵ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 281.

⁶ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Приложения к т. 5. СПб., 1896. С. 368.

⁷ Там же. С. 373.

⁸ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 249–250.

⁹ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 387.

¹⁰ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 5. С. 253–254.

¹¹ Там же. С. 266–267.

¹² Там же. С. 268.

¹³ Там же. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 276–277.

¹⁵ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 49.

¹⁶ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 478.

¹⁷ Там же. С. 498.

¹⁸ Там же. С. 501.

¹⁹ Там же. С. 498.

²⁰ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 248.

²¹ Там же. С. 263.

²² Там же. С. 264–265.

²³ РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 11.

²⁴ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич.. Приложения к т. 5. С. 330.

²⁵ Там же. С. 331.

²⁶ Там же. С. 332.

²⁷ Там же. С. 338.

²⁸ Там же. С. 339.

²⁹ Цит. по: *Трубецкой А.* Крымская война. М., 2010. С. 23–24.

³⁰ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 104–105.

³¹ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 356.

³² РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 10. 178 л.

³³ Там же. Л. 141–142.

³⁴ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 350.

³⁵ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 514–515.

³⁶ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 434.

³⁷ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 247.

³⁸ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков // Вестник Европы. 1875. № 6. С. 695–696.

Глава 7. «Приступить к решительной мере...»

¹ Усмирение Венгрии. М., 2011. С. 186.

² РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 127.

³ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 6. С. 701.

⁴ ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1. Л. 66.

⁵ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 128.

⁶ ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1. Л. 62–66.

⁷ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 703–704.

⁸ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 129.

⁹ *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. М., 2008. С. 312.

¹⁰ Цит. по: Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 1873. С. 100–102.

¹¹ РГИА., Ф. 1018. Оп. 6. Д. 130.

¹² Цит. по: Записки Н.В. Берга... С. 104.

¹³ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 9. С. 21.

¹⁴ Занятие Кракова русскими войсками в революцию 1846 г. // Исторический вестник. 1894. Т. LVI, май. С. 37.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36 ч. 1. Л. 90.

¹⁶ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 131.

¹⁷ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 565.

¹⁸ Там же. С. 566.

¹⁹ Там же. С. 551.

²⁰ Письмо кн. Варшавского, графа Паскевича-Эриванского к Н. / Сообщено Ад. П. Берже // Русская старина. 1885. Окт. С. 579.

²¹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 282.

²² ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1 (Приложение к № 44 «Русского инвалида»).

²³ Там же. С. 126–127.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1. С. 129.

²⁵ Занятие Кракова русскими войсками... С. 37–38.

²⁶ ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 2. С. 522–555.

²⁷ Цит. по: *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 31.

²⁸ *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 гг. М., 2008. С. 109.

²⁹ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 712.

³⁰ Цит. по: Записки Н.В. Берга... С. 54.

³¹ Цит. по: Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 712–713.

³² РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 283.

³³ Там же. Д. 284.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 8. С. 274.

³⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 285.

³⁸ Там же. Д. 286.

³⁹ Там же. Д. 287.

⁴⁰ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 523.

Глава 8. Заключение, или Пролог к «весне народов»

¹ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 6. С. 717.

² РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 287.

³ Там же. Д. 280.

⁴ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 568.

⁵ Занятие Кракова русскими войсками в революцию 1846 г. // Исторический вестник. 1894. Т. LVI, май. С. 38.

⁶ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 717.

⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 291.

⁸ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 719–720.

⁹ ГАРФ. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–23.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 198.

¹¹ Цит. по: Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 1873. С. 56–57.

¹² ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1. С. 129, 363.

¹³ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 569.

¹⁴ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 299.

¹⁵ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 725–728.

¹⁶ Там же. С. 728.

¹⁷ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 575.

¹⁸ Там же. С. 576.

¹⁹ Цит. по: *Попов Н.* Вольный город Краков. С. 734.

²⁰ Там же. С. 734.

²¹ Там же. С. 735–738.

²² РГИА. Ф. 1018., Оп. 5. Д. 303.

²³ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. С. 52.

²⁴ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Приложения к т. 5. СПб., 1896. С. 583.

²⁵ Там же. С. 586–591.

²⁶ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 69. Л. 1–2.

²⁷ ГАРФ. Ф. 1846. Оп. 26. Д. 36, ч. 1. Л. 373–382.

²⁸ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 68. Л. 1.

²⁹ Цит. по: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5. С. 601.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (М.)

Ф. 109. Оп. 2. Д. 72. 12 л.

Секретный архив. III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Докладная записка гр. Витта из Варшавы о приезде в Варшаву жены участника польского восстания гр. Олизар с целью узнать о судьбе мужа. 1832 г.

Ф. 109. Оп. 2а. Д. 43.

Записки и письма о состоянии Царства Польского, настроениях поляков, польском восстании 1830–1831 гг., взаимоотношения с соседними государствами, сведениями о поляках. 1828–1831 гг.

Ф. 109. Оп. 2а. Д. 55. Л. 1–2

Письмо Лебовского из Варшавы к князю Чарторьжскому о тяжёлом положении Краковской республики. 1827–1830 гг.

Ф. 109. Оп. 2а. Д. 113. 2 л.

Докладная записка полковника корпуса жандармов Власова об антиправительственной деятельности поляков эмигрантов в Кракове, Галиции, Венгрии, на Бартдильских минеральных водах. 30 окт. — 20 нояб. 1833 г.

Ф. 109. Оп. 4а. Д. 198. 27 л.

Донесение агента III отделения в Париже Толстого Я. Н. по вопросам внутренней и внешней политики Франции, об откликах французской

печати на аннексию Кракова Австрией, о революционных настроениях в Италии. 21 янв. — 20 июня 1847 г. (фр. яз.).

Ф. 109. Оп. 4а. Д. 29. 15 л.

Письма графа Витта о политическом положении в Германии (Силезии, Саксонии), Австрии, о сближении Австрии с Пруссией и Францией, об удовлетворении населения выходом русских войск из Кракова и др. 1 июля 1833 – 1836 г.

Ф. 109. Оп. 4а. Д. 65. 11 л.

Записка о связях варшавских и краковских студентов с французским полковником Голау, приглашавшим их во Францию для ведения агитации против Луи-Филиппа. 1830-е гг. (фр. яз.).

Ф. 1743. Оп. 1. Д. 1. 49 л.

Российский комиссар по пограничным делам с Пруссией А.И. Кох.

Переписка с III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и виленским военным губернатором о польских эмигрантах Красовском и Станевиче и о распространении воззваний, напечатанных в Лондоне под заглавием «Юрьев день». 20 февраля 1846 — 20 марта 1865 гг.

Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1. 422 л.

III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1-я экспедиция. О смутном положении дел в Кракове, Галиции и Княжестве Познанском. 1846 г.

Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 1. Л. 363

Донесение гр. Орлову от Паскевича о донесении резидента барона Унгерн-Штерберга о выступлении русских войск из Кракова. 1846 г.

Ф. 1846. Оп. 26. Д. 36, ч. 1. Л. 373–382.

Протоколы показаний мятежника Ивана Тисовского, снятые в Саксонской крепости Кенигштейн судьей Зайончковским. 1846 г.

Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36, ч. 2. 675 л.

О смутном положении дел в Кракове и о занятии сего города войсками союзных держав. 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 4. Д. 2. 19 л.

Обзорная записка К. В. Нессельроде Ивану Федоровичу Паскевичу об отношении к польскому вопросу различных политических сил великих держав. 1831 г.

Ф. 1018. Оп. 4. Д. 44. 4 л.

Мысли фельдмаршала о договоре с Австрией и Пруссией на случай возмущения. 1830-е гг.

Ф. 1018. Оп. 4. Д. 68. Л. 1-2.

Разговор князя Варшавского с Мг. Д. 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 4. Д. 69. Л. 1-2.

Разговор князя Варшавского с графом Лубенским. 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 4. Д. 76. 1 л.

Письмо Николая I Паскевичу от 20 мая (1 июня) 1833 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 51. 1 л.

Письмо Николая I Паскевичу от 7 (19) марта 1832 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 143

Письмо Николая I Паскевичу от 30 июня (11 июля) 1835 г.

РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 149

Письмо Николая I Паскевичу от 31 дек. 1835 (11 янв. 1836) г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 150

Письмо Николая I Паскевичу от 20 янв. (1 февр.) 1836 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 151

Письмо Паскевича Николаю I от 20 янв. (1 февр.) 1836 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 152

Письмо Паскевича Николаю I от 10 (22) февр. 1836 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 153

Письмо Николая I Паскевичу от 15 (27) февр. 1836 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 154

Письмо Николая I Паскевичу от 2 (14) марта 1836 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 282

Письмо Николая I Паскевичу от 20 февр. (4 марта) 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 283

Письмо Николая I Паскевичу от 24 февраля (8 марта) 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 285

Письмо Николая I Паскевичу от 28 февраля (12 марта) 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 286

Письмо Николая I Паскевичу от 3 (15) марта 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 286

Письмо Николая I Паскевичу от 15 (27) марта 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 287

Письмо Николая I Паскевичу от 16 (28) марта 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 288

Письмо Николая I Паскевичу от 18 (30) марта 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 291

Письмо Николая I Паскевичу от 22 апреля (4 мая) 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 299

Письмо Николая I Паскевичу от 24 октября (5 ноября) 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 303

Письмо Николая I Паскевичу от 9 (21) декабря 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 6. Д. 127

Письмо Паскевича Николаю I от 6 (18) февраля 1846 г.

Ф. 1018. Оп. 6. Д. 128

Письмо Паскевича Николаю I от 10 (22) февраля 1846 г.

Ф. 1329. Оп. 1. Д. 369.

Л. 92.

«Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и Конституции между дворами российским, австрийским и прусским заключённый». 1815 г.

Л. 209–212.

Манифест о завершении Венского конгресса. 1815 г.

Российский государственный военно-исторический архив (М.)

Ф. 14014. Оп. 2. Д. 8. 513 л.

Переписка с канцелярией наместника в Царстве Польском и штабами войсковых частей о положении в Пруссии и Галиции, о сосредоточении войск к Галицийской границе и о введении войск в Краковскую область. 3 янв. — 2 дек. 1846 г.

Ф. 14014. Оп. 2. Д. 9. 70 л.

Распоряжения главнокомандующего армией командирам корпусов Действующей армии, комендантам крепостей и представителям высшей военной и гражданской администрации о сосредоточении войск в направлении Кракова и в пограничных районах в связи с усилением национально-освободительного движения в Галиции и Познани. 5 февр. — 6 марта 1846 г.

ИСТОЧНИКИ

Внешняя политика России XIX — начала XX веков. Т. 8. М., 1972.

Граф Бенкендорф о России в 1831 и 1832 гг. // Красный архив. Т. 3. 1931.

Занятие Кракова русскими войсками в революцию 1846 г. // Исторический вестник. 1894. Т. LVI, май. С. 37–39.

Кюстин А., де. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 421–660.

Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010.

Письма Николая I к родным // dugward.ru/library/nikolay1/nikolay1_pisma_rodnyum.html.

Письмо кн. Варшавского, графа Паскевича-Эриванского к Н. Сообщено Ад.П. Берже // Русская старина. 1885. Окт. С. 579.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1882. Тула, 1990.

Усмирение Венгрии. М., 2011.

ЛИТЕРАТУРА

- Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 гг. М., 2008.
- Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871.
- Боханов А.Н.* Николай I. М., 2008.
- Бутаков Я.* Наш великий охранитель Николай Павлович // www.pravaya.ru/look/2471.
- Гетка-Кениг М.* Александр I и поляки // Новая Польша. 2012. № 3. С. 7–14.
- Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. — СПб., 1899.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция LXXXV. СПб., 1992.
- Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1892.
- Польша и Россия в первой трети XIX века / под ред. С.М. Фалькович. М., 2010.
- Попов Н.* Вольный город Краков. 1815–1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 1–6.
- Сахаров А.Н.* Исторические портреты. 1762–1917 гг. М., 2002.
- Смит Ф.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. 3. СПб., 1864.
- Соловьёв С.М.* Император Александр Первый. Политика — Дипломатия. СПб., 1877.
- Соснора В.А.* Николай I // www.rulit.net/books/nikolaj-read-265530-4.html.
- Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. М., 2003.
- Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.
- Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. СПб., 1897.
- Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1886.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Вступление	10
Глава 1. Дитя «танцующего конгресса»	16
Глава 2. Между тремя державами	47
Глава 3. Царь и его сатрап	83
Глава 4. «Гнездо всему нынешнему злу...»	104
Глава 5. Вперёд, австрийцы!	141
Глава 6. Новые «злодеяния» непокорного Кракова	168
Глава 7. «Приступить к решительной мере...»	217
Глава 8. Заключение, или Пролог к «весне народов»	255
Примечания	282
Архивные материалы.....	292
Источники.....	297
Литература.....	298

Научная монография

Соколов Александр Ростиславович
Николай I и Краковская республика

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Редактор *М. Устинов*

Корректор *Л. Галаганова*

Вёрстка *Е. Новгородских*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.
Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by
в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,58. Печать офсетная.

Заказ №